Krasnïĭ arkhiv; istoricheskiĭa zhurnal.
947
K8

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ (ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ)
28

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

★
ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГР. ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Пятницкая, 71.
Главл. А-16456. П. 12. Гиз 27885.
Заказ 1505. ★ Тираж 1.750.

Lib. Com. (Hist. Sect.)
Harvard
5-11-29
19652

Ставка и министерство иностранных дел.

Продолжение [1]).

Письмо Кудашева 17 (4) сентября 1915 г.

Ставка. 4 сентября 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

С новым начальником штаба прибыли в ставку и новые его помощники. Из них один, ген. Борисов, заведует изданием «сообщений». Если прежние сообщения штаба верховного главнокомандующего давали повод к критике, то теперешние повергают в уныние, так как подрывают доверие к сообщаемому и отличаются еще большей неопределенностью. Ввиду этого я постарался разузнать, в чем собственно дело и что теперь происходит. Оказывается, что мы переживаем очень и очень серьезную неделю, в течение которой, быть может, решится участь нашей армии. Немцы прорвались у Свенцян и дошли до второй железнодорожной линии (Вилейка — Полоцк), так что все войска наши в районе Вильны обходятся справа. Положение получается сходное с тем, что было под Лодзью, когда немцы нас окружили, оказались сами в «мешке», откуда, благодаря нашей бесталантности, благополучно вышли. Что случится теперь, предсказать нельзя. Скажу одно: случилось именно то, чего желали немцы, т.-е. генеральное сражение, в котором они рассчитывают уничтожить нашу армию. Удастся ли это им — не знаю. Будем надеяться на наилучшее. К сожалению, в бою самая несчастливая наша армия (X). Ей на помощь спешит II, — тоже не из удачных. — Распоряжения отсюда даны, как говорят, самые обстоятельные, составленные ген. Алексеевым. Но как они будут выполнены?.. Теперь выясняется, что закрытие австро-венгерской границы и известие о переброске генерала Гальвица в Галицию лишь маскировали истинное направление Гальвица на сев.-восток от Вильны.

Бог милостив, и будем надеяться, что планы германцев не осуществятся. Это выяснится, вероятно, в ближайшие дни. При всем том Алексеев сохраняет большую бодрость духа и верит в благополучный исход кампании.

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXVII, стр. 3—57.

О ближайших планах государя никто ничего определенного не знает. Говорили, что он уедет в Петроград на этой неделе. Но он сам сказал Горемыкину, что не раньше 10 дней (считая от 30 августа). Вероятно, значит, его отъезд совпадает с моментом, когда окончательно выяснится результат происходящего сражения.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 23 (10) сентября 1915 г. [1]).

Могилев. 10 сентября 1915 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Из довольно продолжительного разговора, который я имел третьего дня с ген. Алексеевым, я мог вывести общее заключение, что положение наше им признается безусловно тяжелым и что из него не так скоро можно надеяться выйти. Особенно тяжелое — ближайшее время, ближайшие дни, когда окончательно выяснится результат недавнего молниеносного набега немцев на Вилейку и происшедшей отсюда оттяжки наших войск, повлекшей за собою уход наш из Вильны [2]). Теперь много говорят об отъезде государя в Царское, но никто, даже гр. Фредерикс [3]), не знает, когда этот отъезд состоится. Я поэтому думаю, что он находится в связи с ликвидациею смелого набега немцев на восток от Вильны.

По поводу тяжелого, — чтобы не сказать безвыходного, — положения англичан в Дарданеллах [4]) я спросил ген. Алексеева, что бы наиболее соответствовало нашим военным интересам: чтобы англичане ослабили французский фронт и высадили еще войска в проливах или же поддержали французов для активных действий на западном фронте? Генерал на это ответил приблизительно так: для нас ликвидация дарданелльской операции, конечно, самая важная задача, ибо, разрешись она, м о ж н о б у д е т з а к л ю ч и т ь с е п а р а т н ы й м и р с Т у р ц и е ю и перебросить кавказскую армию против Германии, а это может решить участь войны в нашу пользу, так как и немцы устали, и появление свежих сил может сразу все изменить. Впрочем, заметил генерал, активное действие французов возможно и теперь; для нас оно очень желательно, ибо все усилия, все пополнения германцев направлены на нас, и мы уже сплошь 5 месяцев выдерживаем

[1]) Письмо опубликовано в сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 205—206.

[2]) Очищение русскими войсками района Вильны относится к 5 (18) IX. Отступление это имело место в связи с прорывом германцами русского фронта в районе Свенцяны — Вилейка — Молодечно.

[3]) Гр. В. Б. Фредерикс — министр имп. двора и ком. имп. главн. квартирой.

[4]) Предпринятая 24 июля (6 авг.) 1915 г. попытка английских десантных сил овладеть Галлиполийским полуостровом, в результате кровопролитных боев (24—28 июля, 3-го и 8-го августа) потерпела полную неудачу и стоила 120-тысячному десанту около 45 тыс. убитых и раненых.

всю тяжесть войны. Если бы французы немного энергичнее повели войну на их фронте, мы бы сейчас почувствовали значительное облегчение. Войск германцы перекидывать на запад не будут, но они лишены будут возможности пополнять свои потери на нашем фронте так быстро и обстоятельно, как они это делают теперь. При ослаблении же их натиска на нас мы не только сможем их остановить, но и начать выгонять их обратно на запад. Это, впрочем, во всяком случае, немыслимо ранее 5—6 недель, когда придут ожидаемые военные запасы.

Алексеев считает, что побуждение французов к большей активности весьма желательно. Про итальянцев он заметил, что, если они теперь ничего не сделают, то, по наступлении холодов, их продвижение в горах окончательно должно будет прекратиться, и тогда стоящие против них войска (австрийские) будут снова направлены против сербов. Я выше подчеркнул несколько слов из сказанных мне ген. Алексеевым, так как они меня наводят на мысль о скептицизме его относительно возможности завладения нами Константинополем. Я, впрочем, не предложил ему прямо этого вопроса, но думаю, что едва ли можно себе представить сепаратный мир с турками [1]), по которому последние согласились бы уступить свою столицу кому бы то ни было. При первой возможности я постараюсь ближе узнать его взгляды на константинопольский вопрос.

Н. Кудашев.

Здесь были несколько озадачены желанием Палеолога лично представить государю ген. д'Амада [2]): его ждут с нетерпением, а заезд в Петроград только оттянет время свидания с ним. К тому же все распоряжения сделаны, чтобы его встретить в Унгени и сразу привезти: сюда, — если государь будет здесь, в Царское, — если государь будет уже там. Этим объясняется ответ Фредерикса на ваш запрос.

Письмо Кудашева 3 октября (20 сентября) 1915 г.

Могилев. 20 сентября 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Телеграмма ваша, извещавшая об отказе Грэя предъявить ультиматум Болгарии [3]), была доложена государю. Его величество по этому

[1]) Дипломатическая переписка, связанная с возможностью заключения сепаратного мира с Турцией, восходит к февралю 1915 г. В своей телеграмме от 14 (27) августа 1915 г. за № 328 Демидов передавал мнение французского посланника в Афинах, высказывавшегося в пользу заключения сепаратного мира с Турцией. См. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 311—318.

[2]) В телегр. 8/IX 1915 г. за № 4671 Сазонов передавал в ставку просьбу Палеолога по поводу высочайшего приема прибывающего в Петроград ген. д'Амада, «командированного генералом Жоффром с военным поручением в Россию».

[3]) 10 сентября 1915 г. в Болгарии была объявлена всеобщая мобилизация, в то же время болгарские войска концентрировались у сербской границы. 14/IX 1915 г. союзными посланниками в Софии был получен составленный Делькассэ

поводу в тот же вечер за обедом довольно долго со мною разговаривал, выражая свое неудовольствие и удивление по поводу такой необычайной осторожности английского министра. Я постарался, сколько мог, изложить его точку зрения на основании тех телеграмм, которые мне были сообщены. В тот же день совершенно те же чувства выразил ген. Алексеев. Он считает, что мы сделали крупную ошибку, не поступив более решительно с Болгарией. В выступлении последней он не сомневается; с военной же точки зрения он считает, что большое преимущество отнято у сербов тем, что им не дали возможности использовать свою готовность к нападению на болгар. — Только время покажет, был ли прав Грэй или инициатор идеи об ультиматуме, за которым должно было следовать быстрое нападение сербов на болгар. Если дела на европейских фронтах пойдут для нас успешно, то, быть может, решение Грэя окажется наиболее мудрым и предотвратит излишнюю сербо-болгарскую войну. Дело сводится к тому, намерена ли Болгария или не намерена напасть на Сербию, когда окончится ее мобилизация. — Алексеев просит меня подтвердить вам его опасения разгрома Сербии и занятия болгарами железнодорожной линии на Салоники, без которой Сербия пропадет от недостатка пищи и военных припасов. Теперь, конечно, время упущено для нападения сербов на болгар, остается ждать событий на европейских театрах. Если они не разовьются ни в ту, ни в другую сторону — а это наиболее вероятно — то несомненно, что австро-германцы нападут на Сербию или же проложат дорогу для своих субсидий войсками и снарядами Турции через Румынию. М н е к а ж е т с я, ч т о э т о п о с л е д н е е и я в л я е т с я н а с т о я щ е ю ц е л ь ю н е м ц е в и вызванной ими болгарской мобилизации. Они предпочтут использовать свою силу и обаяние не для того, чтобы отвлечь войска на сербскую границу, а чтобы вырвать у румын согласие на провоз военных припасов в Турцию. В конце концов, наиболее от этого потеряют англичане, так как тогда Галлиполийский полуостров обратится в кладбище ее [sic!] десантной армии.

Н. Кудашев.

проект ультиматума Болгарии с требованием прекратить мобилизацию. Савинский высказывался против указанного проекта, полагая, что рост недовольства в стране правительственной политикой и возможность образования коалиционного кабинета дают основание надеяться на благоприятный оборот дела (телегр. Савинского от 15/IX 1915 г. за № 699). Русское министерство ин. дел высказывалось за решительный в отношении Болгарии образ действий, но встретило возражения со стороны английского министерства ин. дел. Телеграммой от 16/IX 1915 г. (номер отсутствует) Нератов сообщал Кудашеву, что Грэй уклоняется от предъявления ультиматума и что в Петрограде согласны на удлинение срока требования ответа от Болгарии. Телеграммой Савинскому от 19/IX № 4892 Сазонов однако предлагал вручить Радославову ультиматум, гласивший: «если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами согласия» — посланник покинет территорию Болгарии (см. «Царская Россия в мировой войне», стр. 140). Неудовлетворительный ответ болгарского правительства (22/IX—5/X) 1915 г. повлек за собою разрыв сношений Болгарии с союзными державами.

Письмо Кудашева 5 октября (22 сентября) 1915 г.

Могилев. 22 сентября 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

По получении ваших телеграмм от 20 числа, я в тот же вечер отправился к начальнику штаба, чтобы их доложить ему и узнать его мнение по вопросу о посылке русского отряда в помощь Сербии. Ген. Алексеев очень внимательно, по два раза, прочел телеграммы и только сказал: «Хорошо, я доложу государю». Я ему напомнил о телеграмме Poincaré [1]) по тому же вопросу. «Да, знаю...» сказал он. Его этот вопрос, видимо, раздражает. Даже стариковские щеки его покрылись румянцем, когда он повторил мне то, что я уже от него слышал: что мы уже 5 месяцев несем всю тяжесть войны, что о решительном успехе нашем или переломе в нашу пользу и речи еще нет, что мы не м о ж е м отвлекать ничего от наших сил, борющихся уже не за границею или на окраине, а на самой русской территории. В м о р а л ь н о е действие нашего участия в союзном отряде он не верит. Если бы он в него и веровал раньше, то опыт нашей войны с Австрией, когда не только чехи и словаки, но и русские галичане также дрались против нас, как и другие, совершенно лишил его этой веры. «Когда в человека стреляют, то и он стреляет, кто бы ни был перед ним: свой или чужой. И болгары также будут драться, если среди их противников будут русские или только другие». Лучшим способом устроить помощь сербам, по его мнению,— побудить Италию послать сильный отряд в Салоники. Итальянцы этого не желают. Но следует постараться их убедить в пользе для общего дела их помощи в Македонии. В то время, когда другие союзники истекают кровью, итальянцы ничего не делают и н е м о г у т сделать, так как осень слишком подвинулась в Альпах, и

---

[1]) Текст телеграммы Пуанкарэ был передан Сазоновым в ставку телеграммой за № 4860 от 18/IX 1915 г. В ней выражалось опасение по поводу возможного занятия болгарами линии Ниш — Салоники, могущего нанести ущерб делу снабжения союзных армий; в ней отмечалось, что Англия и Франция намерены отправить в ближайшем будущем свои войска в Сербию и, наконец, указывалось на крайнюю желательность посылки русских войск в Сербию в том количестве, в каком только это возможно, — для охраны дороги на Салоники. Телеграммой от 20/IX 1915 г. за № 4906 Сазонов передавал в ставку повторное ходатайство французского посла об одновременной с союзниками посылке в помощь Сербии хотя бы самого незначительного отряда, присутствие которого в Македонии должно оказать благотворное действие на Болгарию.

Телеграммою от 20/IX 1915 г. за № 4908 Сазонов передавал в ставку просьбу Пашича о том же.

Телеграммою от того же числа за № 4909 Сазонов передавал в ставку, со слов Извольского, сообщение Делькассэ о том, что часть союзных войск, предназначенных для посылки в Салоники, находится уже в пути. «С особым нетерпением, — значилось в указанной телеграмме, — он ожидает известия о том, намерены ли мы прислать хотя бы одну, просимую Пашичем, дивизию... неполучение ответа об этом, видимо его волнует...».

фактическая война там до весны более невозможна. Пусть же они помогут на Балканском полуострове.

Суждения генерала мне кажутся очень разумными, и я вполне разделяю его мнение относительно «морального действия». Впрочем, он до сих пор не дал мне знать, каково же, наконец, решение государя по возбужденному французами вопросу. — Я только что получил вашу личную телеграмму по этому делу и частной запиской запросил Дрентельна, не имеет ли он каких-либо сведений о том, в каком смысле будет отвечено президенту [1]). После завтрака я постараюсь увидать Алексеева и поставлю ему определенно вопрос.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 21 (8) октября 1915 г. [2]).

Царская ставка. 8 октября 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Положение, созданное решением Болгарии присоединиться к нашим врагам, считается ген. Алексеевым настолько серьезным, что он мне категорически заявил, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турциею. На мое замечание, что такой мир, даже если бы его удалось заключить (к чему имеются почти непреодолимые технические трудности), обозначал бы крушение всех наших надежд на разрешение больного константинопольского вопроса, ген. Алексеев ответил: «Что же делать? С необходимым приходится мириться!» — Из дальнейшего разговора, вот, что могу заключить о мнении генерала по этому вопросу.

Если Германии удастся пробиться чрез Сербию и подать руку помощи Турции, то и Турция ей отплатит за это и даст ей именно то, что у нее, Германии, все-таки постепенно истощается: пищу, сырье, людской материал. Мы и теперь никак не можем справиться с Германией, что же будет, когда ее ресурсы увеличатся? Если же мы примиримся с Турцией, то мы не только ослабим источник этих новых ресурсов наших врагов, но сами получим новые ресурсы: освободится наша кавказская армия (а у наших союзников — их галлиполийский десант), откроется путь для подвоза боевых снаряжений и возможность вывезти наш хлеб, т.-е. облегчение нашего экономического и финан-

[1]) На повторный запрос Сазонова (телеграммой от 21/IX 1915 г. за № 4223) об ответе царя на телеграмму Пуанкарэ Кудашев отвечал телеграммою от 22/IX 1915 г. за № 407. В ней между прочим со слов начальника штаба сообщалось, что в принципе решено участвовать в военной помощи сербам, но только тогда, когда выяснится степень участия союзников и когда это позволят обстоятельства на русском военном театре, а также, — что в данное время посылки русских войск в Сербию быть не может.

[2]) Настоящее письмо Кудашева от 8/X 1915 г., равно как последующее письмо его от того же числа, опубликованы в сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 206—210.

сового положения. Т.-е. создастся положение, при котором разумно можно будет рассчитывать на достижение цели войны: изгнания врага из наших пределов и сокрушения опасной для нашего существования военной мощи Германии. Преследовать иные цели — значит гоняться за миражем...

Все это ген. Алексеев просил меня довести до вашего сведения. На это я заметил, что лучше было бы, чтобы он сам вас поставил в известность о его точке зрения на цели войны, так как она опирается на соображение исключительно военного свойства; Алексеев с этим согласился и поручил мне составить письмо к его подписи в указанном смысле. Вчера я в третий раз его спросил, прочел ли он посланный ему проект письма [1]), но он опять сослался на количество работы, мешающей ему заняться этим делом. — Принимая во внимание, что инициатива разговора на тему мира с Турциею принадлежала е м у, а отнюдь не мне [2]), что свои убеждения он высказывал с большим жаром, я думаю, что задержка в подписании письма должна иметь другое объяснение,— возможно, что генерал имел случай убедиться, в несочувствии его мысли самого государя. Вчера он меня спросил, не собираетесь ли вы сюда? Я ответил, что вы приезжаете не иначе, как по специальному приглашению и что мне неизвестно, чтобы таковое последовало. Генерал покачал головою: «Ах, как жалко! На словах гораздо легче можно было бы все обсудить. А мне так важно договориться по всем вопросам с вашим министром!»... Слова эти я привожу в надежде, что они послужат, быть может, предлогом для нового посещения вами ставки.

Конечно, есть много вопросов, которые хорошо было бы обсудить непосредственно вам с Алексеевым. В оценке настроения Румынии [3])

---

[1]) Упоминаемого проекта письма среди материалов Архива Внешней Политики обнаружить не удалось.

[2]) Зная настроения, господствующие в министерстве, я бы не возбудил сам этого вопроса. [*Прим. в подлиннике.*]

[3]) Еще в телегр. Кудашева от 2/X 1915 г. за № 413, посвященной вопросу о помощи Сербии, отмечалось указание ген. Алексеева на то значение, какое для этого дела может иметь содействие Румынии, хотя бы пассивное и негласное— в форме пропуска русских войск через Добруджу. Под давлением союзников русское мин-во ин. дел ставит на очередь вопрос о переговорах с Румынией по поводу пропуска через румынскую территорию русских войск в размере пяти корпусов для немедленного вторжения в Болгарию. «Безотлагательное приведение в исполнение рещения вашего императорского величества, — писал Сазонов царю в своей телеграмме на имя министра двора от 10/X 1915 г. за № 5230, —является тем более настоятельным, что разгром Сербии и соединение германских армий с турецко-болгарскими сделают выступление Румынии на нашей стороне мало вероятным». В связи с успехами австро-германских армий и выступлением Болгарии позиция Румынии становится особенно уклончивой. Она соглашается на пропуск русских войск лишь при условии своего собственного выступления. Последнее же обусловливает предварительною готовностью к продвижению к румынским границам русской армии, притом — в размерах, ею указываемых, (300 000 штыков) — преувеличивая, по словам Поклевского, эти размеры «тысяч на сто» против действительных потребностей (см. секр. тел. Сазонова Кудашеву от 14/X 1915 г. за № 5309).

он видит совершенно ясно и никаких иллюзий себе не делает. Он довольно скептически отнесся к поездке кап. Бубнова в Бухарест, о коей я телеграфировал вам вчера. Ничего нового Бубнов не узнает [1]). Но хорошо, что он отправился для обозрения положения под эгидою Поклевского, к которому я дал ему рекомендательное письмо.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 21 (8) октября 1915 г.

Царская ставка. 8 октября 1915 г.

Личное (№ 2).

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Мнение генерала Алексеева (о котором я вам писал в моем последнем письме), что мы не в состоянии продолжать войну на всех фронтах одновременно и что нам поэтому необходимо заключить мир с Турциею, особенно убедительно в предположении разгрома Сербии и установления непосредственного соприкосновения и связи Австро-Германии с Турцией. Поэтому вопрос о спасении Сербии и о предотвращении торжества германского замысла должен быть тщательно разработан с военной точки зрения, и принятые решения приведены в исполнение энергично. Пока французы с англичанами только додумались послать 200 000 в Салоники, которые еще туда не доехали и которые окажутся недостаточными, если до их соединения с сербами, последних успеют уничтожить [2]). Хотя я всегда отношусь очень

[1]) В связи с предстоявшими действиями Черноморского флота ставка учитывала возможность появления австрийских мониторов на Дунае и столкновение их с судами экспедиции Веселкина. Для урегулирования связанных с этим вопросов, а также для выяснения пригодности румынских портов для десанта и других вопросов был командирован в Бухарест один из старших чинов военно-морского отдела ставки кап. 2-го ранга Бубнов (см. телегр. Кудашева от 7/X 1915 г. за № 419 и от 14/X № 429).

[2]) В телегр. от 10/X 1915 г. за № 5235 Сазонов писал Кудашеву: «По сообщению военного агента, занятие болгарами Велеса отрезало сербскую армию от Солуни и поставило ее в безвыходное положение. По его мнению, разделяемому его коллегами, сербы будут вынуждены капитулировать через месяц, если вовремя не поспеет помощь». Создавшееся для Сербии положение ускоряло разрешение вопроса о создании особой балканской армии, в основу которой должны были быть положены силы галлиполийского десанта, попытка продвижения которого к Константинополю к августу 1915 г. определилась, как потерпевшая полную неудачу. Операции, которые велись союзниками на Галлиполийском полуострове в течение следующих ближайших месяцев, служили для них прикрытием подготовлявшейся эвакуации десантного корпуса. К октябрю заканчивались переговоры между Парижем и Лондоном о совместных действиях на балканском театре войны. В телеграмме Кудашеву от 10/X 1915 г. за № 5232 Сазонов между прочим передавал следующее сообщение Извольского: «Из разговора с Вивиани я мог заключить, что он самым решительным образом стоит за энергичные действия Франции и Англии в Македонии, во-первых, дабы преградить Германии путь

осторожно к вспышкам воображения таких талантливых людей, как, напр., кап. Бубнов, у которых талант переплетается с подчас неудержимым увлечением, я думаю, что он проводит правильную мысль в поданной им по начальству секретной записке, содержание которой мне известно и которое сводится к следующему: стремясь на соединение с Турциею, Германия, конечно, главным образом, стремится к Азиатской Турции, источнику всего того, что Германии надо (пища, сырье, люди). Поэтому главным объектом ее стратегии должен быть Босфор (не Дарданеллы). В их руках (германцев) он станет неуязвимым, и немцы оттуда станут вечной угрозой не только для нас, но и для англичан и для французов. Посылка отрядов в Салоники не даст нам ничего: еще будут вестись переговоры о их посылке, когда немцы дойдут до Константинополя. Отсюда следует необходимость их предупредить на Босфоре, с целью разобщения Малой Азии, для чего достаточна только морская оккупация. Другими словами, необходимо, чтобы союзники, хотя бы ценою громадных жертв, прорвались чрез Дарданеллы, помогли нашему флоту прорваться (тоже ценою крупных жертв) сквозь Босфор и затем, хотя бы базируясь только на Севастополь, окончательно обезвредили появление в Константинополе немцев из Болгарии. — Если это невозможно, то судьба Константинополя, несмотря ни на какие десанты в Салониках, решена окончательно, притом против нас и против наших союзников. Ибо Босфор в руках Германии — такая же угроза для Англии (Египта, Индии), как и для нас. Конечный вывод Бубнова: надо убедить союзников, особенно англичан, в необходимости принести в жертву хотя бы $^1/_2$ их эскадры, но прорваться чрез Дарданеллы.

С этим я вполне согласен. Записка Бубнова пока известна только адм. Ненюкову и Алексееву. Она должна быть сегодня подана на высочайшее благовоззрение. Не знаю, последует ли затем по ней «исполнение». Лично я думаю, принимая во внимание оценку военного положения Алексеева, что, если бы такой прорыв удался, то появление флотов перед Константинополем было бы единственным удобным моментом для заключения мира с турками на основании: сохранения за ними их столицы и какой-нибудь русско-французско-английской опеки, обеспечивающей нам свободное пользование проливами. При установлении гарантий свободного по ним судоходства, Англию и даже Румынию можно было бы привлечь к такому решению вопроса.

в Константинополь, а во-вторых, чтобы удержать на Балканах германские силы, которые иначе могут быть направлены против России или Франции. Он сказал мне, что Мильерану удалось убедить английских министров поспешить выполнением заключенного в Шантильи соглашения о посылке 150 000 англо-французских войск в Салоники. Сегодня со здешнего театра уходит на Балканы одна английская дивизия. Лично он предвидит, что сказанное число войск придется увеличить, но он ожидает, что против этого будут возражать англичане, озабоченные, главным образом, охраною Египта и Индии».

К сожалению, все это легче было бы осуществить, если бы уже функционировал тот объединяющий командный орган [1]), над созданием которого работает Жоффр и которому очень сочувствует Алексеев. Последний предложил государю четыре имени генералов, которых Алексеев предлагает на пост представителя нашей армии в этом высшем военном совете союзников. Но до сих пор государь не назначил никого [2]). Я должен засвидетельствовать редкую ясность мышления у нового начальника штаба и отрадную ширину взглядов, облегчающую решение мелких вопросов, по которым мне приходится к нему обращаться.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 31 (18) октября 1915 г. [3]).

Могилев. 18 октября 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Бубнов вернулся вчера из Бухареста, и то, что он рассказывает о своих впечатлениях, в сущности, им уже изложено в его телеграмме, суть которой вам передана ген. Алексеевым 15 октября за № 433 [4]). К сказанному в этой телеграмме Бубнов прибавляет одно интересное соображение, которым румынам приходится руководствоваться при определении своих решений: неготовность армии вследствие всяких злоупотреблений и воровства. Оказывается, что это — элемент не последней важности, и что им объясняется нерешительность румын и их желание примкнуть к сильнейшей стороне, когда, наконец, придется встать на ту или на другую сторону.

Я не имел случая разговаривать с ген. Алексеевым после получения вашей телеграммы государю императору [5]) о сообщении вам

[1]) Имеется в виду верховный союзный военный совет, который должен был руководить действиями союзников на всех театрах войны.

[2]) Представителем русской армии в совете вскоре был назначен ген. Жилинский, командовавший ранее армиями сев.-зап. фронта и устраненный от должности после неудач в Восточной Пруссии. О нем см. подробнее: М. Лемке «250 дней в царской ставке», стр. 118 и стр. 292.

[3]) Настоящее письмо было опубликовано в сб. «Константинополь и проливы» т. I, стр. 210—212.

[4]) В названной телеграмме сообщалось о тревожном положении в Румынии, о том, что «выступление ее произойдет на той стороне, которая проявит на Балканах реальную силу».

[5]) Касаясь полученных из Бухареста сведений об уклончивой позиции, занятой румынским правительством, Сазонов в своей телеграмме царю от 16/X 1915 г. за № 5372 между прочим писал: «Ввиду изложенного я полагал бы желательным, чтобы переговоры с румынским правительством, на которые последовали всемилостивейшие указания, были, по сосредоточении для намеченной операции, по крайней мере, трех корпусов, начаты в форме предложения Братиано направить наши войска на совместные с румынами действия, по соглашению обоих штабов против Болгарии или против Австрии. Сделанные в такой общей форме предложения, отняв у румынского правительства предлог дальнейшего

срока, когда могут сосредоточиться на юге достаточные силы, чтобы придать вес нашим домогательствам втянуть Румынию на нашу сторону. Но мне говорили офицеры, что два корпуса уже перевозятся, — это, впрочем, я уже знал и от Алексеева, — а о дальнейшей посылке войск на юг не слышно. Но, быть может, теперь она решена, вследствие вашей телеграммы. Алексеев, конечно, понимает, как важно сделать все возможное в скорейшем времени; но он все повторяет, что все зависит от винтовок. Впрочем, отлично понимает также, что итальянские винтовки попадут в руки наших солдат не раньше февраля месяца [1]). Насколько остро ощущается недостаток ружей, видно из того, что в некоторых полках имеется всего 1 500 человек с оружием, а 2 500 человек отведены назад на несколько верст и ждут с пустыми руками, чтобы им прислали или винтовки, или чтобы отправили из их числа вперед на фронт для замены места тех раненых или убитых, у которых сохранилось оружие. Людей обученных у нас теперь уже много, но использовать их, за недостатком ружей, нельзя. Это тем более досадно, что немцы увели очень большие силы с нашего фронта. По расчетам штаба, германцы увели: на французский фронт 7 дивизий, а на сербский — 9, всего, значит, 8 к о р п у с о в; есть даже основание предполагать, что уведены еще кое-какие полки. Тем не менее, мы не можем, повидимому, использовать такое ослабление противника, чтобы нанести ему где бы то ни было удар! Под Барановичами мы имели блестящий успех, но и его не могли развить за недостатком вооружения. Немцы это хорошо понимают и приняли мудрое решение воспользоваться свободным временем и свободными силами, чтобы ликвидировать войну на Балканском полуострове. Весною же, я не сомневаюсь, что они снова нажмут на нас... Лишь бы мы не пропустили это время и подготовили необходимые запасы!

На-днях вернулся в ставку ген. Петрово-Соловово, командированный для обозрения тыла. Он вынес самое отрицательное впечатление от всего виденного, о чем должен был вчера сделать доклад государю.

Пока отрадное и бодрящее одно только: энергия англичан и их н р а в с т в е н н а я поддержка. (Материальной они оказывают нам

уклонения, должны притянуть Румынию к нам, что и представляется ныне для нас наиболее важным. Такое предложение, казалось бы, не лишит нас возможности уже после состоявшегося перехода Румынии на нашу сторону, более подробно определить направление общих сил в тот пункт, где они окажутся наиболее нужными. Если мои соображения удостоятся высочайшего одобрения, ходатайствую перед вашим императорским величеством о всемилостивейшем сообщении мне возможно точного срока, когда может состояться сосредоточение помянутых выше сил, дабы я был в состоянии подготовить почву для приступления к переговорам о совместных военных действиях».

[1]) Осенью 1915 г. русским военным ведомством было заказано в Италии 300 000 ружей Ветерли. Выполнение заказа шло таким медленным темпом, что Сазонов телеграммою от 10/X 1915 г. за № 5234 на имя Бенкендорфа поручал последнему просить английское правительство о предоставлении России из его запасов такого же количества винтовок в обмен на упомянутые ружья Ветерли.

пока не очень много.) Мне нравится, что, несмотря на безнадежность, ими самими же признаваемую, операции в Галлиполи, они не падают духом и работают во-всю. Удивительно и достойно преклонения мастерство, с которым они одолели немцев на море, переловив большинство германских подводных лодок!

О сепаратном мире с Турциею Алексеев больше со мною не говорил. Я думаю, что он убедился в невозможности такого мира теперь.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 2 ноября (20 октября) 1915 г.

Царская ставка. 20 октября 1915 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Начальник штаба, которого я вчера спросил, в каком положении находится подготовка сосредоточения наших войск на юге, имеющего целью завлечение Румынии на нашу сторону, сказал мне следующее.

На южном фронте уже сосредоточены два корпуса, и подтягивается третий. Войска эти имеют полное боевое снаряжение в достаточном количестве для агрессивных действий. Дело это идет со всей скоростью, которая только возможна. К 15 ноября будут на местах все три корпуса, а, быть может, и больше. По убеждению генерала Алексеева, Сербия может и должна держаться еще один месяц, так как австро-германских войск не может быть выставлено против нее более 150 тысяч человек, а это соответствует количеству англо-французского десанта. Упомянутых наших трех корпусов достаточно, чтобы произвести то дипломатическое выступление в Бухаресте, которое имелось в виду в телеграмме вашего высокопревосходительства № 5372. Выступлению этому генерал Алексеев считает нужным придать очень твердый характер. Он мне доверительно сообщил, что при первом обнаружении каких-либо признаков колебания у румын, он примет решительные меры, не останавливаясь в случае надобности и перед насильственным нарушением нейтралитета Румынии. На это, вероятно, придется решиться, так как из всего получаемого им материала о Румынии он выносит убеждение, 1) что Румыния на нашей стороне не решится выступить и 2) что главным мотивом, сдерживающим румын, является дезорганизация и неподготовленность румынской армии вследствие хищений и прочих злоупотреблений, при каковых условиях армия эта не в состоянии будет оказывать нам серьезного сопротивления. Число трех корпусов он постарается увеличить, но это возможно только в зависимости от получения нами винтовок из-заграницы [1]). Даже итальянские винтовки с их ограниченным

[1]) Русское правительство соглашалось на сосредоточение армии из пяти корпусов, предназначенных для действий в Румынии, при условии срочного доставления в Россию обещанных Англией ружей с патронами; часть этих ружей

запасом патронов помогут делу: их отдадут в запасные войска, откуда русские винтовки будут переданы в формируемую южную армию и на западный фронт. Таким образом, хотя итальянские и другие винтовки и не имеются в виду для непосредственного применения на южном фронте, их скорейшее получение отразится непосредственно на численности армии, призванной действовать на Балканском полуострове.

Кн. Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 2 ноября (20 октября) 1915 г.

Царская ставка. 20 октября 1915 г.

По возвращении из своей командировки в Румынию капитан 2-го ранга Бубнов представил начальнику штаба верховного главнокомандующего рапорт, из коего, с разрешения генерала Алексеева, имею честь представить нижеследующее извлечение вашему высокопревосходительству.

«Румыния, — пишет капитан Бубнов, — должна сохранить во что бы то ни стало своей нейтралитет, из коего она могла бы выйти лишь при условии вполне реальной и фактической гарантии в военной поддержке со стороны держав Согласия. С этим основанием непосредственно связан вопрос о пропуске наших войск через румынскую территорию, в отношении которого Братиано заявил, что пропуск возможен лишь при условии начала войны Румынии против центральных держав» [1]).

Такое положение Румынии определяется известными факторами: 1) угрозою Германии, 2) ожидаемым разгромом Сербии, 3) медлительностью англо-французов и 4) стратегическим положением Румынии. К этому капитан Бубнов прибавляет: 1) вероятное существование тайного румыно-германского соглашения и 2) слабость и неподготовленность румынской армии вследствие воровства и других злоупотреблений. Чтобы удержать Румынию в нейтралитете, Братиано будет попрежнему прибегать к дипломатическим уловкам. Слишком большое давление на него вызовет его отставку. Отставка же эта отнюдь не означает поворота румын в нашу сторону. Разбирая, что нам выгоднее, условиться ли с Братиано или вызвать его падение, капитан Бубнов приходит к заключению, что первое — путь более верный, ибо второй потребовал бы подготовки, для которой время уже упущено. Но для соглашения с Братиано надо, чтобы представитель

(180 000) должна была быть получена из Франции, другая (350 000) — при посредстве Англии из Италии. См. секр. телегр. Сазонова Кудашеву от 10/X 1915 г. за № 5232 и от 10/X 1915 г. за № 5233.

[1]) Вопрос о переговорах по поводу пропуска русских войск через Румынию был снят Сазоновым его телеграммой Поклевскому от 3/XI 1915 г. за № 469, в которой переговоры эти признаются преждевременными и обращается просьба к Блонделю не предпринимать ничего в этом смысле.

России говорил твердо, авторитетно и уверенно, — чего до сих пор не было. «Поэтому», — делает вывод капитан Бубнов, — «казалось бы, в данный момент, с целью придания твердости нашим переговорам и для заключения соглашения с кабинетом Братиано, необходимо оказать поддержку нашей миссии посылкою в Румынию, под тем или иным предлогом, чрезвычайного посольства или полномочного лица. Это посольство должно, по преимуществу, носить военный характер, так как ему придется достигнуть компромисса в вопросе военной гарантии и представить убедительные военные доказательства, чтобы парализовать военные сомнения Братиано, которые и являются главной причиной боязни Румынии начать войну». «Кроме того, если бы даже это посольство не достигло цели и нам пришлось бы действовать на Балканах иными военными путями, — необходимость наличия в Румынии в этот момент твердого и уверенного в себе нашего представительства — неоспорима».

Соображения, изложенные в рапорте этом, в общем разделяются начальником штаба. Они, в сущности, не расходятся и с тем, что доносит наш посланник. Конечно, последний не поставит себе в вину недостаточную свою уверенность и твердость в прошлом и на упреки в этом направлении может найти не мало доводов в свое оправдание. Но представляется совершенно верным, что для использования последнего нашего козыря — сосредоточение нашей южной армии, — быть может, лучше послать в Румынию не дипломата, а генерала с готовым проектом военной конвенции. Конечно, необходимо при этом, чтобы генерал сам был убежден в нашей военной мощи и способен был доказать румынам, что у нас сила есть и что она не только готова действовать, но что он прислан специально для заключения соглашения в виду предстоящих действий этой силы.

Само собою разумеется, что в случае отказа румын принять наши предложения собранной силе нашей придется немедленно проявиться, иначе окончательно падет наш престиж и вера в силу наших слов.

Кн. Кудашев.

Письмо Кудашева 2 декабря (21 ноября) 1915 г.

Ставка. 21 ноября 1915 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Анатолий Анатолиевич.

По возвращении моем в ставку я не преминул передать генералу Алексееву те соображения, которые я от вас услышал относительно военного положения на Балканах. Вот, что мне на это сказал начальник штаба.

Факт объявления Германией, что ее задача в Сербии закончена, по мнению генерала Алексеева, есть доказательство скорее того,

что еще ею не все сделано, что имелось в виду при ее наступлении на Балканский полуостров, и объявление такое может исключительно иметь целью введение в заблуждение противника. Во всяком случае, до тех пор, пока в Македонии будут находиться англо-французские войска, австро-германцы не решатся отозвать свои силы с Балканского полуострова, так как одни болгары не в состоянии будут одновременно сдерживать союзников и держать в повиновении завоеванные местности Сербии. Во всяком случае, если бы германцы и оттянули часть своих войск, то едва ли, по мнению генерала Алексеева, они их пошлют против Италии, так как это для них второстепенной важности фронт, и оттуда опасности никакой быть не может. Скорее допустимо, что германские войска, оттягиваемые из Сербии, будут направлены в Галицию для смены австрийских, которые, в свою очередь, могут быть перекинуты на итальянскую границу.

Наиболее впечатления на генерала Алексеева произвело то, что я ему передал с ваших слов о замеченном Сергеем Дмитриевичем у государя беспокойстве по поводу безвыходного положения Сербии [1]) и нашего бессилия оказать ей помощь. Такого беспокойства, могущего указать на желание предпринять какие-нибудь решительные военные действия, генерал Алексеев у его императорского величества не замечал и приписывает это каким-либо петроградским влияниям. «До сих пор, — сказал он, — государь одобрял все мои распоряжения, и я не могу понять, чем у него вызвана такая тревога...» Я поспешил возразить на это, что я и не слыхал ни от кого о неодобрении его распоряжений и что, во всяком случае, от министерства иностранных дел ничего не будет сделано, чтобы повлиять на его императорское величество в смысле принятия мер для спасения Сербии, которые почему-либо противоречили бы благоразумной осторожности, которую нам так необходимо соблюдать в настоящее время, пока наши военные силы еще не вполне восстановлены.

Приведенные выше слова генерала Алексеева меня еще раз убеждают в том, что, пока фактическое верховное командование остается в его руках, никаких неосторожных приключений, могущих отразиться на наших международных отношениях, опасаться нам не приходится.

Н. Кудашев.

---

[1]) Еще в телеграмме на имя министра ин. дел от 9/XI 1915 г. № 480 Алексеев, ссылаясь на полученные из Парижа сведения о том, что союзники бессильны оказать сербам действительную помощь, писал: «Убедительно прошу вас всею силою вашего авторитета убедить союзную дипломатию, что время слов миновало, пора перейти к внушительным действиям, ибо неудача союзников всею силою материальных последствий упадет на нас. Промедление нескольких дней создаст ничем не поправимое положение». Однако военные действия союзников на салоникском фронте не дали ожидавшихся от них результатов. Территория Сербии к рассматриваемому времени оказывалась занятой неприятельскими войсками, армия ген. Путника отступала к берегам Адриатического моря.

Письмо Кудашева 14 (1) декабря 1915 г.

Царская ставка. 1 декабря 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Господин Поль Думер прибыл вчера из Петрограда, имел счастье быть приглашенным к высочайшему завтраку и быть принятым государем императором в частной аудиенции. После аудиенции господин Думер отправился к генералу Алексееву, с которым имел продолжительный разговор. Начальник штаба просил меня служить ему переводчиком, так как, хорошо понимая французский язык, затрудняется сам говорить на нем. О разговоре этом он поручил мне сообщить вам д о в е р и т е л ь н о, так как предмет его ближе касается компетенции военного министра, нежели его, начальника штаба.

Цель приезда сюда Думера, вероятно, вам известная, оказалось, заключалась в том, чтобы получить согласие государя императора и его начальника штаба на посылку русских солдат во Францию; французы указывают на страшную свою убыль в людях, в среднем 140 000 человек в месяц; на ограниченное количество людского материала во Франции, призвавшей уже под знамена 15% всего своего населения, и на роковое значение не только для самой Франции, но и для четверного союза прорыва французской линии, находящейся так близко от сердца Франции, если бы германцам удалось произвести такой прорыв. Для предотвращения этого прорыва у французов имеется все, кроме вполне обеспеченного количества людей, за которыми они обращаются к своим союзникам. Излагая свою просьбу с большой убедительностью и изяществом, г. Думер имел неосторожность слишком выпукло сопоставить взаимные услуги, оказываемые друг другу союзниками: французы нам дают ружья (он обещал еще 150 000 кроме обещанных раньше) мы же будем давать им людей. Это предложение торга бездушных предметов на живых людей особенно покоробило ген. Алексеева, и без того мало сочувствующего посылке наших солдат отдельными партиями в далекие и загадочные экспедиции. Он ответил Думеру, что вопрос этот слишком важный, чтобы на него ответить сразу. Что даже на первый взгляд он находит массу неудобств и затруднений для удовлетворения ходатайства французов, но что его особенно мучит моральная ответственность пред теми людьми, которых предполагается послать сражаться среди чужих людей, на чужой земле под начальством иностранных начальников; он даже намекнул на возможность проявления ими такого малодушия, которого они не проявили бы, сражаясь на родной земле, для понятной им цели и проч. В конце концов он сказал, что снесется по этому вопросу с военным министром и чрез него даст свое окончательное решение. Единственное, на что он выразил согласие, это на то, чтобы в виде опыта был составлен у нас отряд в один или два полка (преимущественно из добровольцев), кото-

рый был бы послан во Францию и там подвергнут испытанию. При этом необходимо, чтобы отряд этот был совершенно обособлен и чтобы посторонними элементами в него входило бы только известное число французских офицеров, так как мы не можем поставить достаточного числа своих офицеров. При этом разумеется, что означенный отряд будет взят не из фронта, а из запаса или нового набора.

Повидимому, оба собеседника расстались не слишком довольными результатом своей беседы. В тот же вечер мне ген. Алексеев сказал, что он очень не сочувственно относится к возбужденному французами ходатайству. Он мне доверительно прибавил, что вероятно придется все-таки что-нибудь для наших союзников сделать, — по всей вероятности придется послать одну нашу дивизию во Францию, — но что этим и ограничится наша помощь им людьми. (Думер просил ежемесячной присылки 40 000 человек.) О посылке этой дивизии, повторяю, ген. Алексеев Думеру не упоминал.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 14 (1) декабря 1915 г.

Царская ставка. 1 декабря 1915 г.

Сов. личное.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Я немногое могу прибавить к секретным телеграммам моим от 29 ноября [1]) о предстоящей поездке в Японию великого князя Георгия Михайловича. Для самого великого князя она была полною неожиданностью. О ней государь с ним заговорил 28 вечером, а на следующий день сообщил о своем решении генералу Алексееву. Последний мне сказал, что он сам давно мечтал о такой миссии, так как считал и считает, что она может дать хорошие результаты. Он и раньше намекал на это государю, но, повидимому, его величество не усматривал особенной пользы в такой посылке особого посланца в Японию. Решилось дело случайно, таким образом. За обедом генерал Накасима [2]) как-то между прочим намекнул своему соседу, гоф-хирургу Федорову, что, если бы государь послал в Японию великого князя, то, несомненно, это произвело бы прекрасное впечатление, и Япония усугубила бы

[1]) В телеграммах Кудашева от 29/XI 1915 г. за №№ 500 и 502 сообщалось о предстоящей командировке в. кн. Георгия Мих. в Японию. Официальною целью командировки являлось принесение поздравления по случаю коронации и выражение благодарности за услуги по снабжению армии. Вместе с тем предполагалось добиться согласия Японии на дальнейшую поставку ружей и способствовать общему улучшению отношений с Японией. Вопрос о заключении русско-японского союза служил уже в это время темою обсуждения на страницах японской печати. См. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 385—389.

[2]) Ген. Накасима — представитель японской армии при ставке верх. главнокомандующего.

свои усилия помочь России в ее борьбе с Германией. Это замечание было доведено до сведения государя императора, который тут же сообщил великому князю Георгию Михайловичу о своем решении: послать его в Японию поздравить японского императора с коронацией и поблагодарить за всю ту помощь, которую Япония нам оказала.

Великий князь сперва полагал, что на него возложено будет поручение вести переговоры об уступке нам ружей, но генерал Накасима его от этого предостерег, заметив: «Seulement pas un mot des fusils» [1]). Великий князь, впрочем, сам понимает, что несовместимо с его достоинством ехать выпрашивать то, в чем нам отказывали. Все дело сводится, таким образом, к тому, чтобы посылкою великого князя был оказан знак особого внимания к Японии в расчете, что такое проявление нашего внимания поможет установлению еще лучших отношений к нашему недавнему врагу, а ныне союзнику, и этим создастся почва для более успешного ведения переговоров о поставках нам из Японии предметов военного снаряжения.

Генерал Алексеев меня спросил, не думаю ли я, что полезно было бы прикомандировать к великому князю не только какого-нибудь генерала, отличившегося на войне, но и дипломата. Я ему сказал, что все наше посольство в Токио будет и без того к услугам великого князя. Я не решился ему указать на одно лицо, которое было бы наиболее подходящим для сопровождения в Японию великого князя, так как не знал, как бы вы отнеслись к его выбору. Но, по моему убеждению, никто более подходящим не мог бы быть, как барон Розен, чтобы сопровождать его высочество и служить ему руководителем в его разговорах с японцами, а при случае — и для ведения переговоров. Я не знаю, как отнесся бы к такой командировке сам Розен, но думаю, что он не откажется оказать серьезную услугу, особенно в сотрудничестве с великим князем Георгием Михайловичем, с которым находится в дружеских отношениях.

Прошу вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, простить мое смелое предложение и верить чувствам искреннего моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 23 (10) декабря 1915 г.

Ставка. 10 декабря 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Я переговорил с начальником штаба по вопросам, которые вы поручили мне затронуть.

Относительно проекта Думера [2]) ген. Алексеев придерживается весьма определенного мнения о нежелательности осуществления нами

[1]) «Только ни слова о ружьях».

[2]) Поль Думер, министр без портфеля в кабинете Вивиани и Бриана, прибыл в ставку 30/XI 1915 г. Из телеграммы Кудашева Сазонову от 16/XII 1915 г.

этой меры. Он считает в принципе недопустимым, чтобы русские солдаты сражались в иностранных частях, и с жаром возражал против доводов Думера.

Единственное, что допускает ген. Алексеев, — «в случае, если наша зависимость от французов такова, что мы должны в этом деле пойти на уступки», — это — сформировать на французской территории небольшую русскую часть в виде опыта, но непременно с русскими офицерами. Во всяком случае, он выскажет свое мнение откровенно ген. По [1]), который, как военный, лучше, чем Думер, поймет его доводы. Начальник штаба просит вас, в случае, если по этому вопросу будут дипломатические переговоры, поддержать его точку зрения. Я сказал ему, что, насколько я знаю, вы ее разделяете. Я передал также ген. Алексееву, что вы считаете его разговоры с ген. По по этому вопросу самым лучшим способом устранить всякие недоразумения.

Говоря о приезде ген. По, начальник штаба сказал, что он имеет в виду переговорить с ним о дальнейшем устройстве сношений между союзниками, с целью устранения тех нежелательных явлений, о коих упоминает ваше письмо по поводу военных агентов. Последним уже сказано, без всякой ссылки на источник, что многие, чисто военные, сведения получали слишком широкую огласку, благодаря обилию инстанций, через которые они проходили.

В разговоре ген. Алексеев коснулся салоникского вопроса [2]). Он осуждает способ ведения действий союзниками на Балканах,

---

за № 519 дополнительно узнаем: «Думер имел лишь одно свидание с ген. Алексеевым, на котором я присутствовал. Думер указывал на большие потери французов и на опасения за последствия возможного прорыва германцами линии, столь близко находящейся к сердцу Франции; у французов имеется все, кроме вполне обеспеченного количества людей, за которыми они и обращаются к своим союзникам. Они нам дают ружья, а у нас просят людей. Генерал Алексеев, и без того не сочувствующий посылке наших войск в отдельные заграничные экспедиции, был особенно неприятно поражен предложением обмена живых людей на бездушные предметы и, возражая Думеру, настаивал, главным образом, на невыполнимости желания его с точки зрения моральной ответственности перед людьми, которых предполагается посылать сражаться под начальством чужих начальников, на чужой земле и т. п. В заключение он заявил, что не может сейчас дать окончательного ответа и решение свое сообщит военному министру. При этом он выразил принципиальное согласие лишь на посылку во Францию в виде опыта одного или двух полков, преимущественно из добровольцев, при условии, что они составят совершенно обособленный русский отряд со своими начальниками и пр. О ежемесячной посылке 40 000 человек просил Думер. Генерал Алексеев определенно и безусловно отклонил эту просьбу». О разговоре Думера с Алексеевым см. также Лемке: «250 дней в царской ставке», стр. 264—265.

[1]) Ген. По был назначен французским командованием начальником французской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего. Прибыл в Россию 1 декабря.

[2]) В связи с неудачным ходом салоникской операции у английского верховного командования к двадцатым числам ноября складывается решение в пользу отозвания союзных войск с салоникского театра войны для использования их в Сирии, Египте и на французском фронте. Между командованиями русским и

в особенности их боязнь нести жертвы в людях. Отступление к Салоникам, по его мнению, было преждевременным. Насколько я понял из этого разговора, а также из разговоров с помощниками ген. Алексеева, мы продолжаем настаивать на осуществлении его плана, причем, кажется, нами посланы возражения на пункты английского ответа о неосуществимости этого плана. Наши собственные действия связаны с решениями союзников. Впрочем, допускается, повидимому, возможность нашего наступления в Галиции, как частичная операция, вне осуществления общего плана, каковое, во всяком случае, займет очень много времени.

В вопросе о нашем наступлении произошла заминка вследствие заявлений Иванова, что он не вполне готов. Мне показалось, что на Иванова, вследствие этого была здесь легкая досада. Его начальник штаба ген. Саввич сменяется и уже уехал. Его заместитель будет назначен по выбору ген. Иванова. Во всяком случае, я думаю, что это задержит наступление. На место Рузского назначается Плеве, на место последнего Гурко.

Что касается увеличения войск на Кавказе, ген. Алексеев сказал мне, что у него нет свободных войск. Сознавая однако необходимость предотвратить нежелательные события в Персии, он предложил великому князю одну меру, которая может дать хорошие результаты. В чем она заключается, я не успел спросить, но постараюсь узнать сегодня и сообщу следующим письмом.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 27 (14) декабря 1915 г.

Ставка. 14 декабря 1915 г.

Дорогой барон [1]).

Я вернулся из Киева и из деревни, куда ездил проведать заболевшую сестру, 11 декабря вечером. В канцелярии и в ставке вообще,

---

французским, с одной стороны, и английским, с другой, возникают по этому вопросу острые разногласия (см. секр. телегр. Извольского от 23/XI 1915 г. № 790 и от 24/XI 1915 г. № 796). В телеграмме от 24/XI 1915 г. за № 6145 в мин-во ин. дел Алексеев энергично восстает против проекта эвакуации Салоник; он требует выработки общего решения, настаивает на сохранении во что бы то ни стало уцелевших остатков сербской армии и, оговаривая невозможность для России принять ближайшее участие в салоникской операции, требует, чтобы каждый из союзников внес свою долю участия в выполнение общего плана. Секр. телегр. Извольского от 29/XI 1915 г. за № 810 сообщалось о достигнутом между Парижем и Лондоном соглашении: союзные войска отступают из Македонии к Салоникам и остаются здесь на укрепленных позициях; прибывшие ранее в Салоники английские десанты продолжают высаживаться, но дальнейший план действий не предрешается и будет зависеть от общего хода событий. В телеграмме от 5/XII 1915 г. за № 828 Извольский сообщал об ожидаемом вскоре германо-болгарском наступлении на Салоники и о необходимости добиться посылки туда итальянских подкреплений.

[1]) Письмо адресовано начальнику канцелярии министра бар. Шиллингу.

не нашел перемен, если не считать приезда Муравьева, укатившего на следующий же день в «блаженный край Гипербореев». Вчера вечером выехал на юг государь император, прибывший вчера же в полдень. Его величество вернется сюда 17-го. На фронтах у нас тихо. По штабным слухам, отставленный от должности начальника штаба юго-западного фронта ген. Саввич навлек на себя неудовольствие тем, что четыре раза обманывал верховную команду, говоря, что войска готовы для наступления, а потом извещая, что ничего не готово.

В Киеве я видел Бобринского, который мне говорил, между прочим, что Саввичем очень тяготился ген.-ад. Иванов. Я лично думаю, что уход его можно только приветствовать. На него также жаловался Кнорринг, председательствующий в комиссии о заложниках.

А теперь о специальном деле: когда приедет ген. По, ген. Алексеев будет с ним говорить о тайне военных сведений. Я предложил Алексееву наши услуги в сношениях ген. По с Парижем, т.-е. в тех случаях, когда французской верховной команде сообщаются наши планы или оперативные данные; ген. По мог бы набирать (или поручать нам набирать) его телеграмму шифром Таубе [1]). Мы же перешифровывали бы этот текст номером 410 (полотняные таблицы). Я думаю, что, так как французы и без того знают о нашей двух-этажной системе шифра, то это опасности для нас не представит. Но что — если По скажет, что он готов пропускать свои шифры через наш 410, но с тем, чтобы первоначальный набор был им сделан его собственным шифром? Посольство в Париже, конечно, можно будет предупредить об этом и поручить ему только один процесс разбора, причем оно передавало бы французам только цифры французского набора. Но я думаю, что этим мы можем скомпрометировать наш № 410. Пожалуйста, спросите мнение Базили и других чернокнижников и снабдите меня указаниями, — но возможно скорее, так как По приедет в четверг, и с ним Алексеев хочет немедленно это дело поставить на надежную ногу. Я лично полагаю, что, если мы дадим По экземпляр Таубе, а сами будем производить действие 410-м, то волки будут сыты, овцы целы, а военная тайна restera pure et respectée [2]). Конечно, мы могли бы шифровать в с е, т.-е. и Таубе и 410-м, но французы, быть может, предложат первую половину работы производить сами.

Вчера ген. Алексеев просил меня (без того, чтобы я первый заговорил о Карасеве) передать в министерство его просьбу о том, чтобы Карасева отсюда н е отзывали. Оказывается, что Нератов говорил Боткину [3]), что имеет в виду Карасева для какого-то делопроизводства о военнопленных. Я Нератову пишу, передавая просьбу ген. Алексеева. Прошу и вас, милый барон, вашего содействия, чтобы Карасева

[1]) Бар. К. Ф. Таубе — управляющий цифирным отделением канцелярии министра ин. дел.

[2]) «Останется священной и неприкосновенной».

[3]) Повидимому, С. Д. Боткину, бывшему министру-резиденту в Дармштадте.

не трогали. Он порученное ему дело исполняет хорошо, все им довольны. Зачем же его трогать? Но особенно не хотелось бы, чтобы перемещение это случилось после определенно высказанного Алексеевым желания оставить Карасева здесь. К тому же имеется ведь еще масса консулов и других чинов из стран, с коими мы воюем, которыми можно заполнить все необходимые дыры.

Засим кончаю, ибо поздно, а мне еще надо написать Грондису. Искренне ваш.

Н. Кудашев.

1916 ГОД.

Письмо Кудашева 9 января 1916 г. (27 декабря 1915 г.).

Царская ставка. 27 декабря 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

О военных делах наших я вам давно не писал. Когда, более месяца тому назад, я спросил генерала Алексеева, не имеет ли он что-либо сообщить мне, что бы я мог передать вам и что министру иностранных дел знать необходимо, то он мне ответил, что сам только что написал вам письмо стратегического характера. Это было то письмо, в котором излагался его план совместного с союзниками действия. Ввиду данного мне тогда ответа, мне неудобно расспрашивать генерала Алексеева о дальнейшей судьбе его плана. Из расспросов же в разное время отдельных офицеров штаба я выношу следующее впечатление о наших предположениях.

Главным фронтом все еще продолжает считаться у нас северный, и, конечно, если бы мы могли достигнуть успеха там, то это было бы самым желанным делом. Но там, т.-е. на фронте Западной Двины, мы еще ничего серьезного пока предпринять не можем, а потому пытаемся продвинуться с юга, пользуясь скоплением там войск, произведенным еще в то время, когда Сербия не была разгромлена, и когда была надежда на ее спасение дружными действиями всех союзников. Невольно напрашивается вопрос: раз спасти Сербию не удалось, то зачем нам теперь вести наступление в сторону Галиции и Буковины? Не благоразумнее ли подождать и еще лучше подготовиться, побольше собрать снаряжений? На все мои вопросы в этом смысле я получаю уклончивые ответы: сами, — говорят офицеры, — не понимаем, зачем напрасно расходуем людей и патроны... От одного из моих собеседников я однако получил очень ценное техническое указание, которым многое может быть объяснено. Дело в том, что германцы, между прочим, проявляют редкое умение быстро и прочно укрепляться на любой новой позиции. Мы этого не умеем делать, и позиционная борьба с ними для нас всегда крайне тяжела и обыкновенно кончается не в нашу

пользу. Для того, чтобы сравнять условия борьбы, мы должны стремиться встретиться с противником в чистом поле, притом, пользуясь таким временем года, когда окапываться заново трудно, т.-е. зимою, когда земля замерзла, и когда выгнанные из своих окопов германцы не в состоянии быстро снова окопаться. Обыкновенно дело представляется приблизительно так: германцы, в небольшом сравнительно числе, сидят в своих сильно укрепленных окопах, из которых обороняются пулеметами, имеющимися у них в большом количестве. В случае нашего натиска, они быстро отходят и с удивительной быстротой воздвигают новые окопы, откуда вытеснение их возможно опять лишь при подавляющем нашем численном превосходстве и ценою громадных жертв. Ввиду этого и во избежание слишком больших потерь для продвижения нашего вперед, нам приходится действовать зимою, когда, прорвав первую линию окопов ценою даже больших потерь, мы можем встретить противника не в новых укреплениях, а в чистом поле, где атакующий не несет таких потерь и где не необходимо столь большое его численное превосходство. Ждать весны нельзя: тем более нельзя, что в феврале у германцев должны быть влиты в войска новые пополнения (говорят, около миллиона человек). Раз наши силы теперь сосредоточены на юге, то мы теперь и пользуемся ими для наступления на юге. Такое движение, кстати, является помощью и для наших союзников, положение которых в Салониках не из лучших. Суждено ли южному театру стать решающим в случае успеха нашего наступления? Сказать трудно, и особенно рискованны предсказания профанов. Но я имею основания думать, что сами военные авторитеты наши ждут решений только на северном фронте, почитаемом ими, как сказано выше, главнейшим. С этой точки зрения, не исключена возможность того, что все наступление на Галицию предпринято, главным образом, как больших размеров диверсия, чтобы отвлечь внимание противника от севера. Там на севере, когда поспеют наши резервы, должно также разыграться наступление, притом не позже конца зимы (по причинам, указанным выше), если только мы не откажемся, вообще, от наступления.

На что же можно рассчитывать, в лучшем случае? Если бы нам удался удар з и м о ю еще, сперва с юга, затем с севера, то можно надеяться, что германцы будут опрокинуты на укрепленные линии рек Немана и Вислы. (Это — максимум возможного нашего успеха.) Затем, летом форсирование германских линий невыполнимо, и придется ждать зимы будущего года для нового наступления нашего. Зима и в эту войну, как и в 1812 году, но в другой форме и по другой причине, оказывается нашей союзницей. Разыграются ли события так? Никто сказать, конечно, не может, но я счел долгом высказать вам все то, что до меня доходит и что, по моему разумению, может иметь действительное значение.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 26 (13) января 1916 г.

Царская ставка. 13 января 1916 г.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Посланная сегодня вам генералом Алексеевым телеграмма № 226 [1]) по румынским делам была предварительно доложена государю императору и одобрена его величеством. Она, вероятно, не придется по вкусу румынам, так как они все повторяют, что их план кампании весь составлен для движения против Венгрии и им необходим русский отряд для отражения наступления болгар. Но я понимаю ген. Алексеева: мы недостаточно сильны, чтобы отделять крупные силы от главных и с главного фронта посылать их на дальний. Пусть лучше румыны применятся к нашим планам. Алексеев высказывает, в общем, предложение сохранения Румынией нейтралитета. Я себя спрашиваю, возможно ли это? Мы ее, конечно, насиловать не будем, но Германия, несомненно, это сделает.

Мнение Алексеева о том, что союзники из Салоник сильно напирать на Болгарию не собираются, я думаю основано на недавнем обмене им мнений с английским генералом Коллвель. По крайней мере, на телеграмме Извольского 8 января № 21 [2]) против слов: «...По вопросу о салоникской экспедиции англичане уже не возражают более против мысли, что весной Салоники могут сделаться базой для наступательных действий», ген. Алексеев написал: «Ген. Коллвель этого не подтверждал. Мнения и заключения дипломатов базируются на зыбких данных». (Не знаю, относится ли эта критика дипломатов к Извольскому или к Бриану, со слов которого Извольский сообщил о резуль-

---

[1]) В секр. телеграмме от 13 января 1916 г. ген. Алексеев, констатируя, что определенно выраженное отсутствие у союзников желания начать наступление из Салоник перенесет всю тяжесть оказания помощи румынам исключительно на плечи России, приходил к выводу о предпочтительности, с военно-стратегической точки зрения, сохранения Румынией нейтралитета, прикрывающего русскую границу от Черновцев до Дуная и ведущего к сокращению русского стратегического фронта. В случае невозможности сохранения Румынией нейтралитета, Алексеев считал необходимым оказать румынам вооруженную помощь, но не путем посылки войск на южную границу Румынии для защиты подступов к Бухаресту, а сосредоточением армии в северной Молдавии в районе Фольтичени-Гетца (о том же см. М. Палеолог «Царская Россия накануне революции», стр. 27—28).

[2]) В секр. телеграмме Извольского от 8 (21) января 1916 г. за № 21 подтверждалось заключавшееся в телеграмме его же от того же числа за № 19 сообщение о том, что англичане не только отказались от мысли уйти из Салоник, но и готовы послать туда, в случае надобности, подкрепления. Вместе с тем в ней сообщалось, что вопрос о наступательных действиях из Салоник должен быть рассмотрен на конференции в Париже, на созыв которой согласие Грэя уже получено, неполучение же ответа от Соннино не может иметь решающего значения.

татах переговоров французов с англичанами в Лондоне.) Позволяю себе привести другую пометку Алексеева на другой телеграмме Извольского (8 января № 18) [1]) по поводу уклонения Италии сосредоточить все совместные обсуждения в Париже: «Никуда итальянцев привлечь нельзя. Они преследуют свои узкие цели. Ген. Жилинский в письме мне определенно высказал заключение участников заседаний, что Италию нельзя принимать в расчет, как деятельный фактор войны». Алексеев, вообще, возмущается поведением итальянцев. «Даже на этого Марсенго [2]) неприятно смотреть», — сказал он мне как-то. Я его уговаривал не принимать так к сердцу эгоизм союзников и даже заметил, что если возмущаться поступками, диктуемыми политическими соображениями, то легко можно нажить себе порок сердца; надо помнить, что политика — дело черствое. Мою шутку о «пороке сердца» Алексеев принял очень добродушно. Он иногда высказывает предположение о существовании тайного договора у Италии и Германии. Я всячески стараюсь рассеять такие подозрения, так как даже, если итальянцы поступают иногда коварно, все же их теперешнее положение и отношение к нам лучше, чем если бы они не были в войне с Австриею. Мне лично даже кажется трудно согласуемым существование итало-германского договора с войною, ведущеюся Италией с союзницею Германии [3]).

Завтра, 14 января, государь выезжает на фронт, но, кажется, недалеко, так как возвращение его ожидается в субботу, после чего состоится другая поездка. Точно не могу еще сообщить плана этих разъездов. Знаю только, что в течение ближайших дней его величество в ставке почти что не будет.

---

[1]) Еще в своей телеграмме от 3/I 1916 г. за № 10 Извольский сообщал, что вследствие энергичных просьб ген. Саррайля французское правительство продолжает настаивать на посылке в Салоники хотя бы одной итальянской дивизии, но что до сих пор оно не получило итальянского ответа. В телеграмме Гирса от 5/I 1916 г. за № 18 сообщалось, что настояния французского посла в Риме не возымели своего действия: Соннино заявил, что определенного решения по вопросу о посылке итальянских войск в Салоники у правительства еще не сложилось, что прежде всего посылки войск потребует от Италии Албания, что отправка войск в Салоники была бы целесообразна только в том случае, если бы союзники развивали оттуда наступательные операции. Гирс заключал свою телеграмму предположением, что итальянцы стремятся к тому, чтобы предварительно высказался по вопросу «высший военный международный совет в Париже». В телеграмме Извольского от 8/I 1916 г. за № 18 передавалось разъяснение Жилинского, указывавшего, что никакой «высшей военной комиссии в Париже» не существует, что совещание, собранное по ряду вопросов Жоффром в декабре, уже разъехалось и что рассмотрение вопросов в какой-либо комиссии является теперь невозможным.

[2]) Полковник Марсенго — представитель итальянской армии при штабе верховного главнокомандующего.

[3]) Объявив войну Австро-Венгрии и Турции в 1915 г., Италия, несмотря на настойчивые требования союзников, всячески оттягивала свой разрыв с Германией. Объявление ею войны Германии последовало лишь 15(28) VIII 1916 г.

Я не успел отдать отпечатать это письмо и потому прошу извинить нечеткий почерк, а также верить чувствам глубокого моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

P. S. По поводу телеграмм Неклюдова о несколько обострившейся атмосфере в Швеции [1]) ген. Алексеев меня просил еще раз подтвердить вам его мнение о необходимости предотвратить возможность столкновения со Швецией. Он в этом смысле очень определенно и категорически высказался перед английским генералом Коллвелем. На вопрос последнего, думает ли Алексеев, что надо «отпустить повод» Швеции (именно эта метафора была высказана английским генералом), Алексеев ответил, что д а, н е п р е м е н н о, и изложил все опасные последствия, которые могли бы произойти от вызова, брошенного Швеции...

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 2 февраля (20 января) 1916 г.

Царская ставка. 20 января 1916 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Полковник Татаринов дóлжен сегодня прибыть в Петроград и доложить вам соображения генерала Алексеева в связи с предстоящими нашими переговорами с румынами.

Лично мне ген. Алексеев сказал только, что он уже в краткой телеграмме изложил вам свой взгляд на настояния румын иметь вспомогательную русскую армию для отстаивания Добруджи (по поводу телеграммы № 25 Поклевского о его разговоре с Илиеско [2]). Начальник штаба при этом с некоторым раздражением отозвался о Поклевском: «Он с генералами толкует о военных делах, которых не понимает, и румыны убеждают его, в чем хотят. А потом он отстаивает точку зрения румын!» На эти слова я заметил, — и то же самое повторил потом Татаринову, — что передача услышанного от румынского ге-

[1]) В телеграммах Неклюдова из Стокгольма от 14/I 1916 г. за № 4, от 6/I 1916 г. за № 7 и от 9/I 1916 г. за № 11 сообщалось о крайнем недовольстве шведских правительственных кругов блокадной политикой Англии и установлением английского контроля над морским ввозом в Швецию, отмечалась произнесенная королем на открытии риксдага речь, заключавшая в себе жалобы на непризнание за Швецией прав нейтральной страны, и констатировалось усиление в стране германофильской агитации.

[2]) В своей телеграмме от 15/I 1916 г. № 25 Поклевский передает содержание сказанного ему генералом Илиеско: на болгаро-румынской границе сосредоточено около 300 тысяч войск центральных держав; румыны могут взять на себя защиту только линии Дуная и границы с Австро-Венгрией; защита Добруджи должна явиться делом русской армии; половина русских войск, численность которых должна определяться 200 000 чел., могла бы быть отправлена морем в Констанцу, половина — по Дунаю в Черноводу; румыно-болгарские отнóшения с каждым днем ухудшаются; Болгария толкает германцев в Добруджу, и сдерживающим моментом является сама Германия, склонная не порывать с Румынией.

нерала или изложение румынской точки зрения не означает еще желания убедить в справедливости румынских требований. Но, конечно, телеграммы Поклевского редактированы так, что дают основание обвинять его в податливости убеждениям своих румынских собеседников.

Румынскую точку зрения о необходимости русской армии для защиты Добруджи вчера горячо отстаивал в разговоре со мною ген. Лагиш. Я ему на это сказал, что план совместного действия, если таковое, вообще, у нас с румынами когда-нибудь состоится, должен быть выработан исключительно военными; лично же я не верю во все те сентиментальные соображения, которым так охотно предаются как французы, так равно и мы, русские, будто болгары не станут драться с русскими, а трансильванские румыны с румынскими войсками и т. п. Опыт этой войны показал, что дисциплинированные войска дерутся, и прекрасно дерутся, с кем прикажут, даже против близких по крови неприятелей, что население ненавидит тех, кто выбирает его территорию для военных операций и ненавидит одинаково «своих» и «чужих», ибо от тех и других одинаково получает разорение и всякие беды; наконец, когда войска наступающего неприятеля победоносно продвигаются вперед, то население покоряется, как поневоле покоряются бельгийцы и поляки ненавистным им немцам. Значит, эти аргументы лучше оставить в стороне.

Генерала Лагиш мои рассуждения, конечно, не разубедили. Но возбуждение им со мною этого разговора интересно, ибо указывает, как мне кажется, на желание повлиять на нас в смысле оказания нами уступчивости румынам. Насколько я всегда был сторонником проявления такой уступчивости, когда дело шло о политических уступках за счет чужой, еще не завоеванной нами, территории, настолько мне теперь кажется опасным давать какие-либо обещания, могущие неблагоприятно отразиться на военном нашем положении. Впрочем, полковник Татаринов едва ли уполномочен отступиться от известного вам вполне определенного взгляда генерала Алексеева по этому вопросу.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 18 (5) февраля 1916 г. [1]).

Царская ставка. 5 февраля 1916 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Вчера, по приглашению генерала Алексеева, я обсуждал с ним вопрос о том, каким образом всего выгоднее использовать взятие нами Эрзерума [2]).

[1]) Текст письма был опубликован в «Сборнике секретных документов из архива б. министерства ин. дел», изд. НКИД, 1917 г., вып. 5, стр. 12—14, а также в сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 212—215, причем в последней публикации данное письмо ошибочно датировано «5 (18) марта 1916 г.».

[2]) Эрзерум, после пятидневного штурма, был взят 2/II 1916 г. Потери турок определялись цифрою свыше 50 000 человек. Взятие Эрзерума дало возможность

Несомненно, что таким успехом определяется известный психологический момент, и его упускать не следует. Если бы было признано выгодным заключить мир с турками, то надо иметь в виду, что такой благоприятный момент не скоро снова представится и что всегда выгодно вести переговоры под впечатлением удачи, так как за ней павший духом противник предполагает дальнейшую для себя катастрофу даже тогда, когда таковой и быть не может.

Блестящий успех нашей кавказской армии можно, конечно, использовать и исключительно в смысле дальнейшего его военного развития. Но это, как оказывается, не так легко, в виду незначительности для операций в широких размерах наших сил на кавказском фронте, все же почитаемом второстепенным, и невозможности, по словам генерала Алексеева, ни единого солдата снять с главного театра военных действий.

Нисколько не желая выступать адвокатом непременного примирения с Турцией, генерал Алексеев поручил мне передать вам некоторые его мысли по этому поводу, дабы положение, созданное нашим успехом, было тщательно продумано и использовано в наивыгоднейшем для нас объеме. Самым важным является более определенное и точное выяснение объекта войны с нашей русской точки зрения. Выяснению этому может помочь то или другое мнение начальника штаба, но окончательно оно может принадлежать лишь к компетенции самого правительства.

Рассуждения на эту тему привели к следующим выводам. Каковы бы ни были наши надежды и расчеты на использование вмешательства в войну Турции, чтобы вознаградить себя за ее счет при заключении мира, мы должны признать, что эти расчеты не оправдались и едва ли могут оправдаться в течение этой войны. Чем дольше длится она, тем труднее для нас какие-либо новые, особые предприятия после ее окончания. Завладение проливами, несомненно, явится таким новым о с о б ы м предприятием. В этом вопросе мнения генералов Данилова и Алексеева вполне сходятся (о мнении Данилова вспомните мои письма от декабря 1914 г. и января 1915 г.). Для нас важно достижение главной цели, а главной целью войны должна быть победа над главным неприятелем, над тем, от которого зависит восстановление нашей государственной границы, возвращение утраченной территории. Главный наш противник — Германия, и, так как несомненно, что для нас несравненно важнее вернуть, напр., Курляндию, нежели приобрести проливы, то первым и главным делом должно быть сокрушение Германии. Задача эта настолько трудная, что для ее выполнения требуются все усилия и все жертвы. Одною из таких жертв должен быть отказ от некоторых наших надежд. Что же нам может дать сепа-

---

русской армии раздробить отступавшие турецкие силы, занять господствующее положение в Турецкой Армении, предпринять операции в отношении Битлиса и Трапезунда и, кроме того, начать фланговое движение через Персию в направлении к Керманшаху.

ратный мир с Турцией? Предложить ей таковой мы могли бы, без ущерба для наших реальных интересов (и лишь откладывая на новый срок завладение проливами), на основании status quo ante bellum, с восстановлением капитуляций и всех прочих наших договорных прав. При этом пришлось бы потребовать удаления германцев, взамен чего обещать защитить Турцию от Германии в случае репрессалий последней. Если бы мир с Турцией был восстановлен на таких началах, у нас бы освободилась вся кавказская армия, покрытая славою, окрыленная одержанными победами и готовая совершить новые чудеса. Ее можно будет перевести в Бессарабию и этим (кто знает?) увлечь Румынию, или, если Турция будет о том просить, послать ее защищать Константинополь. Англия вздохнет свободнее, когда исчезнут опасности египетского похода и мусульманского движения. Она тогда сможет отправить свою египетскую армию (9 дивизий) в Солунь и Каваллу, окончательно сдержать болгар и, вместе с восстановленной сербской армией, французами и итальянцами, освободить Сербию. Выход Турции из числа наших врагов перевернет все на Балканах в нашу сторону, даст нам соприкосновение с нашими союзниками, откроет нам южный путь в Европу. Словом, благоприятные последствия мира с Турцией неисчислимы. В конечном же итоге, явится сокрушение силы Германии, т.-е. достижение единственного, общего для всех союзников, реального объекта войны. Конечно, и им и нам придется пожертвовать некоторыми прекрасными мечтами... Но никто не мешает нам продолжать лелеять эти мечты в будущем и для будущего. Продолжая войну с Турцией, мы выгадываем только то, что обманываем себя надеждой на осуществление в близком будущем чарующей нас иллюзии. Прекращая же войну с Турцией, мы осуществление наших иллюзий откладываем на новый срок, зато достигаем победы над Германией, т.-е. того, к чему стремимся и мы и все наши союзники, что одно только обеспечит нам всем прочный мир, а лично нам наше политическое, военное и нравственное положение в Европе. Если победою над Германией мы достигнем положения, похожего на то, которое мы имели после наполеоновских войн, то почему бы впоследствии не повториться и серии славных договоров: Адрианопольского [1]), Ункиар-Искелессийского[2]) и пр., которые, надо надеяться,

[1]) По мирному договору, заключенному 2/IX 1829 г. между Россией и Турцией в Адрианополе, Порта, прокламируя полную свободу торговли для русских подданных в пределах Оттоманской империи, объявляла для русских торговых и торговых судов держав, состоящих с Портою в дружбе, свободный проход через проливы Босфор и Дарданеллы. По этому же миру Россия получала восточное побережье Черного моря. В то же время Молдавия и Валахия признавались автономными княжествами, управляемыми господарями, избираемыми пожизненно, и освобождались от обязательства снабжать Турцию предметами продовольствия. Кроме того, была признана независимость Греции, и Сербия получала автономию, свободу религии и торговли.

[2]) По договору, заключенному между Россией и Турцией 26/VI 1833 г. в Ункиар-Искелесси и явившемуся последствием обращения султана к России

будут заключаться так, чтобы не сталкивать нас снова с западными державами, но разумно удовлетворять действительные нужды России...

Я вижу, что немного переплел мысли генерала Алексеева с собственными, причем очень определенно высказал последние. Хотя генерал Алексеев настойчиво заявляет, что отнюдь не желает выступать поборником и инициатором идеи мира с Турцией, в глубине души, я убежден, он считает такой мир наиболее выгодным для нас делом.

Затруднений для заключения этого мира, конечно, будет немало. Но какое большое дело творится без затруднений? Придется объяснять общественному мнению, что всего сразу сделать нельзя: спасать Россию от германской гегемонии, отвоевывать Балтийское побережье и русские земли и одновременно приобретать Константинополь, приступать к сложнейшим задачам политическим, даже духовным, связанным с нашим завладением Царьграда. Придется уламывать и турок. Но на них можно действовать убеждением логики и денег. Я убежден, что если отпадет вопрос об утрате ими их столицы, то убедить их в том, что их руками немцы жар загребают, будет нетрудно. А кто не поймет силу довода, поймет традиционный в Турции довод материальной выгоды.

Но об этих подробностях рано говорить. Теперь самое главное: 1) уяснить настоящий объект войны; 2) в связи с выяснением этого объекта решить, не упуская выгодного момента, вопрос о сепаратном мире с турками и 3) подготовить общественное мнение (Государственная Дума собирается послезавтра) и наших союзников к такому обороту дела.

В заключение этого длинного письма могу только прибавить, что как генерал Алексеев, так и я сам, всецело разделяем те чувства по отношению к Константинополю, которыми вдохновлены все русские, и что не равнодушие к разрешению восточного вопроса в согласии с «историческим призванием России» руководит нашими мыслями, а искреннее желание выяснить: что практически возможно и что пока (будем надеяться, что только п о к а) невозможно, и в политическом вопросе стараться подчинять чувство выводам рассудка.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 26 (13) февраля 1916 г.

Царская ставка. 13 февраля 1916 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Г. Филипеско [1]) прибыл из Киева 11 сего февраля в 6 ч. вечера. В этот самый день вернулся в Могилев государь император, и, под

за помощью против восставшего египетского паши Магомета-Али, между обоими державами устанавливался оборонительный союз, причем в отдельной секретной статье оговаривалось, что военная помощь русскому правительству со стороны Порты должна выразиться в форме полного закрытия Дарданелльского пролива.

[1]) Н. Филипеско — лидер румынской консервативной партии, приверженец союзнической ориентации, министр финансов Румынии.

председательством его императорского величества, состоялось совещание по оперативным вопросам, для каковой цели сюда съехались главнокомандующие фронтами: ген.-адъютант Иванов [1]), Куропаткин [2]) и Эверт [3]), адмирал Русин [4]), военный министр [5]) и другие генералы). Г. Филипеско, которого я приветствовал на вокзале, только вчера мог быть принятым генералом Алексеевым и обсудить с ним свои планы. Как я телеграфировал вам сегодня утром [6]), он сперва отправится в Петроград, останется там несколько дней, а потом поедет прямо к ген. Иванову в Бердичев. Там к нему будет приставлен офицер, под руководством которого он объедет юго-западный фронт. Ему покажут все, что только может его интересовать.

На свидании его с начальником штаба я присутствовал — и вот, сущность сказанного г-ном Филипеско в ответ на вопросы ген. Алексеева: о румынской армии и ее материальных нуждах, об отношении Румынии к Германии и о настроении Румынии.

Численность румынской армии Филипеско определяет в 550 000 человек, причем такая цифра является результатом последних военных мер, о которых он обещал прислать подробную справку ген. Алексееву. Материальная часть — удовлетворительна. На каждое орудие имеется 1 150 снарядов. Винтовок имеется 700 000, но, по раздаче их в войска — в случае войны, в запасе останется только 18 000. Это очень незначительная цифра. Нехватает также тяжелой артиллерии. Последняя обещана Францией, но еще не доставлена, обещаны же старые, крупного калибра, пушки.

На вопрос ген. Алексеева о том, не предвидится ли возможность предъявления Германиею Румынии ультиматума и как к этому отнесется Румыния, Филипеско ответил приблизительно так: опасность ультиматума существовала, но, по его мнению, прошла, ибо, если бы Германия намеревалась предъявить ультиматум, то она бы это уже сделала [7]). В Румынии большинство народа сочувствует державам Согласия. (Я заметил, что ни разу ни в разговоре с ген. Алексеевым, ни со мною Филипеско не упоминал о симпатиях к России, а всегда

---

[1]) Ген.-ад. Н. И. Иванов — главнокомандующий армиями юго-западного фронта.

[2]) Ген.-ад. А. Н. Куропаткин — главнокомандующий армиями северного фронта.

[3]) Ген.-ад. А. Э. Эверт — главнокоманд. армиями западного фронта.

[4]) Адм. А. И. Русин — тов. морского министра и начальник военно-морского отд. штаба верховного главнокомандующего.

[5]) Ген. А. А. Поливанов.

[6]) Телеграмма Кудашева от 13/II 1916 г. за № 585.

[7]) Об отсутствии со стороны центральных держав каких-либо реальных угроз по адресу Румынии и о заинтересованности Германии в сохранении Румынией нейтралитета говорит ген. Фалькенгайн. См. его книгу «Верховное командование», стр. 104, 150. См. об этом также ст. Базаревского «Выступление Румынии» в сб. «Кто должник», стр. 264—266.

о симпатиях к державам Согласия; это свидетельствует о том, как осторожно он выражается.) Хотя король сам не забывает своего прусского происхождения, но будет всегда вести румынскую политику. Положение в Европе учитывается Румыниею таким образом: в течение ближайших двух месяцев инициатива принадлежит германцам. После этого срока инициатива должна перейти к державам Согласия. Когда наступит момент, и державы скажут Румынии: мы готовы повести наступление одновременно на всех фронтах, присоединяйтесь к нам, — то, если в то время в южной Бессарабии будет находиться 250 000 русская армия, — Румыния, не задумываясь, — ручается Филипеско, — объявит войну Австро-Германии [1]).

Ген. Алексеев на это заметил, что Румыния может рассчитывать на самую широкую помощь России, — как войсками, так и в деле доставки боевого снаряжения из Франции. Но содержать целую армию в Бессарабии на всякий случай абсолютно непрактично. Войска должны находиться там, где для них имеется применение. Это не значит, что мы исключаем возможность сосредоточения войск в Бессарабии. Когда и если там они понадобятся, их туда пошлют. По всем этим вопросам следует столковаться. Надо больше взаимного доверия. Пусть румыны нам скажут, на что именно мы можем рассчитывать, тогда и мы им можем более определенно сказать, что мы можем сделать для них. Желательно обсуждение этих вопросов с уполномоченными на то представителями румынского штаба.

Филипеско возобновил свои заверения о симпатиях румын к державам Согласия, но заметил: «Само собой разумеется, что, если бы до наступления момента, когда инициатива перейдет в руки союзников, последних постигла какая-нибудь катастрофа, взятие Парижа, напр., то мы окончательно откажемся от участия в войне. Оно было бы равносильным самоубийству, а такая жертва и вам никакой пользы не принесет».

На этом беседа закончилась.

Г. Филипеско хотел было вчера же выехать в Петроград, но, получив в самый момент отхода поезда приглашение на высочайший обед, остался до сегодняшнего дня. Приглашение это, повидимому, его очень порадовало. А так как государь император удостоил его после обеда (но не в частной аудиенции) довольно продолжительной милостивой беседы, то я не сомневаюсь, что г. Филипеско вынесет из своего пребывания в ставке самое благоприятное впечатление, несмотря на то, что ему пришлось немало времени провести в своем вагоне на железнодорожной станции.

Н. Кудашев.

---

[1]) О том же см. беседу Филипеско с Палеологом в Петербурге в книге М. Палеолога «Царская Россия...», стр. 68.

Письмо Кудашева 4 марта (20 февраля) 1916 г.

Могилев. 20 февраля 1916 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

По последним сведениям от Жилинского (полученным до вчерашнего вечера), французы под Верденом [1]) потеряли 30 000 убитыми, что, сравнительно, очень немного, и 80 орудий, из коих 8 155-миллиметровых. Вел наступление кронпринц, израсходовавший уже все свои резервы и принужденный брать подкрепления из собственного своего фронта. У французов сильно пострадали 3 дивизии, отведенные в глубокий тыл для того, чтобы основательно поправиться. Ожидается удар немцев в другом направлении — вероятно, в сторону Compiegne. Для встречи его заготовлены две группы по 4 корпуса каждая. В последней своей телеграмме Жилинский телеграфировал, что, после тщательной артиллерийской подготовки, немцы снова атаковали верденский фронт, но были отбиты [2]). Однако сегодняшние агентские телеграммы признают, что немцам удалось кое-где удержаться.

Никто, конечно, не возьмется быть пророком и предсказывать, чем кончится начатая борьба на западном фронте. Алексеев, повидимому, вовсе не считает положение французов критическим. Он негодует на нервность Laguich'a и очень одобряет хладнокровие старика Pau. Я, конечно, не спрашивал его, каковы его, Алексеева, планы в связи с событиями на западном фронте. Но по отдельным фразам, которые у него вырвались, я не сомневаюсь в том, что он использует то время, когда немцы заняты на Западе, чтобы что-нибудь предпринять. Но если бы даже я знал, что именно он задумал, то и тогда я бы об этом не писал: есть вещи, которые не должны обсуждаться посторонними до поры до времени и которые надо оберегать от малейшей нескромности и уменьшать до минимума шансы их оглашения.

---

[1]) Общее наступление германцев на всем протяжении французского фронта началось 8/II 1916 г., причем объектами особенно ожесточенного натиска германцев явились район Вердена и район, расположенный к северу от Суассона (см. телеграмму Извольского от 9/II 1916 г. № 122). В районе Вердена атаки германцев развернулись в бои, длившиеся непрерывно в течение 5 дней. К 14 февраля атаки стали ослабевать, и Извольский мог констатировать в настроениях французских правительственных кругов наступившее успокоение, сменившее состояние крайней нервности и растерянности (см. телеграмму Извольского от 14/II 1916 г. за № 134).

[2]) Германские атаки против Вердена возобновились 18/II 1916 г. Сообщая об устойчивом положении верденского фронта, Извольский в своей телеграмме от 20/II 1916 г. за № 148 приводил опасения французского командования, полагавшего, что для развития наступательных действий германцы прибегнут к переброске своих войск с русского фронта. «Поэтому, — писал Извольский, — генерал Жоффр обращается к генералу Алексееву с просьбою прийти на помощь Франции путем перехода России в наступление».

В наших совместных действиях с союзниками беда в трудности сговориться о них. Не говоря уже, что мы никак не можем приготовиться к совместному и одновременному удару, французы, напр., дорожащие каждым человеком, ни за что не захотят повести наступление, когда мы будем готовы (это видно из прежних телеграмм Жилинского), и инициатива, поэтому, всегда остается за немцами...

Н. Кудашев.

4 42-сантиметровые орудия, имевшиеся у немцев на нашем фронте, переведены на французский.

Письмо Кудашева 11 марта (27 февраля) 1916 г.

Царская ставка. 27 февраля 1916 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Приношу вам выражение глубокой моей признательности за новый знак вашего доверия ко мне [1]). Как я вам телеграфировал, я приложу все свои старания к тому, чтобы его оправдать, хотя сознаю всю трудность оказаться на высоте того ответственного и нелегкого поста, на который вы меня назначаете. Надеюсь, что вы и к моей будущей работе в Китае отнесетесь так же сниходительно, как вы это делали раньше. Я очень сожалею, если не всегда мог отсюда писать то, что было бы приятно читать; я даже знаю, что иногда высказывал суждения, не встречавшие сочувствия в министерстве, но я это делал вполне сознательно, так как считаю, что мой долг требует от меня прямой и искренней оценки фактов и людей, а мой «пессимизм» (в сущности, только «скептицизм») увы! часто оправдывался.

Я вчера лично передал ген. Алексееву ваше письмо о Веселкине. Одновременно я показал ему присланный мне Шиллингом документ, дополнявший это письмо. Бедный генерал только развел руками. «Что я могу с ним делать?» — сказал он. «С ним говорит государь; о чем они говорят, я не знаю: Веселкин мне ничего не докладывает, а государь тоже не поверяет тайны этих бесед. Лично мне Веселкин не нужен, и я ему ничего поручать не собираюсь». Засим он меня просил частным образом и конфиденциально передать вам следующее. Веселкину отпускаются очень крупные суммы, по личному приказанию государя министру финансов. Суммы эти настолько велики, что не могут предназначаться для покрытия обыкновенных расходов экспедиции. Куда они идут? Неизвестно. К Веселкину государь относится очень дружелюбно. За обедом его величество как-то спросил

[1]) Телеграммой от 26/II 1916 г. за № 998 на имя Кудашева Сазонов сообщал о последовавшем решении царя назначить Кудашева на освободившуюся должность посланника в Китае, а на должность директора дипломатической канцелярии при верх. главнокомандующем назначить вице-директора той же канцелярии Базили.

Алексеева: «Ну, как вам нравится мой друг Веселкин?» Когда пришла телеграмма Татаринова с жалобою на вмешательство Веселкина, Алексеев ее доложил государю, но вместо ожидавшегося выражения неудовольствия его величество государь сухо, даже холодно, заметил, что надо предупредить Веселкина, чтобы он не вмешивался не в свои дела. Но ясно было, что такое повеление находится в противоречии с желаниями его величества. Совершенно несомненно то, что, как перед японской войной существовал в Корее «le secret du Roi», так и теперь он существует, и Веселкин — только одно из колес этого вредного механизма.

Во всяком случае письмо ваше № 183 [1]) будет доложено Алексеевым по возвращении в ставку его величества.

Военных операций, как вам известно, теперь еще не происходит. Продолжается перевозка войск в видах предстоящего нашего действия. Перевозка проходит гладко, слава богу.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 28 (15) марта 1916 г.

Царская ставка. Могилев. 15 марта 1916 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Вчера за завтраком в собрании штаба генерал Шуваев всех ошеломил известием о своем назначении военным министром [2]). Это было полною неожиданностью для всех решительно, не исключая самого ген. Алексеева. К последнему я зашел в течение дня и из разговоров с ним вынес впечатление, что ген. Алексеев очень смущен решением государя. Ген. Шуваева он высоко ценит, как безупречно честного человека, об его способностях он ничего не сказал, откуда я заключаю, что он не считает их более выдающимися, нежели способности ген. Поливанова. Смущает Алексеева впечатление, которое произведет в России отставление последнего. Из всех заместителей, по его мнению, ген. Шуваев наименее, впрочем, рискует быть враждебно принятым Думою, которая его знает. Чем вызвана отставка Поливанова? Никто толком не может сказать, так как обвинениям в каких-то нечестных поступках никто не верит. Вероятнее всего, — его «либерализм». Как говорят, убедили государя в необходимости смены министров ген. Воейков и лейб-медик Федоров.

Не знаю, благоразумна ли страсть, повидимому, обуревающая Воейкова, уподобить себя Warwick'y the King [3]) Maker. Как бы не пришлось ему стать «the last of the Barons»!..

[1]) Письмо Сазонова за № 183 в деле отсутствует.

[2]) Об обстоятельствах назначения гл. полевого интенданта ген. Шуваева военным министром см. Лемке «250 дней...», стр. 633.

[3]) Так в подлиннике — нужно: «King's».

Для самого Шуваева его назначение было не меньшим сюрпризом. Я думаю, что государь ему предложил этот пост в прошлую пятницу, 11-го; я это вывожу из того, что в этот день я обедал во дворце и, после обычного cercle, видел, как государь подошел к Шуваеву и пригласил зайти к нему в кабинет. По выражению лица Шуваева было видно, что он не ожидал этого приглашения, как-то засуетился и был, видимо, взволнован. Тем не менее только вчера выдал секрет о своем назначении. Я подозреваю, что он испытывает то же чувство, что и я перед Пекином: «il a le sentiment convenable de son insuffisance», comme aurait dit M. de Tocqueville [1]).

Н. Кудашев.

Отношение директора дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем на имя министра ин. дел 28 (15) марта 1916 г. № 1122.

Секретно.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

В дополнение к моей телеграмме от 14 сего марта за № 651 [2]) имею честь препроводить при сем для сведения вашего высокопревосходительства копию письма генерала Лагиш на имя и. д. начальника генерального штаба генерала-от-инфантерии Беляева относительно желательности присоединения первой бригады нашего вспомогательного отряда к французским войскам, действующим на западном театре войны, и отправления второй бригады на усиление Салоникского союзного отряда.

Кн. Н. Кудашев.

Копия письма ген. Лагиш начальнику ген. штаба генералу Беляеву 25 (12) марта 1916 г. [3])

12(25) марта 1916 г.

Генерал Лагиш, французский военный аташе в России, имеет честь приветствовать его высокопревосходительство г. начальника штаба верховного главнокомандующего и сообщить ему, что с сегодняшним курьером он отправляет его превосходительству генералу Беляеву следующее письмо.

---

[1]) «У него ощущение такое, как будто он не на высоте, как сказал бы Токвиль».

[2]) В телеграмме министру ин. дел от 12/III 1916 г. за № 645 генерал Алексеев писал, что вопрос об использовании как уже посланной во Францию русской бригады, так и вновь формируемой для посылки должен быть предоставлен разрешению самого французского командования, в распоряжение которого отряды поступают. В телеграмме Кудашева на имя министра от 14/III 1916 г. за № 651, со слов Лагиш, сообщалось о предполагаемом способе использования посылаемых во Францию русских бригад: первая бригада местом своего назначения имеет Францию, вторая же — Салоники; вместе с тем во второй бригаде будут отсутствовать французские элементы, и к ней будет придана русская запасная часть усиленного состава.

[3]) Перевод с французского.

Генерал.

В ответ на вашу телеграмму от 1/14 марта, имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что французское правительство с величайшей готовностью соглашается на присылку второй русской пехотной бригады для совместных действий с французской армией.

Однако в силу большого морального значения, придаваемого французским правительством факту присутствия русских войск на Балканах, следует считать желательной высадку этой части в Салониках.

Вследствие этого и принимая во внимание, что первая бригада, находящаяся уже в пути, сохраняет свое первоначальное назначение и прибывает во Францию, вопрос о соединении обеих бригад с целью образования автономной дивизии отпадает.

В связи с вышеизложенным численность русских кадров второй бригады по сравнению с первой должна быть увеличена. Организация кадров, смешанных с французскими элементами, не имеет за собой оснований; эта мера была принята в отношении первой бригады лишь с целью облегчить взаимоотношения русских с французским населением.

Французское правительство не считает нужным подчеркивать значение возможно более скорой отправки второй бригады, создание которой вы, ваше превосходительство, взяли на себя инициативу предложить вышеупомянутой телеграммой от 1/14 марта и которое его величество соизволил одобрить.

Позвольте мне просить вас поставить меня в известность об условиях и времени, когда вы считали бы возможным осуществить отправку новой бригады.

Генерал *Лагиш.*

Письмо Базили 10 апреля (28 марта) 1916 г.

Ставка. 28 марта 1916 г.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Согласно вашим указаниям я при первой беседе с начальником штаба верховного главнокомандующего изложил ему ваши соображения о настоятельности англо-французской высадки в районе Александретты. Повторив мне то, что он уже писал вам [1]), а именно, что

[1]) План свой ген. Алексеев излагал в следующем письме Сазонову от 20/III 1916 г. за № 1588.

«Милостивый государь Сергей Дмитриевич.

Вопрос о переброске на малоазиатский театр, и, в частности, к Александретте, части английских сил, находившихся в Египте, был возбужден мною уже в январе месяце настоящего года.

В записке, переданной мною представителю великобританской армии, генералу Хенри Вилльямс, мною указывалось, что единственной базой для всей турецкой армии, в смысле снабжения ее материальной частью и боевыми припа-

такая диверсия была бы для нас в высшей степени желательной, но, что, несмотря на его настояния перед союзниками, надежды на нее у него нет, ген. Алексеев прибавил, что ввиду значительных потерь,

---

сами, является Константинополь. В районе же к востоку от Александретты находится весьма важный узел железнодорожных и грунтовых путей, ведущих от Константинополя в Месопотамию, Сирию, Палестину, Аравию и Армению. Занятие этого узла в значительной мере обеспечило бы операции как наших, так и английских войск против турок, затруднив, кроме того, проникновение в Афганистан, Белуджистан и Индию караванов с оружием.

Вместе с тем захват участка Багдадской железной дороги в полосе местности, прилегающей к Александреттскому заливу, с такими важными сооружениями, как тоннели через Киликийский Тавр и Аманский хребет, парализовал бы всякую диверсию германо-турок против Суэцкого канала, вынося оборону этого мирового пути на 800 верст к северу.

Наконец, производству десанта в Александреттском заливе в значительной степени способствуют близость острова Кипра, а также отсутствие сколько-нибудь серьезных укреплений во всей прибрежной полосе.

По этому же вопросу я говорил с генералом Коллвель во время приездов его в ставку в середине января месяца и первых чисел марта настоящего года.

При этом я обращал его внимание на то обстоятельство, что с ликвидацией Галлиполийской операции для союзного флота в Средиземном море отпадают ответственность и трудная задача по обеспечению длинной коммуникационной линии к устьям проливов, вследствие чего производство десанта на малоазиатском побережьи и обеспечение подвоза для экспедиционного корпуса не должны встретить, непреодолимых трудностей, тем более, что транспортные средства союзников могут быть еще усилены за счет секвестрованных в португальских портах немецких судов.

В переданной мне 8 сего марта записке генерал Коллвель, с своей стороны, указывает на трудность высадки значительных сил в Александреттском заливе: отсутствие достаточно хорошо оборудованного порта, отсутствие безопасной от нападения подводных лодок бухты для сосредоточения значительного количества транспортов, каковой являлась бухта Мудрос вблизи Галлиполийского полуострова, затруднения, встречаемые Англией в предоставлении достаточного количества транспортных средств; вместе с тем положение экспедиционного корпуса у Александретты считается англичанами недостаточно безопасным ввиду возможности для турок в короткое сравнительно время подвезти войска по железной дороге, и тяжелым, вследствие крайне нездорового в летнее время климата в прибрежной полосе залива. Вместе с тем, по мнению генерала Коллвель, в настоящее время не представляется возможным перебросить из Египта на малоазиатский театр более 80—100 000 английских войск ввиду использования уже значительной части первоначально сосредоточенных в Египте сил для других назначений; принимая же во внимание, что указанных выше сил для столь серьезной операции будет недостаточно и что, с другой стороны, французское правительство, несомненно, поставит условием участие французских войск в экспедиции, предпринимаемой в районе сферы французского влияния, пришлось бы, повидимому, снять часть войск с салоникского фронта.

Наконец, английский генеральный штаб настаивает на необходимости иметь в виду, что предназначенные для Македонии на малоазиатском побережьи союзные войска, во всяком случае, будут потеряны для операций на французском фронте, где, как указывают события под Верденом, в ближайшем будущем следует ожидать весьма серьезных операций.

Таким образом, союзники наши, в особенности же англичане, относятся, повидимому, скорее отрицательно к возбужденному мною еще в конце прошлого

понесенных французами при Вердене, союзники ныне решили все свободные силы направить на западный фронт [1]). Лорд Китченер всегда был противником дальних операций, придерживаясь мнения, что англичане должны быть сильны хотя бы в одном месте. Точка зрения его теперь возобладала. Ее собираются применить и к салоникскому фронту, против чего Алексеев энергично возражал. Наши союзники, — заметил генерал Алексеев, — быть может, теоретически и правы, говоря о необходимости сосредоточения всех сил на главных театрах, но, при нынешней сложной обстановке, принцип этот должен быть признан слишком узким. — Часть египетской армии уже направлена во Францию, другая идет на подкрепление месопотамского отряда, таким образом в Египте останется сравнительно небольшое количество войск. Беседу о турецком фронте генерал Алексеев закончил общим замечанием, что на этом театре, по сравнению с другими, события развиваются сравнительно медленнее ввиду трудности сообщений.

На вопросах об его видах на будущее начальник штаба ответил, что предстоящее лето будет, вероятно, во многом сходно с прошлым летом. После упорных боев у Вердена трудно рассчитывать на то, чтобы

года вопросу о высадке десанта на малоазиатском побережьи для совместных с кавказской армией операций в одном из наиболее важных направлений.

Между тем сосредоточение Турцией всех свободных сил на малоазиатском театре и происходящая, повидимому, переброска туда же некоторой части германских войск, действовавших на Балканском полуострове, вынуждают меня настаивать на необходимости содействия кавказской армии со стороны наших союзников, с тем, чтобы одержанные нами крупные стратегические успехи могли получить дальнейшее развитие и быть в должной мере использованы для нанесения сокрушительного удара турецкой армии. Последнее, несомненно, оказало бы большое влияние на политическую и стратегическую обстановку на Балканском полуострове, а заключение Турцией сепаратного мира освободило бы как у нас, так и у наших союзников значительные силы для операций на главных театрах войны!

Прошу... и т. д.

Мих. Алексеев.

Решение высадить свою армию у Александретты и связать операцию с наступлением нашей кавказской армии изменило бы значение Салоник. Тогда этот пункт могла бы удерживать сербская армия, усиленная 2—3 союзными дивизиями. Остальные силы союзников были бы переброшены на берега Малой Азии. Удар этот, по самой сути своей, настолько грозен для наших противников, что все второстепенные предприятия были бы забыты ими (угроза источнику средств, уничтожение Багдадской дороги). Но, повторяю, идея не нашла сочувствия у союзников; ее некоторые трудности затемняют от взоров вероятные широкие результаты».

[1]) В секр. телеграмме Извольского от 25/III 1916 г. за № 237 сообщалось об отрицательном отношении французского командования к русскому плану. По словам Бриана, высадка на анатолийском или сирийском побережьи является сложным предприятием, требующим затраты крупных сухопутных и морских сил; в то же время салоникский отряд не может быть ослаблен, а большие потери под Верденом требуют направления на этот фронт всех еще свободных войск; с другой стороны, ощущается острый недостаток в морских транспортах. Содержание французского ответа передавалось в ставку бар. Шиллингом телеграммой от 27/III 1916 г. за № 1441.

наши союзники в скором будущем перешли в наступление. Немцы, вероятно, вновь будут иметь возможность в течение лета все свои усилия направить против нас.

Положение в Афганистане озабочивает начальника штаба. Выделение в Персию сорокатысячного отряда для нас теперь весьма обременительно. Генералу Алексееву было бы желательно, как только к тому представится возможность, сократить его тысяч до 15, переводя освободившиеся войска в Турцию. Месяца через четыре, — прибавил генерал Алексеев, — было бы несколько менее затруднительным уделить войска на борьбу с афганцами. Я указал генералу, что восстание в Хиве, повидимому, не имеет связи с Афганистаном, а лишь с туркменскими эмиссарами, и что намерения афганского эмира, вероятно, разъяснятся с получением ожидаемого его письма.

В первой беседе я лишь в самой осторожной форме коснулся польского вопроса [1]) и предполагаю к нему вернуться, когда несколько

---

[1]) В памятной записке Базили, переданной им Сазонову во время его поездки в Петроград 4—8 апреля 1916 г. в пункте, посвященном «польскому вопросу», говорится следующее: «Вернувшись к необходимости отказаться от пассивного нашего отношения к польскому вопросу, я вновь встретил сочувственный отклик начальника штаба. Ко всем общим аргументам в пользу определения нашего отношения к будущему устройству Польши, по словам генерала Алексеева, необходимо прибавить следующие два соображения: с одной стороны, привлечением на свою сторону поляков мы должны воспрепятствовать, насколько возможно, использованию польского населения нашими противниками в борьбе их против нас,— с другой, мы должны подготовить сочувственное отношение к нам поляков к тому времени, когда мы перейдем в наступление, дабы обеспечить себе активное его содействие, например, действиями его в тылу неприятеля и проч. Если, — прибавил генерал Алексеев, — австро-германцы осуществят свой план рекрутского набора в Польше, быть может, 50% этих рекрутов уклонится от призыва, сдастся нам, так или иначе против нас не выступит, но другая половина все же, хотя и поневоле, быть может, останется в неприятельских рядах. Еще не поздно, — по сведениям генерала Алексеева, — пойти навстречу польским пожеланиям, настроение поляков к нам еще благожелательно, но с этим делом необходимо спешить. И это тем более, что надо опасаться скорого выступления австрийского или германского правительства с проектом будущего самобытного устройства Польши. На вопрос начальника штаба о пределах предусматриваемой автономной Польши я указал, что из нее исключаются наши западные губернии, но что затем автономия должна быть распространена на все польские земли, которые окажутся в наших руках. Воззвание великого князя Николая Николаевича связало вопрос об автономии с объединением Польши. Теперь надо эти два вопроса разделить и обещать автономию нашей Польше с прибавлением тех территорий, которые удастся отвоевать, но и без таковых, если бы мы таких приобретений не сделали. Такая постановка вопроса не препятствует тому, чтобы мы продолжали ставить одной из целей настоящей войны объединение Польши. Генерал Алексеев вполне согласился с такой точкой зрения. Он прибавил, что самый объем автономии должен быть широким. Объясняя свое отношение к польскому вопросу, он заметил, что в первый период войны высказывался за образование польской армии, и жалеет, что не встретил этому тогда сочувствия. Начальник штаба поручил мне передать министру, что просит Сергея Дмитриевича выработать план нового устройства Польши и сделает все возможное, чтобы его провести. Он не скрыл от меня, что много влияний могут затруднить проведение этого щекотливого дела».

более освоюсь. Обрисовав все отрицательные стороны неопределенного нашего отношения к будущему устройству Польши, я указал начальнику штаба на необходимость сохранить исключительно в наших руках инициативу в этом деле. Генерал Алексеев с жаром меня поддержал и заметил, что, по его личному мнению, совершенно необходимо решительно пойти навстречу польским пожеланиям. «В польском вопросе не может быть возврата, — сказал начальник штаба, — необходимо самим дать то, что мы все равно вынуждены будем уступить». При этом генерал Алексеев выразил сожаление, что в свое время, несмотря на его настояния, не согласились на организацию польских легионов. Угроза использования против нас польского населения путем набора представляется ему вполне действительной. Опасность осложнений международного характера на почве польского вопроса для него совершенно ясна. Не знаю, однако, насколько можно рассчитывать на влияние Алексеева в этом вопросе. Ему, повидимому, приходится преодолевать столько трудностей в вопросах, составляющих непосредственный предмет его забот, что я сомневаюсь, чтобы он стал ломать копья для достижения целей, лишь косвенно его касающихся.

Не могу не упомянуть о большом впечатлении, которое при более близком знакомстве производит генерал Алексеев. Определенно чувствуется, что всякое разумное начинание встретит с его стороны самую решительную поддержку и что во всем от него можно ожидать самой большой ширины взглядов. Я имел случай доложить ему несколько мелких дел, которые при генерале Янушкевиче, несомненно, не обошлись бы без затруднений, теперь же все решается само собою без всяких трудностей. На будущее время в сравнительно менее важных делах начальник штаба даже разрешил мне его не беспокоить, самому улаживая их с подчиненными ему лицами. К сожалению, это не всегда будет возможно, так как ближайшие сотрудники его — лица, очень посредственные и лишенные всякой инициативы.

О переезде ставки в другое место здесь речи нет.

Н. Базили.

Письмо Базили 24 (11) апреля 1916 г.

Ставка. 11 апреля 1916 г.

Весьма доверительно.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Касательно доложенного мною вам по поручению начальника штаба предположения вызвать в Болгарии внутренний переворот [1]) я передал генералу Алексееву ваши соображения. Мне не пришлось

[1]) В цитированной выше памятной записке Базили имеется пункт с заголовком «Предположение о перевороте в Болгарии».

Содержание данного пункта сводится к следующему: одним видным генералом было внесено предложение организовать при содействии болгарских госу-

останавливаться на том, что в Болгарии в настоящее время у нас нет сторонников, кроме горсти цанковистов, и что вполне отсутствует почва для установления в стране благоприятного нам порядка. Полковник Татаринов, повидимому, успел вполне убедить в этом начальника штаба. Пока не будет создана более для нас благоприятная обстановка, устранение Фердинанда, по мнению генерала Алексеева, бесцельно. Пока он предполагает ограничиться осторожным зондированием почвы и выяснением, возможно ли подготовить негласным путем привлечение на нашу сторону некоторых болгарских деятелей. При этом, по словам начальника штаба, будет соблюдена полная осторожность. В этом он просил меня вас заверить.

Перейдя к румынским делам, я изложил генералу Алексееву причины, по которым представляется нежелательным предназначаемые для Румынии предметы снабжения складывать на юге России и не вывозить в Румынию до времени ее выступления. Я объяснил начальнику штаба, что такая мера способна лишь раздражать вообще обидчивых румын, и он согласился с вашей мыслью, что предпочтительно просто оттягивать выдачу румынам грузов. В том же смысле высказался и полковник Татаринов [1]). Что касается обещанных Румынии

дарственных деятелей низложение Фердинанда болгарского. При организации заговора со стороны русского правительства должны были последовать по адресу Болгарии обещания крупных территориальных компенсаций. Заинтересовавшийся планом ген. Алексеев запрашивал Сазонова об его отношении к плану, обещая, с своей стороны, взять на себя дальнейшее направление дела.

В соответствующем пункте той же записки, в разделе, носящем заголовок: «Указания, полученные от министра, и сведения, сообщенные в министерство», констатировалось, что министр ин. дел отнесся к плану «с значительным опасением». Скептицизм министра питался следующими мотивами: а) опасением компрометации русского правительства от возможной огласки, б) фактом недостаточности симпатий болгарского населения к России, в) опасением за судьбу Салоник, которые, согласно проекту, должны были быть переданными болгарам. «Сергей Дмитриевич Сазонов, — значилось в заключительной части «указаний»,— несмотря на свои опасения, не считает себя, однако, вправе противиться осуществлению предположений генерала Алексеева, раз последний имеет основания считать сделанные ему предложения вполне серьезными... Однако при переговорах министр просит начальника штаба ограничиться общим заверением, что на изложенных основаниях Россия и союзники без труда сговорятся с болгарами в случае их перехода в наш лагерь». (Об этом подробнее см. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 215—216 и стр. 218—219.)

[1]) Мнение ген. Алексеева по вопросу о русской помощи Румынии, в случае ее выступления, приведено Базили в цитированной выше памятной записке его, опубликованной частью в сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 216—217. Приведем неопубликованную еще часть той же записки, посвященную «результатам переговоров Татаринова в Бухаресте»: «Военный агент в Румынии, полковник Татаринов, прибыл в ставку из Бухареста 2 апреля. Генерал Илиеско постепенно посвящает его в предположения румынского штаба, но румыны ничего пока подписывать не хотят. Братиано говорил Татаринову, что конвенцию можно будет в десять минут подписать перед самым выступлением Румынии. Согласно состоявшемуся между полковником Татариновым и членами румынского правительства, т.-е. Братиано и Илиеско, устному обмену взглядов условия вы-

2 000 лошадей, то генерал Алексеев намерен настаивать перед ведомством земледелия на том, чтобы, как это ни трудно, указанное число лошадей было уступлено румынам ввиду неудобства компрометировать веру в наше слово. По вопросу о будущем румынском урожае начальник штаба считает, что нам следует совместно с союзниками приобрести все, что окажется возможным. При этом он высказался в том смысле, что надлежало бы вывезти купленный хлеб морем в наши порты Азовского моря. Осуществление этого представляется, однако, повидимому, совершенно невозможным. Все наши транспортные средства в Черном море, по данным здешнего морского штаба, могут в месяц перевезти всего лишь 15 миллионов пудов. Между тем, если предположить, что мы с союзниками приобретем лишь половину предусматриваемого (за исключением внутреннего потребления) румынского урожая, т.-е. 150 000 вагонов, и если к ним прибавить уже купленные и оставленные в Румынии 100 000 вагонов, то получится огромная цифра в 250 000 вагонов или 250 миллионов пудов. Ясно, что мы не располагаем средствами для вывоза из Румынии такого огромного количества грузов.

ступления Румынии следующие: время выступления определяется началом общего наступления союзников. Русские войска должны будут прикрыть правый фланг румынской армии, заняв до объявления Румынией войны нашим противникам на австрийской территории линию Дорнаватра — Карлибаба — Селетин — Коломея. После объявления войны Румынией отдельная русская армия надлежащей силы должна вступить на румынскую территорию и занять Добруджу, взяв на себя ее защиту. На эту операцию предусматривается, примерно, срок в 15 дней. (До прибытия русских войск защита Добруджи будет возложена на румынский пятый корпус и часть второго. После смены их нашей армией войска эти направлены будут в Трансильванию.) [*Примечание автора записки.*] К этим требованиям румыны неожиданно прибавили новые условия, а именно: занятие нами Рущука. В последний день пребывания Татаринова в Бухаресте Братиано высказал в разговоре с ним это новое требование. Татаринов выразил по этому поводу полное недоумение. Братиано, в свою очередь, высказал удивление, каким образом полковник Татаринов мог этого не знать после разговора с генералом Илиеско. Обратившись за разъяснениями к последнему, полковник Татаринов получил от последнего своеобразный ответ: «Я всегда имел в виду это условие, но, быть может, говорил о нем не с вами». По словам полковника Татаринова, требование занятия нами Рущука ставится румынами, как условие, необходимое для развития наступательных операций в Трансильвании. Аргументам румын нельзя отказать в известных основаниях. Болгары сосредоточили в последнее время значительные силы против румын. Это является результатом отказа союзников от активных действий на салоникском фронте. Против Салоник оставлены всего четыре болгарских дивизии; всего же у болгар двенадцать дивизий. Они могут, таким образом, выставить против Румынии до 160 000 человек. На румынской границе образованы две болгарские армии: одна (Жекова) в Рущуке и другая в Видине. Самое разумное, конечно, было бы, чтобы румыны не защищали Добруджу и оборонялись на линии Дуная. К сожалению, румынское правительство, считаясь с общественным мнением, не признает возможным начать войну с очищения части территории. В разговорах с полковником Татариновым румыны коснулись также необходимого содействия со стороны нашего флота. Опасаясь прорыва шести австрийских мониторов вниз по Дунаю, румыны просят нас ввести

Полковнику Татаринову даны указания относительно касающихся морского ведомства пунктов нашего возможного соглашения с Румынией. Нами предоставлены будут румынам средства (канонерки, мины, артиллерия и проч.) для обороны Дуная от Рени до правого фланга предполагаемой к отправке в Добруджу армии (т.-е., примерно, до Черноводы). Операция перевозки наших войск по Дунаю остается в наших руках. Румыны должны будут дать для этого свои перевозочные средства. Оборону же Дуная румыны вряд ли согласятся отдать в наши руки; мы не будем возражать против этого при условии, чтобы русский офицер был помощником румынского начальника обороны Дуная. Войска наши предположено перевезти в Добруджу двумя путями: через Рени Дунаем и морем на Констанцу. Последний порт будет нам предоставлен румынами.

Вам, вероятно, уже известно, что командующий Черноморским флотом признал объявление Черного моря «военной зоной» для нас менее выгодным, чем существующее положение, и что поэтому решено последнее сохранить. Наши легкие суда не имеют возможности отводить в отечественные порты плавающие под румынским флагом корабли, как надлежало бы в случае объявления Черного моря «военной зоной». Ныне же они эти суда, в случае надобности, топят, что не вызывает возражений со стороны румын. Большая часть потопленных нами таким образом судов лишь фиктивно румынские.

Согласно вашему желанию я просил генерала Алексеева выяснить мне свою точку зрения на турецкий фронт. Он подтвердил мне то,

---

легкие суда в Нижний Дунай, чтобы обеспечить от австрийских мониторов тыл добруджской армии. Со своей стороны, румыны предоставят нашему флоту базироваться в Констанце. Силы румынской армии полковник Татаринов определяет в 80 полков, из которых 60 составляют 5 корпусов. Производство снарядов в стране определяется в 5 000 в месяц. Румыны уверяют, что, когда получат выписанные станки, производство достигнет 10 000 в месяц. Запасов снаряжения у румын на четыре месяца войны. Поэтому необходимо, чтобы французы, изготовляющие для румын снаряды, своевременно через Россию доставили необходимое пополнение. До сих пор союзники мало об этом заботились, и было бы желательно, чтобы с этой стороны у румын не было отговорок. Полковник Татаринов считает необходимым не проявлять по отношению к румынам ни чрезмерной предупредительности, ни, тем более, заискивания, но при непременном условии, чтобы наши союзники в лице их дипломатических и военных представителей в Бухаресте усвоили себе ту же тактику. Между тем они только затрудняют дело нашего соглашения с румынами, поддерживая требовательность последних. Французский военный агент Пишон даже говорил румынам, что они должны требовать от нас взятия Софии. Что касается мысли генерала Алексеева не выдавать румынам на руки до их выступления предметов снаряжения, то он не может с этим согласиться. В частности Татаринов будет настаивать на том, чтобы румынам полностью отпущено было обещанное им количество лошадей. При отъезде на новую должность в Бухарест Татаринову поручено было обещать румынам 8 000 лошадей. 6 000 уже вывезено в Румынию. Осталось две тысячи. Мы теперь отказываемся уступить румынам, ссылаясь на потребности нашего сельского хозяйства. Отказ этот полковник Татаринов считает весьма неудобным: он ослабит его личный авторитет и скомпрометирует перед румынами веру в наше слово».

что вы слышали от Татаринова, но с некоторыми оговорками. Плохие сообщения мешают нам продвигаться теперь далее вперед. Нет возможности питать большую армию на турецкой территории, прилегающей к нашей границе. Местные средства в этой области до крайности истощены. Наша железная дорога теперь доходит лишь до Саракамыша. Железнодорожные войска проводят ныне узкоколейную дорогу до Кеприкея, на полпути от Саракамыша до Эрзерума. Для этого пользуются рельсами Архангельской узкоколейной линии. На кавказском фронте сильно ощущается недостаток легких железных дорог. Слабость средств питания армии заставила нас большую часть ее отвести теперь на русскую территорию, конечно, временно только, пока не будут налажены сообщения. Против турок действуют лишь небольшие силы. Одновременно с улучшением сообщений на кавказский фронт подвозятся подкрепления. У Трапезунда высажено 18 000 человек, взятых из России. В Закавказье направляется теперь еще около корпуса. Больше сил теперь дать туда Алексеев не имеет возможности. «Не надо забывать, что, как ни важны успехи на азиатском театре, он все же остается второстепенным фронтом». Большой опасности со стороны турецкого фронта начальник штаба пока не предусматривает. До июня турки, по его словам, не могут предпринять там серьезных действий. С середины лета им будет легче, так как с урожаем появятся местные средства питания их армии. Благоразумие требовало бы, чтобы турки сосредоточили бы свои силы в районе, примерно, Сиваса, а не действовали, как до сих пор, по мере получения подкреплений, что дает нам возможность бить их по частям. Но, конечно, нельзя думать, что они будут продолжать такую неразумную стратегию. Сил у турок не мало: всего 54 дивизии. Впрочем дивизии эти насчитывают не более 9 000 штыков. На кавказском фронте, вместе с посланными туда недавно подкреплениями, около 20 дивизий. 9 дивизий прикреплены к болгарской границе, по соглашению с болгарами. На случай возможной высадки со стороны Эгейского моря и даже с нашей стороны туркам приходится держать войска у проливов. Смирна и Аден притягивают некоторые силы. Армия Джемаля [1]) уже значительно ослаблена подкреплениями, посланными на наш фронт. У Багдада против англичан стоят 5 дивизий. Действительно, туркам очень трудно выделить против нас очень большие силы, продолжая одновременно защищать все угрожаемые пункты. Помимо трудностей питания армии нам опасно значительно продвигаться на запад, имея на правом нашем фланге пять турецких дивизий, стоящих у Багдада. Резюмируя изложенное, можно быть уверенным, что в скором времени не может быть неблагоприятного для нас изменения положения на турецком фронте, что ранее июня там решительных событий быть не может, что мы туда посылаем к этому времени, что можно, и что даль-

[1]) Джемаль-паша — командующий турецкими войсками египетского и сирийского фронта.

нейшее продвижение вперед без поддержки союзников для нас в Малой Азии весьма затруднительно [1]).

Что касается польского вопроса, то генерал Алексеев вполне сочувствует мысли устроить в ставке совещание при участии вашем и председателя Совета Министров [2]). Инициативу этого дела лучше оставить в его руках. Ему весьма желательно было бы ознакомиться с вашими предположениями, дабы он мог своевременно, как он выразился по свойственной ему скромности, — «разобраться в мало знакомой ему области» и сообщить вам свои замечания. Я предупредил генерала, что ваши предположения не идут так далеко, как его пожелания. Я определенно настоял на том, чтобы, ознакомившись с вашими предположениями, он не пользовался их подробностями в своих разговорах.

В заключение позволяю себе привести вам новый пример ширины взглядов генерала Алексеева. Он доверительно поведал мне, что испросил и получил соизволение государя на объявление всех военнопленных славян свободными на честное слово. Они будут продолжать у нас работать, но в качестве не пленных, а свободных людей. Подробности осуществления этой меры ныне разрабатываются.

Н. Базили.

Письмо Базили 10 мая (28 апреля) 1916 г.

Ставка. 28 апреля 1916 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Прибывшие вчера в ставку французские министры Вивиани и Альбер Тома совещались с начальником штаба и великим князем Сергеем Михайловичем [3]). Переговоры коснулись двух вопросов: посылки русских войск во Францию и доставления нам из Франции артиллерии и предметов снабжения ее. По первому вопросу г-н Вивиани и г-н Тома высказали в самой настойчивой форме просьбу о при-

---

[1]) На-ряду с успехами русских войск в Персии и Малой Азии английские операции на малоазиатском фронте складывались крайне неудачно. К лету 1916 г. англичане стремятся исправить положение путем оборудования тыла в районе Персидского залива и в Египте и организации базы для нового наступления. В то же время они обеспечивают себя от чрезмерно развернувшихся русских успехов в месопотамском направлении дипломатическим путем — выработкой соглашения «Сайке-Пико» о разделе Азиатской Турции на сферы влияния. (См. «Раздел Азиатской Турции», изд. НКИД, стр. 152—188.)

[2]) Проведение дела через Совет Министров представляется ему вполне безнадежным. «В нашем правительстве так мало людей, которые понимают, что пропасть отделяет то, что было до войны, от будущего». [*Примечание подлинника.*]

[3]) Вел. кн. Сергей Михайлович — полевой генерал-инспектор при штабе верховного главнокомандующего.

сылке во Францию ряда русских бригад по возможности в определенные сроки. Они указывали на все растущее истощение людского запаса во Франции, тем более чувствительное, что около миллиона человек занято на заводах, снабжающих французскую и союзные армии. Они настаивали на том, что если недостаток снабжения не позволяет нам использовать у нас все свободные силы, то, ради общего дела, мы должны из числа людского персонала, который мы не можем вооружить, уделить возможное количество людей для использования на другом фронте. Генерал Алексеев счел возможным удовлетворить французов и согласиться на отправление в помощь союзникам еще нескольких бригад, общее число коих до конца года должно достигнуть семи, включая и отправляемую в Салоники. Считая, что в каждую такую бригаду входит не более 10 000 человек, получится, сравнительно, не очень большая цифра в 70 000 человек. По словам генерала Беляева требования гг. Вивиани и Тома являются, таким образом, гораздо более скромными, чем пожелания г-на Думера. В отношении артиллерийского снабжения французы, ссылаясь на невозможность еще более увеличить производительность своей промышленности и на громадные потребности западного фронта, не сочли возможным оказать нам ожидаемое от них содействие. Как вам известно, главной нашей потребностью является крупная артиллерия. В этой области французы ограничились обязательством доставить нам уже ранее обещанные 24 крупных орудия. Альбер Тома и сопровождающие его специалисты вынесли из ознакомления с деятельностью наших заводов определенное впечатление, что при наличных производительных средствах мы могли бы у себя еще в очень высокой степени усилить производство артиллерии и снарядов. Их весьма неприятно поразило отсутствие единства в руководстве делом снабжения. По многим вопросам они не могли получить ни от кого ответа: одни лица говорили им, что данное дело касается других, последние отсылали их к первым и т. д.; по некоторым вопросам пришлось сознаться, что они требуют разных справок и что сведения будут посланы во Францию через генерала Жилинского. Полная неудовлетворительность существующего порядка в деле снабжения определенно сознается, впрочем, всеми: мне в резкой форме говорил об этом великий князь Сергей Михайлович, то же повторил генерал Беляев. Они противополагают нашей нерешительности и неорганизованности постоянные указания Тома на то, что тот или иной сложный вопрос разрешен его единоличным велением: со слов «J'ai ordonné» [1]) неизменно начинались его объяснения на задаваемые вопросы [2]).

Н. Базили.

---

[1]) «Я приказал».

[2]) Альбер Тома и Вивиани прибыли в ставку 27 апреля. О тех беседах, которые они вели в ставке, а также в Петрограде, см. М. Палеолог «Царская Россия накануне революции», стр. 115—130. См. также «Красный Архив», т. XV, стр. 71.

Отношение директора дипломатической канцелярии при штабе верх. главнокомандующего на имя министра ин. дел 14 (1) мая 1916 г. № 1222.

Секретно.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Имею честь представить у сего вашему высокопревосходительству копию заключенного начальником штаба верховного главнокомандующего и представителями правительства Французской республики, гг. Рене Вивиани и Альбер Тома, соглашения о посылке русских войск во Францию.

Н. Базили.

Копия [1]).

11 мая 1916 года в ставке верховного главнокомандующего русской армии состоялось соглашение между начальником штаба верховного главнокомандующего и представителями Французской республики, гг. Рене Вивиани и Альбером Тома, по нижеизложенному, касательно отправки русских войск из России во Францию.

Кроме одной бригады, которая уже прибыла во Францию, и другой бригады, которая должна быть отправлена в Салоники, Россия соглашается послать во Францию еще пять бригад на следующих условиях:

1-я бригада, состоящая приблизительно из двух тысяч человек, выедет 1(14) августа 1916 г. из Архангельска; 2-я бригада выедет 1(14) сентября 1916 г. из того же порта (в таком же составе); 3-я бригада выедет 1(14) октября 1916 г. из того же порта (в таком же составе); 4-я бригада выедет 1(14) ноября 1916 г. из того же порта (в таком же составе); 5-я бригада выедет 1(14) декабря 1916 г. из того же порта (в таком же составе).

Кроме того последовало соглашение, что эти бригады получат подкрепление в количестве 10 000 солдат. Французское правительство соглашается принять на себя погрузку и расходы по перевозке, вооружению и содержанию этих воинских частей. Оно пошлет предметы вооружения (ружья и пулеметы) в Россию, а равно и боевые запасы в достаточном количестве, чтобы войска могли упражняться в военных приемах. Насколько будет возможно, эти предметы военного снаряжения и боевые запасы прибудут в Россию двумя месяцами ранее отъезда войск.

Рене Вивиани.
Альбер Тома.
Генерал Алексеев.

28 апреля (11 мая) 1916 г. Могилев.

С подлинным верно: секретарь дипломатической канцелярии верховного главнокомандующего *С. Валуев.*

[1]) Перевод с французского текста, приложенный в копии к отношению.

Письмо Базили 27 (14) мая 1916 г.

Ставка. 14 мая 1916 г.

Многоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

По приезде сюда исполнил ваши поручения как по польскому вопросу, так и касательно итальянских просьб в связи с событиями на трентинском фронте [1]). Генерал Алексеев сказал мне, что одержанный австрийцами на итальянском фронте крупный успех есть результат непредусмотрительности итальянского командования. Осведомившись о сосредоточении австрийцев на трентинском фронте, генерал Бруссати принял ее [2]) за демонстрацию. Все, чего можно теперь требовать от итальянцев, это восстановление прежнего равновесия; ко времени же общего наступления услуг от них ожидать нельзя.

О скорейшем переходе нашем в наступление пока, насколько мне известно, речи нет. По поводу событий на итальянском фронте происходит усиленный обмен мнений между генералами Алексеевым, Кадорна и Жоффром. Ввиду этого генерал Алексеев не видит надобности вмешивать в это дело дипломатических представителей. Начальник штаба не скрыл от меня своего раздражения по адресу генерала Ромео. Последний, повидимому, весьма впечатлительный, в неприлично настойчивой форме требовал от генерала Алексеева из Петрограда по телеграфу немедленного перехода нашего в наступление. По мнению генерала Алексеева, итальянцы располагают более чем достаточным количеством войск, чтобы справиться с положением, но качество этих войск настолько слабое, что уверенности в благоприятном исходе борьбы быть не может.

Как я вам докладывал, соединения наших войск с английскими в Месопотамии в скором будущем ожидать нельзя. Напротив того, турки сосредоточивают против нашего касриширинского отряда отно-

---

[1]) Еще секр. телеграммой из Рима от 10/V 1916 г. за № 372 Гирс сообщал о начавшемся упорном натиске австрийцев на итальянский фронт. «Соннино выразил опасение, — значилось в указанной телеграмме, — что часть австрийских войск будет перевезена из Галиции на итальянский фронт. Он спросил, известно ли мне, когда начнется наше наступление». В телеграмме Гирса от того же числа за № 384 сообщалось, что австрийцы прорвали главную линию обороны и что положение на Трентино серьезно. Того же 10 мая итальянский посол в Петрограде сообщает барону Шиллингу, что, в связи с тяжелым положением итальянской армии, ему «предписывается просить помощи со стороны России» («Поденная запись» м-ва ин. дел. от 10/V 1916 года. Архив Рев. и Вн. Политики). Телеграммой от 12/V 1916 г. за № 387 Гирс сообщал, что, в связи с критическим положением, создавшимся на Трентино, королем послана личная телеграмма Николаю II. Того же 12 мая итальянский посол посетил Штюрмера и Сазонова, коим «передал настоятельное ходатайство итальянского правительства о помощи итальянской армии путем ускорения нашего наступления». Уезжавшему в этот день в ставку Н. А. Базили было поручено передать ходатайство итальянского правительства генерал-адъютанту Алексееву. («Поденная запись» мин-ва ин. дел от 12/V 1916 г. Архив Рев. и Вн. Пол.)

[2]) Так в подлиннике.

сительно значительные силы. Предприняв движение в сторону Месопотамии по просьбе англичан и для облегчения их положения у Багдада, генерал Алексеев должен теперь считаться с турецкими силами, выставленными против нас у Ханекина. Операции в этом районе, в 900 верстах от нашей базы, при весьма трудных сообщениях, связаны с известным риском — при наличии против нас более значительных турецких сил. Ввиду этого генерал Алексеев недоволен тем, что не может получить от англичан точного и определенного ответа о задачах армии генерала Лекка.

Наделавшее столько шуму известие о состоявшемся якобы соединении наших войск с английскими сводится к тому, что 120 казаков под командой эсаула Гамалея, пройдя 200 верст по безлюдной местности с невероятным трудом и разными лишениями, пришли из Персии в армию генерала Лекка. Кроме морального значения подвиг этот никакого влияния на события не имеет.

Н. Базили.

Письмо Базили 27 (14) мая 1916 г.

Л и ч н о е.

Ставка. 14 мая 1916 г.

Дорогой друг [1]).

С интересом прочел записку кн. Гагарина [2]). По поводу ее должен высказать следующее:

Опасности выступления Румынии против нас отрицать вообще нельзя. Никогда нельзя было сомневаться, что румыны выступят, когда станет ясным, на чьей стороне будет победа, и что они примкнут к более сильным. Есть серьезные основания думать, что вопрос этот разъяснится в течение летних месяцев [3]). Ранее выяснения этого вопроса румыны могут быть выведены из нейтралитета лишь под влиянием угрозы и одновременного предоставления им достаточной военной поддержки против другой воюющей стороны. Австро-германцы, как мне еще на-днях подтвердил генерал Алексеев, не располагают достаточным количеством войск, чтобы сосредоточить значительную армию на румынской границе. Но зато почти вся болгарская армия теперь освободилась. Нельзя быть уверенным, что противникам нашим не удастся побудить румын выступить против нас при поддержке болгар, но нужно признать это пока мало вероятным. Не говоря об укоренившемся недоверии румын к болгарам, последним придется, во всяком случае, прежде всего думать о салоникском фронте. Конечно, нужно весьма внимательно следить за всем, что происходит в Румынии, и необходимо не упускать из виду возможной опасности с этой стороны, но все зависит от того, что произойдет на главном театре войны. В записке указывается, что мы теперь должны были бы выделить 300 000-ую

[1]) Адресат не обозначен.

[2]) Кн. С. А. Гагарин — секретарь II полит. отдела мин. ин. дел.

[3]) Слова: «в течение летних месяцев» в подлиннике подчеркнуты карандашом.

армию для привлечения Румынии на нашу сторону. Отвлечь даже меньшие силы с нашего фронта в настоящую минуту верховная команда не может. В противность мнению, высказанному в записке, нейтралитет Румынии для нас выгоднее, чем ее выступление при нынешних условиях [1]) на нашей стороне. Взгляд на карту достаточен, чтобы убедиться, насколько румынская граница неудобна для обороны со стороны наших противников: связанное с этим выступлением удлинение нашего фронта не пропорционально увеличению сил наших присоединением к ним румынской армии. Подчеркиваю, что нейтралитет Румынии выгоднее для нас, чем выступление ее в тех условиях, которые Румыния теперь ставит [2]). Иное дело при изменившейся обстановке.

В записке говорится о компенсациях Румынии за наш счет в случае ее выступления на нашей стороне. Как я, может быть, имел случай тебе говорить, я в этом вопросе держусь особого мнения. Но если об этом можно было говорить в самом начале войны, то теперь этим уже, во всяком случае, ничего достигнуть нельзя. Дело теперь не в обещаниях, а в реальной силе.

Искренно твой *Н. Базили.*

Письмо Базили 1 июня (19 мая) 1916 г.

Ставка. 19 мая 1916 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Из переданной вам вчера телеграммы государя императора королю итальянскому [3]) вы изволили осведомиться о том, что 22 мая (4 июня) решено начать наступательные действия на австрийском фронте, дабы этим облегчить положение итальянцев. Первые дни операций

---

[1]) Слова: «при нынешних условиях» подчеркнуты карандашом, и сбоку сделана приписка карандашом: «Нужно считаться прежде всего не с тем, что выгоднее, а с тем, что более в нашей власти»; в приписке слово «не» подчеркнуто.

[2]) Слова: «условиях, которые Румыния теперь ставит» — подчеркнуты карандашом; на полях против подчеркнутого места — приписка карандашом: «Сосредоточением наших войск мы создадим обстановку, в коей мы будем ставить условия румынам, а не они нам». Приписка подписана буквами: «С. Г.». Непосредственно за этой припиской следует другая след. содержания: «В записке имелось в виду, что цель может быть достигнута реальной угрозой с одновременными обещаниями, но, конечно, отнюдь не одними обещаниями»; слова: «не одними обещаниями» подчеркнуты. Под припиской та же подпись «С. Г.», что и выше.

[3]) Телеграмма Николая II Виктору-Эммануилу (на франц. языке) гласила: «Очень прошу тебя извинить меня за мой запоздалый ответ. Отсутствовал в течение десяти дней в связи с смотрами на юге. Вернулся сегодня утром. Из рапорта, сделанного начальником моего штаба, явствует, что 4 июня по новому стилю моя армия сможет начать наступление против австрийцев. Эта дата немного предупреждает срок, назначенный военным советом союзников для общего наступления на всех фронтах. Я решил сделать эту самостоятельную попытку, чтобы прийти на помощь храбрым итальянским войскам и из внимания к твоей просьбе. От всего сердца желаю тебе полного успеха в предстоящем наступлении твоих бесстрашных войск и прошу верить в мою неизменную дружбу. *Николай*».

протекут в артиллерийской подготовке. Операции эти ограничатся австрийским фронтом. Наступление же на германском фронте, повидимому, с этими операциями непосредственно не связано и должно состояться, согласно общему плану, лишь около 15 июня нашего стиля.

Положение на итальянском фронте продолжает оставаться очень серьезным. При надлежащем усилии итальянцы, однако, должны с ним справиться. Как я имел честь вам докладывать, главная опасность австрийского продвижения состоит в том, что оно грозит в случае дальнейших успехов австрийской армии отрезать отступление итальянским силам, расположенным в Изонцо. Вчера генерал Алексеев читал мне телеграмму Энкеля [1]), согласно которой можно опасаться, что итальянцы, под влиянием этой угрозы, даже без достаточных к тому оснований могут отвести армию с Изонцо. Это было бы громадный успех для австрийцев. Все же об опасности катастрофы на итальянском фронте генерал Алексеев не думает. У австрийцев теперь на итальянском фронте не более 600 000 человек против 1 200 000 итальянцев.

Как вам известно, союзники наши предполагают выступить позже нас. Здесь признается желательным, чтобы начало нашего наступления на германском фронте отстояло во времени от начала наступления наших союзников не более, чем на 8—10 дней. Подготовка нашего наступления, повидимому, более или менее закончена. На западном же фронте существует стремление оттянуть выступление. Французы упрекают в этом англичан, а англичане французов. Французы уверяют, что английская армия могла бы наступать и что англичане думают только о себе, желая еще усовершенствовать свою армию. Лагиш особенно это подчеркивает, говоря, что ни одна армия никогда не бывает идеально готовой и что дальнейшие отсрочки могут совершенно расстроить общий план. Англичане, наоборот, упрекают французов в неискренности и обвиняют их в том, что они сами не хотят наступать раньше, чем не пополнят убыль снарядов, причиненную им верденскими операциями. В этом, несомненно, есть доля истины, и об этом говорил Тома. Существо дела, повидимому, заключается в том, что на нашем фронте нельзя сильно оттягивать наступление, так как, по условиям нашего фронта, если немцы нас опередят в наступлении, то нам трудно и даже невозможно будет самим перейти в наступление, а на западном фронте местные условия дают возможность союзникам перейти в наступление, даже если немцы со своей стороны будут вести наступательные операции, чему доказательством служит верденская операция.

Покорнейше прошу вас уведомить меня, когда вы предполагаете прибыть сюда. Я слышал, что на-днях в ставку должен приехать председатель Совета Министров.

Н. Базили.

---

[1]) Полк. Энкель — русский военный агент в Италии.

Письмо Базили 18 (5) июня 1916 г.

Ставка. 5 июня 1916 г.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Только что телеграфировал вам о занятии нами Черновцев [1]). На южном фронте положение продолжает быть вполне благоприятным. Местами, однако, наше наступление задержалось, а в районе Бучача развивается контр-удар германцев. В штабе это не вызывает беспокойства. Как я уже имел случай вам докладывать, важнейшие операции предусматриваются на западном фронте, и оттяжка германских войск в южном направлении является одной из целей наступления армий генерала Брусилова. Цель эта, повидимому, достигается. Начало наступления на западном фронте попрежнему предусматривается в середине июня. Восстановление железнодорожных путей во вновь занятых местностях идет успешно. В трех направлениях восстановлено всего около ста верст.

Генерал Алексеев теперь чрезвычайно занят оперативными вопросами. Он просил всех начальников частей не беспокоить его, кроме как по делам чрезвычайной важности или спешности.

Государь император не уедет отсюда ранее 20 июня. Возможно, что он отсюда поедет на фронт и затем вновь сюда вернется; возможно также, что поедет в Царское.

Н. Базили.

Письмо Базили 20 (7) июня 1916 г.

Ставка. 7 июня 1916 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

По поводу телеграммы посланника в Бухаресте от 1(14) июня с. г. за № 350 [2]) начальник штаба высказал мне нижеследующее. Содержащиеся в этой телеграмме сведения неосновательны, как и все, что до сих пор шло из румынских источников. Перевозка австрийских и германских войск из Малой Азии не может иметь значения, так как там этих войск было мало. Ради этого не стоило закрывать румыно-болгарской границы. Сведение, будто из Салоник увозится часть фран-

---

[1]) См. телеграмму Базили м-ру ин. дел от 5/VI 1916 г. за № 729 («Архив Рев. и Внешней Политики»).

[2]) В секр. телеграмме Поклевского от 1(14)/VI 1916 г. за № 350 со слов Братиано передавалось о происходящей якобы спешной перевозке австрийских и германских войск из Малой Азии и с границы Добруджи в Австрию, о концентрации значительных германских резервов за линией австрийского фронта, а также о предполагаемом уводе части французских и английских войск из Салоник.

цузских и английских войск, тоже неверно. Обнаружение же на нашем южном фронте переброшенного из Франции 10 германского корпуса указывает, что за нашим австрийским фронтом не могло быть никаких резервов. Что же касается до приписываемого Германии намерения воспрепятствовать нашему продвижению в Буковине, то оно не может выразиться в виде посылки туда германских войск, так как таковые немцам неоткуда взять. Австрийцы же могут послать туда лишь свои войска с итальянского фронта, и это весьма вероятно. К этому генерал Алексеев считает нужным быть готовым.

К вышеизложенному считаю долгом прибавить нижеследующие доверительные данные о распределении австро-германских сил по фронтам к 1 июня ст. ст.

	Германск. дивиз.	Австр. дивиз.	Всего.
На французском фронте	124	—	124
На нашем	47	40	87
На итальянском	—	30	30
На балканском	2	5	7
Всего	173	75	248

На нашем фронте надо еще принять в расчет действующие в первой линии германские ландштурменные формирования (около трех дивизий).

Вышеприведенные данные относятся ко времени, предшествующему передвижению неприятельских войск в связи с нашими последними наступательными операциями. Как уже указано, пока удостоверена лишь переброска на наш фронт одного (10) германского корпуса, и есть веские основания предполагать перевозку австрийских частей с итальянского фронта.

Н. Базили.

Письмо Базили 25 (12) июня 1916 г.

Ставка. 12 июня 1916 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Одержанные нами на южном фронте успехи дают основание надеяться на занятие нами вновь Львова и большей части Галиции. В случае благоприятного развития событий такого занятия можно ожидать, по словам начальника штаба, примерно через два месяца. Ввиду этого представляется необходимым ныне же заняться вопросом о будущем управлении Галицией.

Выработанный особой комиссией под председательством графа Бобринского в Киеве проект нового положения об управлении краем был пересмотрен в штабе главнокомандующего южным фронтом и подвергся некоторым изменениям. Текст переработанного положения будет

мною на-днях доставлен в министерство. Мне представляется он в некоторых частях неудовлетворительным. Прежде всего, и притом в возможно скором времени, начальник штаба считает нужным решить вопрос о выборе нового генерал-губернатора Галиции. Разрешение этого вопроса генерал Алексеев считает тем более спешным, что выбор второстепенного административного персонала должен, по его мнению, быть поручен будущему генерал-губернатору, а подыскание подходящих администраторов, при нашей бедности в людях, окажется весьма не легким. Как вы изволите усмотреть из прилагаемой в копии телеграммы [1]), графа Бобринского не признается возможным оставить в прежней роли. Не имея пока никого в виду для замещения должности генерал-губернатора Галиции, начальник штаба запросил по этому предмету мнение генерала Брусилова. Если бы с вашей стороны вы пожелали высказаться по этому вопросу, то полагаю, что это надлежало бы сделать без отлагательства. Пока я просил начальника штаба держать меня в курсе принимаемых в отношении Галиции главнейших мероприятий.

Генерал-губернатором Галиции, несомненно, будет выбрано лицо военное ввиду присвоения этому лицу определенной власти над войсками и включения его в общую систему военного управления. Помимо сего в настоящее время здесь существует склонность ограничивать применение гражданских чинов на театре военных действий. Последним приписывается внесение элемента «политики» в галицийских делах. Правильнее было бы искать причин этого явления в лицах духовного звания, и в частности в лице Евлогия. Как бы то ни было, генералу Алексееву приходится считаться с этой тенденцией. Начальником гражданской канцелярии при штабе совместно со мной, тем не менее, возбужден вопрос о придании военному генерал-губернатору Галиции гражданского помощника. Генерал-адъютант Алексеев весьма сочувственно отнесся к этой мысли. Дабы избегнуть неудачного выбора, надлежало бы возможно скорее выставить на эту должность подходящую кандидатуру.

Начальник штаба вполне определенно сознает все ошибки, сделанные во время первого нашего занятия Галиции. На мое замечание, что во время военного занятия немыслимо заниматься переустройством местной жизни, он меня с силою уверил, что никакого реформаторства и никакой «политики» им в Галиции не будет допущено. Начальник

---

[1]) Телеграмма за подписью ген. Алексеева была сообщена по прямому проводу 10/VI 1916 г. В ней сообщалось следующее: «Государь император, в случае вторичного занятия части Галиции, не считает возможным назначить генерал-губернатором генерала графа Бобринского, имея в виду необходимость лица твердого характера, не склонного поддаваться постороннему влиянию. Общие основания письма вашего 1917 одобрены. Если вы имеете в виду лицо, подходящее для управления краем, могущее разобраться в обстановке, сообщите 7514 Граканц». В 1915 г. гр. Г. А. Бобринский занимал должность временного генерал-губернатора оккупированной русскими войсками Галиции.

штаба вместе с тем придает величайшее значение выбору подходящих второстепенных администраторов для занятых территорий. Ограничиться в этом отношении формальным обращением к министру внутренних дел он не считает возможным. Подыскание подходящих лиц должно быть, по его мнению, возложено на будущего генерал-губернатора. Я позволил себе заметить, что полезные указания могли бы быть, может быть, получены путем обращения к губернским предводителям дворянства. В частности я обратил внимание начальника штаба на полезную деятельность бывшего черновицкого губернатора Евреинова и его сотрудника Ю. Геровского [1]).

Если бы вы меня на то уполномочили и преподали бы мне надлежащие указания, я мог бы совместно с начальником гражданской канцелярии при штабе выработать проект тех основных начал, которые могли бы быть предложены для руководства будущему генерал-губернатору Галиции.

Н. Базили.

(*Продолжение следует.*)

---

[1]) В своей телеграмме от 14/VI 1916 г. за № 2770 на имя директора дипканцелярии Сазонов писал, что лицом, наиболее подходящим для занятия должности ген.-губернатора Галиции, он считает ст.-секретаря Кривошеина, но, что, если будет признано необходимым назначение на эту должность непременно военного, то помощником ему по гражданской части целесообразно было бы назначить б. черновицкого, ныне ярославского губернатора Евреинова. Телеграммой от 15/VI 1916 г. за № 756 Базили уведомлял Сазонова, что кандидатура гражданского лица на указанный пост исключена, и телеграммой от 17/VI 1916 г. за № 758 — о том, что последовало назначение ген.-ад. Ф. Ф. Трепова.

Московская Городская Дума после Октября.

Окончание [1]).

Журнал Московской Городской Думы.

Журнал Московской Городской Думы. Чрезвычайное собрание 15 ноября. № 47 [2]).

Собрание открыто [в] 12 час. 37 мин. дня в здании городского народного университета имени А. Л. Шанявского под председательством председателя Городской Думы О. С. Минора, в присутствии поименованных в приложенном списке [3]) гласных, городского головы В. В. Руднева, товарищей городского головы П. А. Бурышкина, И. Н. Коварского и Г. В. Филатьева и членов городской управы из числа не состоящих гласными.

В собрании приняли также участие, в порядке ст. 69 городского положения, представители следующих общественных, профессиональных и политических организаций:... [4]).

В собрании происходило следующее.

1. Председатель заявил, что ему передан от Военно-Революционного Комитета при Московском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов [приказ] от 14 ноября за № 236 на имя некоего Брыкова, коим означенному гражданину поручается принять все меры для недопущения назначенного [5]) в здании народного университета имени А. Л. Шанявского собрания Московской Городской Думы.

Слово было предоставлено гл. Ф. А. Данилову, который заявил, что гласные Московской Городской Думы собрались для осуществления своих обязанностей по воле всего московского населения и могут уйти только тогда, когда московское население [6]) заявит, что оно отстраняет его от врученного им дела, или тогда, когда они фактически лишены будут возможности вести свои занятия.

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXVII, стр. 58—109. Текст публикуемых материалов подготовил к печати и снабдил примечаниями И. Тоболин.

[2]) Подлинник написан чернилами.

[3]) Списка в деле нет.

[4]) Пропуск в подлиннике.

[5]) Зачеркнуто: «на 15 ноября».

[6]) Зачеркнуто: «отст.».

В этот момент в зале собрания появился удаленный председателем в момент открытия собрания гражданин Брыков, одетый в форму русского солдата, и направился к месту председателя.

Поднявшись на трибуну, гражданин Брыков сделал попытку обратиться к собранию, но был прерван возгласами негодования и шумом со скамей гласных и с мест, занятых публикой. С разных сторон раздались голоса: «вон», «негодяй», «мерзавец», «уйдите», «немецкие шпионы», «царские палачи», «опричники», «позор».

Заявив председателю, что он прибегнет для разгона собрания к вооруженной силе, Брыков покинул зал собрания под [1]) возгласы негодования [2]) всех присутствовавших в собрании.

Председатель после этого обратился к собранию с [3]) указанием, что в связи с [4]) имевшей место попыткой насилия возникает вопрос о переходе в другое помещение для открытия дальнейших занятий [5]). Поставленный председателем вопрос был единогласно отвергнут собранием.

Слово было предоставлено городскому голове, который предложил обратиться к обсуждению вопроса о политическом положении и [5]) о выходах, которые можно было бы наметить в создавшемся тяжелом положении для страны, а также к обсуждению тесно связанного с [6]) ним вопроса о ближайшей деятельности московского городского управления, нарушаемой незаконными актами организации, называющей себя Военно-Революционным Комитетом.

Перед окончанием доклада городского головы в зале собрания появился гражданин Брыков в сопутствии группы вооруженных винтовками и штыками людей, одетых в форму русских солдат. Гражданин Брыков обратился к председателю с требованием о закрытии собрания, предупредив, что, в случае отказа, он прибегнет к воздействию вооруженной силой.

Требование гражданина Брыкова [7]) встретило единодушное негодование всех присутствовавших в собрании, выразившееся в шумных возгласах со всех мест.

Гласный В. Ф. Сахаров, испросив слово у председателя, обратился к собранию с предложением выслушать и принять проект приговора по рассматриваемым вопросам, предлагаемый фракцией социалистов-революционеров.

---

[1]) Зачеркнуто: «крики», надписано: «возгласы».

[2]) «Всех присутствовавших в собрании» — над строкой. Зачеркнуто: «публики и гласных».

[3]) Зачеркнуто: «вопросом о целесообразности переме».

[4]) Зачеркнуто: «происшедшим», над строкой: «имевшей место попыткой насилия».

[5]) Зачеркнута одна буква.

[6]) Зачеркнуто: «ним вопроса этим основным».

[7]) Зачеркнуто: «было встречено», над строкой: «встретило».

После того как гласный В. Ф. Сахаров [1]) приступил к оглашению проекта приговора [2]), начатое им чтение было прервано обращением [3]) Брыкова к председателю с требованием недопущения речи говорящего.

Пресекая [4]) возгласы негодования, вызванные [5]) словами Брыкова, гласный С а х а р о в обратился к собранию с следующим заявлением:

«Прошу меня не перебивать! Если отдельным лицам угодно будет [6]) перебить меня, пусть они сделают это. Я прошу всех присутствующих выслушать следующий проект резолюции Московской Городской Думы». После этого гл.[асный] В. Ф. С а х а р о в [7]), игнорируя дальнейшие замечания Б р ы к о в а, огласил следующий [8]) проект приговора [9]):

«Московская Городская Дума, заслушав в заседании 15 ноября 1917 г., совместно с представителями московских общественно-демократических организаций, сообщение о пагубной для родины деятельности лиц, именующих себя народными комиссарами, постановила:

Преступное восстание большевиков против Временного Правительства Российской республики, поддержанное значительной частью малосознательных трудящихся слоев населения, исстрадавшихся от продолжительной войны и тяжкой внутренней разрухи, обманутых несбыточными лозунгами об осуществлении социализма в условиях буржуазно-капиталистического строя, причинило государству и народу русскому неисчислимые бедствия.

Развал хозяйственной жизни в тылу доведен до крайних пределов. Армия на фронте голодает. Захватом золотого запаса приведены на край гибели промышленность и торговля, парализован капитал, разрушены все основы народного хозяйства, и страна обречена на нищету, безработицу и голод, без осуществления каких бы то ни было элементов обещанного массам социалистического строя. Власть дезорганизована; безначалие и анархия воцарились в стране. Уничтожены гражданские свободы, и политический террор насильников вернул нас к худшим временам самодержавия.

Московская Городская Дума обращается ко всему населению Москвы и ко всей стране с горячим призывом:

Во имя спасения родины и лучших идеалов человечества сплотитесь, граждане, вокруг Учредительного Собрания, которое должно

---

[1]) Зачеркнуто: «начал оглашать»; «обратился к со»; над строкой: «приступил к оглашению».

[2]) Зачеркнуто: «он был прер.».

[3]) Зачеркнуто: «к предс.».

[4]) Зачеркнуто: «новые взрывы негодования».

[5]) Зачеркнуто: «новым обращением Бр.».

[6]) Зачеркнуто: «прервать».

[7]) Зачеркнуто: «огл».

[8]) Зачеркнуто: «текст».

[9]) Дальнейшая часть журнала — вырезка из газеты, которая озаглавлена: «Приговор Городской Думы».

быть созвано безотлагательно. Дума твердо верит, что, несмотря на все насилия над волей избирателей, население сумеет дать стране разумное и честное народное представительство и что властный голос Учредительного Собрания вскоре зазвучит над измученной Россией.

А до созыва Учредительного Собрания только однородная, преемственно созданная социалистическая власть, осуществляющая то, за что борются лучшие силы народа, могла бы явиться единственной силой, способной внести успокоение и порядок в стране.

Протестуя против ареста членов Временного Правительства революции, Городская Дума призывает население единодушно возвысить свой голос, с требованием немедленного освобождения министров, заключенных в Петропавловской крепости.

Московская Городская Дума клеймит изменнические попытки лиц, именующих себя народными комиссарами, направленные к разрыву с союзниками и к заключению предательского сепаратного мира с Германией. Эти позорные попытки могут иметь единственным последствием вовлечение нашей многострадальной родины, во имя интересов Германии, в новую ужасную войну с Японией, Америкой и с союзными нам державами и привести к дальнейшему распаду и унижению России.

Именем всего сознательного населения Москвы Московская Городская Дума во всеуслышание заявляет, что Россия не допускает и мысли о подобном предательстве и объявляет все действия безответственных захватчиков в этом направлении несоответствующими воле народной, незаконными и недействительными.

С твердой верою в светлое будущее великой и свободной республики Российской Московская Городская Дума обращается ко всем городам и земствам России, ко всем ее сознательным гражданам с призывом незамедлительно и единодушно поддержать настоящее заявление и принять самое активное участие в выборах Учредительного Собрания, несущего родине освобождение и прочный демократический порядок.

Московская Городская Дума убеждена, что настоящим своим заявлением она отражает мнение страны» [1]).

Оглашенный гласным В. Ф. Сахаровым проект приговора был единогласно принят.

Стенограмма заседания Московской Городской Думы 15 ноября 1917 г.

Собрание Московской Городской Думы 15 ноября 1917 года [2]).

Собрание открыто в ... час. ... м. дня под председательством О. С. Минора, в присутствии следующих гласных: ... [3]).

Сверх того, в собрании присутствовали: ...[3]).

---

[1]) Дальнейший текст написан чернилами.

[2]) Подлинник напечатан на пишущей машинке.

[3]) Пропуск в подлиннике.

В собрании происходило следующее:

Председатель. Я считаю собрание Московской Городской Думы открытым. Должен заявить следующее. Мне сейчас передан от Военно-Революционного Комитета при Московском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов от 14 ноября за № 236 приказ: «Военно-Революционный Комитет приказывает товарищу Брыкову, члену Исполнительного Комитета, принять все меры для недопущения собрания распущенной Московской Городской Думы, назначенного в университете Шанявского в 12 часов дня 14 ноября.

Член Военно-Революционного Комитета (подпись).

За секретаря (подпись)».

(Голоса на разных скамьях: «Позор!»)

Я считаю необходимым об этом объявить. Полагаю, что мы, как представители Московской Думы, свободно избранные московским населением, не считаем себя распущенными, ибо никакой соответствующей власти, могущей нас распустить, нет в настоящее время. Тем не менее под влиянием угрозы насилия предлагаю вам поступить так, как вам известно. (Голоса: Мы должны оставаться.)

Данилов Ф. А. Я не понимаю, какое влияние может оказать приказ г. Брыкову, который не состоит ни в какой нашей организации. Каким образом мы должны реагировать на приказ г. Брыкову? Пусть Брыков исполняет приказ. Мы же, гласные, собрались сюда по воле московского населения и можем уйти только тогда, когда это московское население скажет, что нам больше здесь нет дела, или тогда, когда мы фактически не будем в состоянии здесь оставаться.

Брыков (что-то говорит, но за шумом слов его не слышно. С разных скамей раздаются голоса: «Вон, негодяй, мерзавец, уйдите». Тесленко, обращаясь к председателю: «Не давайте ему слова». Шум. Голоса: «Сволочи, шпионы немецкие, мерзавцы». «Вон его, негодяя». «Долой насильников». «Царские палачи». «Опричники». «Долой, вон, позор, шпионы».).

Данилов Ф. А. Товарищи! Спокойствие. Нам надо заниматься.

Председатель. Товарищи и граждане! Я полагаю, что того, что сейчас произошло, совершенно достаточно для того, чтобы перейти в другое помещение и там открыть свои занятия.

Тесленко М. В. Меня предложение нашего председателя повергает в крайнее недоумение. Я должен прямо заявить, что я заявляю протест против этого предложения. Мы все, каждый из нас, в своей продолжительной работе, в борьбе с разными предателями и слугами самодержавия, а теперь слугами немецких шпионов, которыми являются Ленин и Троцкий, мы все в своей жизни неоднократно подвергались насилиям, но никогда не было случая, чтобы стоило только, чтобы появился какой-нибудь ничтожный человек и заявил, что он нас распускает, чтобы мы побежали в другое помещение. Эти люди — изменники и предатели. Мы должны просить председателя оставаться

спокойно на своем месте и продолжать заседание, пока не будет применена физическая сила. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно».)

Председатель. Товарищи и граждане! Нам не привыкать стать выносить на себе насилие. Если я сделал свое предложение, то, конечно, не из предположения трусости г.г. товарищей и гласных, а из предположения целесообразности. Раз товарищи находят целесообразнее ждать здесь, то я к этому только присоединяюсь.

Яхонтов В. И. Я вполне присоединяюсь к заявлению г. Тесленко, но заявляю решительный протест против употребленных здесь выражений о том, что мы имеем дело с предателями и изменниками. (Тесленко: Они — шпионы) Неуместно здесь представителю к.-д. партии выступать с такими заявлениями.

Тесленко М. В. Я заявляю, что они шпионы, потому что имеются судебные, законом установленные акты, признающие их шпионами.

Председатель. Я снимаю этот вопрос с дальнейшего обсуждения. Вопрос о том, кто шпионы или не шпионы, есть дело суда. Мы не призваны этого разбирать. Я полагаю, что мы должны закончить этот вопрос и приступить к нашим делам.

Я предлагаю ограничить время докладчика 20 минутами, и всем остальным ораторам предоставить по пять минут, причем число ораторов предлагаю ограничить по одному от фракций и от организаций.

Руднев В. В. Позвольте мне поставить на обсуждение те вопросы, которые представлялось нам в управе целесообразным вынести на обсуждение Московской Думы и приглашенных представителей от московских организаций. Прежде всего — вопрос политический: выяснение политического положения и тех выходов, которые мы могли бы отсюда, оценивая положение так, как мы его понимаем в Москве, наметить для страны. Это один вопрос общий, а затем — тесно связанный с ним, близко касающийся Московской Городской Думы и московского населения вопрос о ближайшей деятельности московского городского управления, деятельность которого, как вам только что было продемонстрировано, нарушается незаконными актами организации, называющейся Военно-Революционным Комитетом.

По поводу первого вопроса о политическом положении страны я должен сказать следующее. Для того, чтобы установить ту или иную линию поведения, исходящую из известных общих предпосылок, приходится вновь и вновь, каждый раз, может быть, с течением времени, отдавать себе отчет в смысле происшедших в конце октября и начале ноября событий, событий не только в Москве, но и во всей стране. И в этом отношении, конечно, чем дальше мы отходим от этих событий, непосредственными участниками которых мы являлись, тем, несомненно, большая получается возможность исследовать не только поверхность событий, но и основные причины этих событий. Думаю, что в этом отношении мы опять-таки не имеем еще достаточно оснований

для того, чтобы претендовать на достаточно глубокое исследование основных причин, вызвавших события конца октября в России. Несомненно, мы еще находимся в положении не историков, которые будут располагать всеми данными, а современников и активных участников этого явления. Но, во всяком случае, тех двух недель, которые прошли с этого времени, я думаю, достаточно, чтобы установить, что процесс [1]) этот, приведший к событиям конца октября во всей России, является глубоким и сложным, коренящимся не только в поверхностных заблуждениях или увлечениях, хотя бы широких масс, но имеющий и известный ряд объективных причин, коренящихся во всей сложности того положения экономического и политического, в котором находится Россия в последние месяцы со времени революции, с одной стороны, и за последние годы всемирной войны, переживаемой нами, с другой. Ни на минуту нельзя отвлечь свое внимание от того положения, что все, что мы переживаем, и, в частности, отдельные преступления отдельных организаций и лиц, в частности — те эксцессы, те покушения на народные права, — все они происходят на фоне не завершенной, не исчерпавшей еще своих основных заданий революции, революции с большими социальными заданиями. Этого момента нельзя упускать потому, что свести все к чисто поверхностным явлениям, к заговорам, предательству, подкупу, авантюризму и только слепоте, только ослепленности широких народных масс представлялось бы недостаточно осторожным. Надо отметить это положение сейчас, пытаясь отдать отчет в том пути, каким надлежит итти русской политической мысли. Мы находимся сейчас в самой средине еще незавершенной революции. Хотите или не хотите, это вопрос второй, — но это первый момент, который нужно отметить. Второй вопрос, о котором нужно упомянуть, это то положение, которое нами забывалось, и я заявляю это, как представитель социалистической партии, забывается. Этот переход к абсолютной, почти анархической свободе был проделан народом, жившим в условиях крайнего абсолютизма, в условиях отсутствия политического воспитания, даже элементарной грамотности. И третий момент, который наложил тяжкий след на все происходящее, это — та самая война, мировая война, небывалая по своим размерам и по своим последствиям для всех и для широких народных масс, которую мы переживаем. Анализируя причины того, что произошло в конце октября и начале ноября, той крестьянско-пролетарской, в кавычках, революции, также в кавычках, все то громадное движение, которое произошло две-три недели тому назад, было бы чрезвычайно опасно для соответствующих политических выводов остановиться только на чисто поверхностной оценке событий, на том бандитизме, на том безусловном предательстве и продажности и на том всем темном, что связано с этим движением и тем бессовестным авантюризмом, который увенчал весь этот сложный процесс. Когда мы говорим о захвате власти большевиками, начав-

[1]) В подлиннике: «протест».

шемся 25 октября в Петрограде, мы говорим, что имеем дело с авантюрой. Об этом долго говорить не приходится. Это, безусловно, усвоенный, мне казалось бы, всеми без различия оттенками [1]) политических партий вывод, — что мы имеем дело с кучкой авантюристов, совершенно преступных авантюристов в буквальном смысле этого слова. В этом отношении позиция, занимаемая такими органами, близкими к большевизму, как «Новая Жизнь», — решительно и определенно изменившаяся после событий, — является демонстративной. Является показательным и тот уход народных комиссаров, о котором мы упоминали в прошлом заседании Попытка захвата центральной власти двумя авантюристами, Троцким и Лениным, не может вызвать к себе иного отношения и иной оценки, как преступная авантюра Россиею пытаются править в настоящее время, разрушая то единство государственной власти и то единство народное, которое было, — два, как их уже не раз называли, самодержца, два самодержца-авантюриста. Самодержавие этих темных личностей, прошлое которых не безупречно, вскрывается с каждым днем. Все это должно быть сказано твердо и определенно, потому что по отношению к тому, что представляет эта попытка организации власти Совета Народных Комиссаров, должна быть трезвая и холодная оценка. Этой кучке частью, может быть, ненормальных людей, частью фанатиков, частью темных и преступных личностей, но, во всяком случае, кучке авантюристов, захвативших власть грубою физическою силою, не может быть доверено народное право и народное достояние. Их орудие — самая низкая демагогия. Все, что невыгодно этой кучке авантюристов, называется определенно буржуазным предрассудком; все, что выгодно, им, этой кучке авантюристов, с их преступными задачами, называется требованиями масс. На этой низкой демагогии построена вся политика этой кучки. Не надо распространяться о том, что стоят их лозунги — хлеб, мир и свобода. Свободу уже оценила Россия на целом ряде тяжких предметных уроков. Так же оценит она в ближайшем будущем их обещание хлеба. Свобода слова Лениным названа буржуазным предрассудком и сведена на-нет. Свобода собраний... Мы видели образец свободы собрания и союзов. Неприкосновенность личности началась арестом министров и продолжается целой системой политического или даже не политического, а я не знаю, как назвать, террора. Позвольте на минутку остановиться на этом первом этапе — аресте министров, как политических противников. Происходит какая-то бессовестная и даже бесстыдная квалификация. Одних министров, одних политических преступников выпускают из тюрьмы, других министров держат, потому что они — буржуазия. Думаю, что в этом отношении социалистам молчать совершенно непозволительно. (Г о л о с а: «Правильно!») Это значило бы солидаризироваться с отвратительным демагогическим разделением в системе террора лиц, стоявших вместе на одной работе, посланных на эту работу

[1]) Так в подлиннике.

тем или иным совершенным или несовершенным способом выражения воли народа, по отношению к которым допустимы методы одни — тяжелые, к буржуям, и льготы к другим — к социалистам. Протестовать против этого мы обязаны. Мы, Московская Дума, в большинстве социалистическая, обязаны и должны поднять свой голос. Я не говорю о чисто местных причинах, о том, что большинство этих министров вышло из москвичей, частью даже из гласных Думы. Эта система политического террора, эта система отрицания малейшей гарантии неприкосновенности личности доходит до геркулесовых столбов бесстыдства. Как иначе назвать такие вещи, которые появляются в петроградском органе большевиков, в газете «Правда»? В газете «Правда» мы могли читать определенный погромный призыв по адресу служащих в общественных и правительственных учреждениях. Вы там могли читать, что предполагается опубликовать имена этих правительственных чиновников, опубликовать их адреса. Это печатается в официальном органе партии большевиков с тем, чтобы справедливый народный гнев мог покарать их за так называемый саботаж. Если будут существовать какие бы то ни было законы, то за такой призыв к самосуду, к властному народному суду, по другой терминологии, нельзя не отвечать по самым элементарным законам человеческого общежития.

Вскользь надо упомянуть о попрании всеобщего избирательного права, того, что являлось символом веры всякой демократической и социалистической партии, о тех погромах и Московской и Саратовской Городских Дум, которые были. Как на завершение позвольте указать на то, что предстоит в ближайшем будущем, на вопрос о судьбе Учредительного Собрания.

Позвольте напомнить опять-таки официальное заявление гражданина из партии большевиков, хотя бы того же самого Володарского, который, апеллируя к массам, говорит, что массы не страдают парламентским кретинизмом и что если Учредительное Собрание выскажется против народной воли, т.-е. против воли большевиков, то станет вопрос о возвращении к власти Советов. Следовательно, тот единственный выход для революции и для спасения страны, который остается в Учредительном Собрании, и этот выход становится уже под угрозу насилия над ним. Учредительное Собрание, буквально, текстуально говоря, обещают разогнать.

Эти штрихи можно было бы продолжать и дольше, но для этого нет времени. Я считал необходимым привести их, чтобы сказать, что с той шайкой уголовных элементов, какой является организация народных комиссаров, претендующих на звание народного правительства, страна не может мириться. Она не может признать ни на минуту возможность и законность их власти или возможность компромиссов. Этой власти она не может признать во имя чего бы то ни было и [1]) прежде всего во имя спасения страны. Об этом споров быть не может.

---

[1]) Слова: «то ни было и» — над строкой.

Для этой шайки авантюристов нет другого пути, как итти путем преступления. Остановиться на одно мгновение в этом пути, поколебаться в этом пути, значило бы для этой шайки авантюристов — пасть под бременем собственных преступлений, значит быть раздавленными или теми темными массами, которых они возглавляют, или быть сметенными сознательными элементами демократии. Отсюда система террора и истинного самодержавия, которое мы в настоящее время переживаем в лице Троцкого и Ленина. Последнее преступление, которое совершается в настоящее время, должно быть отмечено; оно не может быть замолчано, и сказать о нем является долгом в этом отношении и Московской Городской Думы. Это та попытка еще и еще раз обмануть народ в вопросе о том мире, который Ленин и Троцкий будто бы способны дать исстрадавшемуся, измученному войной народу. Тут уже вопрос стоит не об исполнении этого векселя, данного большевиками. Я думаю, не может быть даже предположения о том, что Ленин и Троцкий сознательно видят в том, что они сейчас делают, исполнение требований всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, — лозунг, который официально защищался и защищается партией большевиков. Для Троцкого вопрос стоит сейчас только о переложении ответственности за преступление. Для того, чтобы сложить с себя ответственность за преступление, они делают те шаги, которые являются предательством и всей страны, предательством демократии и предательством того, что честно было связано с этими лозунгами. Вместо демократического мира на основах, выдвинутых русской революцией, всеобщего мира без аннексий и контрибуций, мы имеем всеобщий позор и сепаратный мир. (Голоса: «Правильно»!)

Это положение не может быть сегодня Московской Думой не отмечено. Мы должны ответить перед страною, считает ли Московская Дума [?] уполномоченными от имени народа свершать это преступное, разрушительное и предательское дело, предательское не только по отношению к союзникам, но и по отношению к самому народу, ибо этот сепаратный мир является источником новых и новых войн в ближайшем или отдаленном будущем.

Об общих причинах мы уже высказались несколько на предшествующем заседании Думы. Думаю, что к этим общим причинам мы не должны возвращаться. Но я позволю себе на них несколько остановиться отчасти ввиду нового состава собравшихся, отчасти потому, что отдавать себе отчет в общем смысле переживаемого мы должны с течением времени регулярно.

Если мы говорим про насилия авантюристов, про методы борьбы с ними, то по поводу общего явления, широкого социального явления, которое проистекает в настоящее время в России, мы должны, исследовавши причины, наметить соответствующие методы борьбы: с авантюристами преступными и темными одни методы борьбы, а методы для спасения страны, для спасения революции в связи с вскрывающимися протестами широких народных масс могут и должны быть другие. Уже

говорилось о том, что сила большевизма в том, что широкие народные массы рабочих и отчасти крестьян разочарованы в той политике центральной правительственной власти, в той политике руководящих общественных кругов, которая велась до сих пор. Не понимая, что разрешение основного вопроса о войне и мире, разрешение социальных вопросов и т. п. невозможно в течение того периода времени, который мы переживаем, не понимая этого и возлагая ответственность за тот или другой состав Временного Правительства на ту или другую из существующих политических партий, массы колеблются в уверенности, думая, что, может быть, на большевистском пути возможно разрешение этих вопросов. Вот тот предварительный анализ, который мог быть поставлен нами неделю тому назад. Я думаю, что и это положение мы должны себе несколько определеннее представить. Если выход в том, чтобы массы изжили большевистский угар, то этот угар, как и ряд прежних угаров, которые жестоко достанутся рабочему классу и всей стране, конечно, будет изжит, и время для того, чтобы этот угар был изжит, не нужно продолжительное. Вопросов о мире, о свободе и о хлебе будет достаточно, я думаю, для того, чтобы увидеть это в течение ближайших недель. Но мне казалось бы, что необходимо отметить общие причины, которые не могут быть изжиты так скоро, как может быть быстро изжит большевистский туман, — это психоз тех лозунгов, на пути которых крестьянские массы ищут разрешения всех вопросов и где они будут обмануты в ближайшем же будущем. Мы должны отдать себе отчет в том, что русская революция, которая имеет 8 месяцев бытия, только теперь приступает к разрешению основных проблем этой революции, и в том, что эти проблемы, основные в своем разрешении, не могли быть поставлены до настоящего времени, заключается одна из тех главных причин, которые могут быть изжиты не путем только разоблачения лжи и миража большевизма, а разрешением основных проблем, стоящих перед русским народом. Вот тот момент, который должен быть учтен нами совершенно определенно. Мы переживаем эпоху выборов в Учредительное Собрание. Результаты этих выборов хотя бы по Петрограду показывают, что колебание является в этом отношении отходом налево и направо. Есть только два фланга — крайний левый и крайний правый. Какая будет комбинация в Учредительном Собрании, я не знаю. Во всяком случае, тактика наша в связи с тем, что мы стоим накануне разрешения основных проблем, тактика политических партий и их комбинаций, мне кажется, решительно изменится в самом Учредительном Собрании. В Учредительном Собрании, я полагаю, невозможны будут те методы и комбинации различных партийных группировок слева или справа, которые являлись до сих пор попытками вывести страну из тупика переходного времени перед Учредительным Собранием.

В качестве примера я мог бы указать на то, что мы подходим к разрешению основного нерва русской революции — земельного вопроса. В этом вопросе больше, чем в каком бы то ни было ином, каж-

дая партия сохранит свою определенную индивидуальную характеристику. В этом отношении никакие компромиссные соглашения между партиями невозможны, и будущее страны властно будет отражать господство того направления, которое будет иметь большинство в Учредительном Собрании. В Учредительном Собрании могут сказать про партию с.-р., что она будет итти, вероятнее всего, совершенно изолированным путем. С точки зрения каждой партии ее программа является идеальной с точки зрения удовлетворения интересов народных масс. Для партии с.-р. невозможны никакие компромиссы ни с цензовыми элементами, ни с элементами социалистическими. Я не говорю о программе Ленина, в этом отношении, а вообще о программе социал-демократии. То, что является неприемлемым для партии с.-р., явится обязательным для других партий. Наметить теперь [?], когда мы стоим на пороге Учредительного Собрания, невозможно. С Учредительным Собранием мы приступаем к новым группировкам.

Мы должны наметить линию поведения на ближайшие дни, оставшиеся до созыва Учредительного Собрания. Здесь возникает вопрос. Мы не имеем центрального правительства, мы должны его создать. Возможно ли его создание при данных условиях? Этот вопрос не может не волновать все общественные круги. Многочисленные попытки разрешения этого вопроса мы имели в Петрограде на всевозможных совещаниях отдельных социалистических партий, с участием отдельных крупнейших профессиональных организаций. На только что состоявшемся совещании представителей земств и городов был также поставлен вопрос — возможно ли образование в настоящее время правительства. Возможность образования правительства на почве соглашения с кучкой авантюристов решительно исключена не только по мотивам политическим и моральным, но и по мотивам органическим. Невозможно соглашение методов гражданского строительства, методов революции с теми методами насилия и самодержавия, которые провозгласила эта кучка авантюристов. Соглашение с этим правительством совершенно невозможно. К этому, я думаю, пришли все руководящие круги петроградской демократии. Но в руках этой кучки авантюристов находится физическая власть, и может ли быть разговор, без свержения этой кучки, о том или другом построении правительственной власти до того момента, когда в Учредительном Собрании демократия, народ найдет новую опору для борьбы с захватчиками? Может ли этот вопрос быть разрешен? Я лично считаю, что этот вопрос о создании правительственной власти [1]) не может быть разрешен до Учредительного Собрания. Он не может быть разрешен без того, чтобы большевизм или та кучка авантюристов, которая действует от большевиков в центральном аппарате, не был изжит внутренно самим народом. Только тогда большевизм откажется от тех преступных методов, которыми он действует. И тем не менее на вопрос, можем ли мы хоть на один час отказаться

[1]) Слова: «о создании правительственной власти» — над строкой.

от попыток построения центральной правительственной власти, мы должны сказать, что этот вопрос может быть наилучшим образом разрешен в Учредительном Собрании. На этот вопрос, я думаю, страна, в особенности в связи с событиями на фронте, не имеет права ответить отрицательно. Нельзя ни на один день откладывать попыток образования правительственной власти. Эта задача может быть безнадежная, но, хотя бы с ничтожными шансами, должна быть разрешена. Те, кто уклонились бы от разрешения этой задачи, не ответили бы на те многочисленные запросы к стране, к тылу со стороны фронта, к глухой провинции со стороны фронта, которые мы слышим.

В этом отношении, казалось бы, Московская Городская Дума, указавши ту платформу, на которой было бы возможно образование временного правительства до созыва Учредительного Собрания, исполнила бы свой долг, хотя бы в том отношении, что она сказала бы: мы на создание такого правительства, на создание правительства с определенной платформой, готовы. Если оно не создается, если страна остается в положении анархии, то ответственность лежит не на нас, не на тех общественных кругах, которые представлены Московскою Думою.

Какова платформа может быть у этого временного правительства? Вам известен тот факт, что ваши представители в Московской Городской Думе были поставлены перед вопросом о составе временного правительства среди тех событий, которые мы переживали в конце октября. Нам был поставлен в упор вопрос: считаете ли вы возможным и допустимым для данного времени организацию власти на принципах однородного социалистического правительства? Этот вопрос, как вам известно, был поставлен организацией, которая претендовала на то, что она может сыграть, вмешавшись между двумя борющимися сторонами— представителями всероссийского железно-дорожного союза [1]). На этот вопрос ваши представители ответили, — если не ошибаюсь, — при одном воздержавшемся, — положительно, что да, организация однородного социалистического министерства в настоящее время является возможной. Выставлять такую платформу за Городскую Думу мы не могли. Я говорил за себя лично. Создание такого правительства мы считали возможным, хотя в обсуждении этого вопроса принимали участие люди разных политических оттенков. В частности я, защищавший в продолжение этих месяцев сознательно и определенно принцип коалиции социальных сил, считающий и в настоящее время, что коалиция социальных сил является в истории развития русской революции до определенного момента, до выхода на открытую дорогу Учредительного Собрания, принципом наиболее плодотворным, я также голосовал и говорил: да, я допускаю однородное социалистическое министерство. Это не было известным насилием, хотя было предъявлено в виде определенного ультиматума.

---

[1]) Так в подлиннике.

Взвешивая положение вещей в оставшийся нам промежуток до Учредительного Собрания, я считаю возможным организацию однородного, — назовите его демократическим или социалистическим, — правительства. Разницы в этом существенной нет. Ввиду тех препятствий, которые придется выдерживать временному правительству, если бы его удалось образовать в настоящее время, ввиду препятствий органического характера удержать минимальную степень государственного единства до Учредительного Собрания, — сдерживать неудержимо развивающийся процесс распада экономический, — могло бы попытаться правительство, которое бы не имело препятствий политических со стороны той самой охваченной определенным стихийным состоянием широкой народной массы, которое мы наблюдаем в настоящее время. Настаивать сейчас на создании коалиционного правительства значит обречь его на тягчайшие испытания при данном политическом положении вещей. Если может итти речь о создании правительства на время до Учредительного Собрания, то наименее всего было бы подвержено тяжким испытаниям правительство однородное демократическое. Насколько успешна была бы его деятельность в разрешении вопросов экономических и политических, для меня представляется спорным этот вопрос. Я думаю, что бóльшим успехом, чем то правительство, которое было до сего времени, его деятельность сопровождаться не может. Но это — организация правительства, которое встретило бы меньше всего потрясений чисто внешнего характера.

Более важным, чем выяснение состава правительства, является вопрос о платформе, которая должна быть положена в основу деятельности этого правительства на ближайшие недели, оставшиеся нам до Учредительного Собрания. Эту платформу позвольте мне не мотивировать достаточно подробно. Я бы сказал только, что в этой платформе должно заключаться восстановление прежде всего всех попранных, поруганных насилием организации большевизма свобод народных. Второй неотложный вопрос — это практические меры к скорейшему заключению мира на основах демократических, в согласии с союзниками, на тех основах, которые провозглашены русской революцией. Здесь поднимается вопрос, является ли этот лозунг чисто практическим. Думается мне, не входя в подробный анализ этого вопроса, что положение дел на фронте требует героических мер в этом отношении. Эти меры должны приниматься при соблюдении тех условий, которые являются единственно гарантирующими интересы народа: демократический общий мир, в согласии с союзниками.

Третье основное положение этой платформы — чтобы была гарантия самого Учредительного Собрания, гарантия выборов, гарантия созыва его и гарантия того, что права его не будут нарушаться.

Те декреты, которые были опубликованы от имени самодержавия Ленина и Троцкого, в частности декрет о земле, являются одним из величайших посягательств не только на права Учредительного Собрания, но и на права народа провести ту или иную целостную реформу. Пусть

эта реформа будет проведена в духе какой-нибудь партии, партии социалистов или демократов, но важно то, что декретом Ленина не допускается возможности планомерного разрешения земельного вопроса. В этом отношении гарантию Учредительного Собрания надо понимать не только как гарантию выборов в Учредительное Собрание, гарантию того, что оно не будет разогнано, но и гарантию того, что ему не будет предоставлено со связанными руками ликвидировать последствия совершившегося разгрома. Возможность основных политических и социальных реформ, — вот та основная платформа, на которой возможно образование однородного правительства.

Мы живем в переходное время и надеемся, что Учредительное Собрание будет функционировать через три недели. Вот та платформа, на которой должно быть образовано правительство, если бы это было возможно. Эта платформа должна быть заявлена. Скептическое отношение к ней возможно. Но этой готовностью содействовать созданию этого правительства мы снимем с себя еще раз ответственность за то, что такое правительство не создается и что продолжается попрание народных прав.

Вот те, основные вопросы, которые, мне казалось бы, необходимо было отметить при оценке общего политического положения, и, кроме того, полная изоляция той преступной шайки, которая в настоящее время правит Россией.

Председатель. Я должен предупредить о том, что в университет введены солдаты.

Руднев В. В. Мы полагаем, что должна быть полная политическая изоляция большевиков, создание однородного демократического правительства на определенной платформе тех трех требований, которые нами заявлены.

Я предлагаю прочесть приговор Московской Городской Думы. (В залу входят солдаты. Голос: «В свободном университете солдаты, товарищи!» Шум.)

Председатель. (Читает резолюцию.)

Брыков. (Пытается говорить. Шум.)

Председатель. Прошу соблюдать спокойствие и тишину. Я прошу товарищей признать факт, что нас просят отсюда выйти под давлением насилия штыками. Прошу вас это принять во внимание. Я полагаю, что подвергать вас какому бы то ни было насилию я не имею ни права, ни оснований, и я призываю вас, товарищи, подчиняясь только насилию, разойтись.

Розенблюм Д. М. Я бы попросил сначала обратиться с речью к товарищам солдатам.

(Голоса: «Кончайте резолюцию».)

(Брыков, обращаясь к председателю, пытается что-то сказать, но его слова заглушаются криками: «Уйдите, вон, сторонники Николая II, вон отсюда».)

Председатель. Вы знаете резолюцию. Прошу ее принять единодушно. Я полагаю, что продолжать собрание я лично не могу. Я полагаю, что под влиянием насилия мы должны разойтись и этим только демонстрировать...

Сахаров В. Ф. Товарищи и граждане! От имени фракции с.-р. позвольте вам предложить вынести следующий приговор Московской Городской Думы... [1]).

Брыков. Г. председатель, я предлагаю не допускать этой речи. (Голоса: «Вон, уйдите». Шум.)

Сахаров В. Ф. Я прошу меня не перебивать. Но если отдельным лицам будет угодно перебить меня, пускай они перебьют. Прошу всех присутствующих меня не перебивать. Прошу слушать приговор Московской Городской Думы: «Заслушав на заседании своем от 15 ноября совместно с... [1]).

Брыков. От имени Военно-Революционного Комитета... [1]). (Голоса: «Долой, вон». Шум.)

Астров Н. И. Мы присоединяемся к этой резолюции и возражаем только против второго п[ункта] где говорится об однородной социалистической власти. Мы признаем Временное Правительство. Да здравствует Временное Правительство!

Председатель. Кто за принятие резолюции? Резолюция принята. (Аплодисменты.)

Брыков. Голосование не действительно. (Шум. Крики: «Вон, уйдите».)

Председатель. Считаю заседание закрытым. Открывается частное собрание.

Сахаров В. Ф. Я прошу слово к порядку. От имени фракции с.-р. мы предлагаем наше заседание продолжать до тех пор, пока не будет исчерпана повестка заседания. (Голоса: «Правильно».)

Ф. А. Данилов. Позвольте мне быть председателем предстоящего заседания. (Голоса: «Просим».)

Позвольте признать, что резолюция уже принята единогласно.

Астров Н. И. Мы целиком присоединяемся к этой резолюции. Только позвольте просить обратить внимание на следующий п[ункт]. В том месте, где говорится об однородной социалистической власти, мы делаем следующую оговорку. Думать, что на две недели мы создадим какую-нибудь власть, невозможно. У нас есть Временное Правительство, которое мы признаем, и мы хотим, чтобы оно действовало активно. Оно действует, но реально недостаточно сильно. Первым действием Временного Правительства должно быть обращение к русскому народу, обращение к союзникам и всему миру, что все преступные переговоры о мире или перемирии представляются актами вероломства, актом насилия над волею русского народа. И вот о таком обращении к Временному Правительству мы должны сегодня постановить. В остальном мы

[1]) Далее в подлиннике пропуск.

присоединяемся к этой резолюции, кроме нескольких поправок редакционных, на которых мы настаивать не будем.

Яхонтов В. И. По поручению фракции с.-д. меньшевиков, я должен заявить, что мы не вносим своей самостоятельной резолюции и стоим на точке зрения резолюции, сегодня напечатанной во «Вперед» [1]), где наша точка зрения на современный момент, на кризис власти и на создание власти изложена исчерпывающе. Мы воздерживаемся от голосования этой резолюции. (Голоса: «Трусы».)

Грановский. Граждане и товарищи. От имени группы с.-д. меньшевиков, примыкающей к оборонческому течению, я заявляю, что мы присоединяемся в общем к тем идеям, которые развиты в резолюции фракции с.-р., и только жаль, что внешние обстоятельства, при которых протекает наше собрание, не позволяют нам придать этой резолюции более законченный, выдержанный и соответствующий вид. Во всяком случае, позвольте мне заявить, что мы признаем необходимым и единственно возможным способ создания авторитетной власти, которая вывела бы страну из того состояния безначалия и анархии, в которое ее ввела вооруженная попытка большевиков, создание власти, в которую вошли бы все элементы, стоящие на почве государственного социализма — стало быть, без большевиков. Поэтому мы резко откалываемся от той позиции, которую заявил здесь официальный представитель меньшевистских течений. Мы заявляем, что большевизм и возглавляемое им большевистское движение не есть движение сознательное и планомерное, не есть выражение планомерного рабочего движения. Мы заявляем, что это есть бунт, возглавляемый и вызванный коммунистом Лениным, который развивает идеи, повторяющие старые идеи ткачевского «Набата» и Бакунина, но не идеи, которые являются развитием социализма государственного и социализма, приемлемого для всех течений социалистических—марксистских, народнических и иных, остающихся и стоящих на почве государственности. Поэтому мы заявляем, что для нас немыслимо создание власти, в которую входили бы представители большевиков. Такая власть вела бы к дальнейшей разрухе страны. Мы повторяем, что большевизм не есть политическая партия, ибо для всякой политической партии, во всяком случае, есть возможности и есть невозможности, на которые она не идет, перед которыми она останавливается. Мы заявляем, что большевистское восстание показало, что они идут на невозможности. Развал и уничтожение армии, разрыв России со всеми демократиями мира, доведение страны до невозможного положения создает абсолютную невозможность собирания власти, собирания демократии на почве единения с этими элементами. Мы протестуем против всяких попыток государственномыслящих социалистических течений затушевать эти преступные элементы в большевистском движении и продолжать дальше невозможную, губительную для самого существования Российской республики

[1]) Так в подлиннике.

политику каких-то колебаний, каких-то компромиссов, каких-то уступок, каких-то соглашений с той кликой, которая сейчас нанесла, быть может, последний удар завоеваниям великой российской революции и рабочего класса [1]).

Яхонтов. Прошу слова.

Председатель. Мы постановили, что каждая фракция...

Яхонтов В. И. Я хочу мотивировать свое заявление.

(Голос: «Трус!» Шум.)

Яхонтов В. И. Должен в особенности взять слово, потому что здесь раздалось заявление «трус». Я думаю, что тот, кто заявил это, сделал это несознательно, потому что товарищи мои здесь, в этом доме, не раз заявляли о том, что мы резко отмежевываемся от всех авантюристических элементов нашего социалистического движения, в частности — от большевиков. Мы самым решительным образом боремся с той авантюрой, которую устраивают большевики, и в той резолюции, которую вы прочтете сегодня во «Впереде» [2]), вы увидите, что наша партия резко осуждает эту авантюру. Мы признаем, что тяжелое положение, полный развал в стране создан в результате этого авантюристического выступления, называвшего [?] революционным выступлением, и полагаем, что в результате той попытки к миру, которая здесь проявляется, объективно может создаться сепаратный мир. Мы полагаем, что в результате этой политики останется развал страны внутри и развал на фронте. Мы были всячески против этой политики. Но, товарищи, нельзя не признать и другого факта. Городской голова отметил, что нет сомнения, что за большевиками стоят не только авантюристы, но и значительные, широкие рабочие массы. Всякий из вас, переживая все, что было здесь, прекрасно понимает, что мы имеем перед собой широкое, рабочее социальное движение, которое идет под знаменем большевизма. Думаю, что последние сведения о выборах в Учредительное Собрание также говорят, что во многих местах большевистские кандидаты идут впереди, что также указывает на то, что под знаменем большевизма идут значительные [3]) рабочего крестьянского и общедемократического населения. Думаю, что отрицать этого нельзя, это, к сожалению, факт, и думаю, что вряд ли правильно объяснять это новое, нарастающее движение, вылившееся в то вооруженное [4]) столкновение, которое мы имеем, только авантюристической попыткой. Это в старину еще, при старом царском режиме, большие движения объясняли авантюрой, которая могла будто бы выдвинуть на авансцену громадное движение. Мы прекрасно понимаем, что если рабочие массы сейчас идут за большевизмом, если они поддаются авантюре, то, очевидно, есть какие-то громадные социальные причины, которые [5]) тол-

---

[1]) Далее текст написан чернилами.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Пропущено, видимо: «массы».

[4]) Зачеркнуто далее: «восстание».

[5]) Зачеркнуто далее: «очевид[но]».

кают рабочие массы на большевистские авантюры, и думаю, что первая причина — это тот громаднейший экономический развал в стране, который мы наблюдаем, а вторая причина — это бессилие коалиционной власти старого правительства, которое не смогло разрешить тех громадных задач, которые перед ним стояли. В результате, рабочие массы, разочаровавшись в тех вождях, которые стояли во главе движения, разочаровавшись в возможности разрешить социальные проблемы путем создания этой коалиционной власти, бросились в объятия большевизма. И в результате мы видим сейчас, исходя из этого факта, такое положение: как бы вы ни хотели строить власть, вы должны стремиться, чтобы эта власть опиралась на организованные революционные массы. Вот почему мы думаем, что если эти революционные организованные массы сейчас идут за большевиками, то мы не можем создавать такой власти, которая была бы направлена против этих организованных масс, стоящих под знаменем большевизма. Нам кажется, что всякая власть, которая стремится разрешить кризис не путем вооруженного столкновения, а путем мирного разрешения конфликта, должна учесть этот момент и признать, что там, на той стороне, эти массы стоят не безучастные, и без поддержки этих масс ни одна революционная власть, будь она однородная, социалистическая, не будет в силах осуществить свою программу и разрешить этот экономический, социальный и политический кризис. Поэтому мы стоим на той (Председатель. Ваш срок кончается. Голос: Довольно ему!) точке зрения, что всякая другая власть не будет в силах исполнить задачи, которые выдвигает перед ней настоящий момент.

Брюхатов Л. Д. Товарищи и граждане! Не для того, чтобы произносить речи, ибо момент такой, что не время заниматься словопрениями и произносить длинные речи, аргументируя, апеллируя и защищая движение, которое мы все переживаем, но для того, чтобы подчеркнуть нашу точку зрения, я взял себе слово. Мы голосовали за эту резолюцию, которая была предложена тут, но нам кажется, что в ту резолюцию нужно внести дополнение, которое подчеркнуло бы сильнее позицию Московской Городской Думы в переживаемый момент. Из всех преступлений, совершенных временными [1]) комиссарами так называемыми, самое тяжкое преступление против родины и против, я бы сказал, демократии всего мира, против всего освободительного движения — это есть их выступление по вопросу о перемирии, выступление, чреватое громадными, тяжкими последствиями не только для России, но и для всей демократии всего мира. Мы бы считали, что в нашей сегодняшней резолюции этот момент должен быть особенно выделен. Второй момент — это момент необходимости противопоставления власти Смольного института какой-то другой власти. В докладе городского головы вы слышали, что он не верит, он это ясно сказал, не верит в возможность образования какой-нибудь власти

[1]) Над словом «временными» надписано, взятое в скобки «(Народными?)».

впредь до Учредительного Собрания. Но ведь у нас все-таки остатки власти до сих пор сохранились, у нас есть известная возможность, которая не пресечена еще окончательно, эту власть, оставшуюся от революционной власти, признававшейся долгое время, — восстановить. Ведь она как факт существует, и потому нужно только побудить эту власть проявить себя более действенно, более активно, проявить и заявить о своем существовании, ибо одна из глубоких ошибок этой власти состоит, с нашей точки зрения, в том, что за последнее время она как-то скрылась совсем с горизонта и ничем активно себя не проявляет. Вот мы и думаем, что два эти момента и должны быть подчеркнуты в нашей резолюции: вопрос о необходимости манифестирования этой власти, обращения ее от имени страны, ибо в данный момент только она может выступать от имени страны, но не смоляне, которые берут на себя эту наглую смелость, и, во-вторых, вопрос о перемирии должен быть подчеркнут. Поэтому мы предлагаем включить в ту резолюцию, которая принята (не настаиваем текстуально на каждом слове) такое дополнение: «Дума, от имени московского населения, обращается к Временному Правительству с настойчивым требованием проявить себя как единственную законную власть в настоящий момент и выступить с категорическим протестом от лица России против предательской политики Ленина и Троцкого в вопросе заключения мира, призвав все организованные силы страны сплотиться вокруг местных самоуправлений и комитетов спасения родины и революции для борьбы с большевизмом».

Ратнер Е. М. От имени нашей фракции хотела бы иметь возможность точно выяснить, происходит ли сейчас пленарное заседание Городской Думы со всеми его правами или сейчас происходит, как было заявлено Военно-Революционному Комитету, частное совещание, и, если сейчас происходит действительно пленарное заседание Городской Думы, как полагает это наша фракция, то какие меры приняты президиумом для того, чтобы это было доведено до сведения Военно-Революционного Комитета?

Голоса. Правильно, правильно! (Аплодисменты.)

Председатель. Дума пожелала превратить то, что я сказал в пленарное заседание Думы, каковым оно сейчас и является, и полагаю, что моего официального заявления достаточно, чтобы и посторонние лица знали это.

Бройде. Я был делегирован сюда сегодня от союза [1]) торгово-промышленных служащих, но не могу ни о чем говорить сейчас, кроме тех чувств возмущения, чувства глубокого унижения, которые мы испытали сейчас. Четыре солдата, во главе с каким-то самозванцем, членом Революционного Комитета, попирают и топчут свободу и волю народа. Чувство бессильной злобы, какого-то отчаяния и унижения овладевает мною. Разве мы можем сейчас спокойно обсуждать какие-то формулы

[1]) Слова: «от торгово-промышленных служащих» — над строкой.

о социалистическом однородном или неоднородном министерстве? И когда мы слышим теперь разговоры официального меньшевизма, разговоры товарища Грановского, которые спорят все о том же, чувство глубокого возмущения овладевает душой, и ясно становится, что не время теперь говорить о власти, потому что мы стоим сейчас перед властью штыков, тех штыков, которые группируются вокруг Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. И при таких условиях мы должны молчать! Нам нужно ждать того момента, когда мы будем знать, что опираемся на реальную силу... (Шум. Вошли солдаты. Голоса: «Пусть слушают солдаты!»)

Председатель. Спокойствие. Просил бы товарищей солдат оставить нас или остаться здесь послушать.

(Шум, солдаты остаются.)

Ратнер Е. М. Мы, свободно избранная Городская Дума, избранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, мы, народные избранники, открыто перед лицом всей России заявляем здесь то, для чего нас выбрала Россия, — это борьба с остатками прежнего строя, это борьба за свободу, за права народа, за будущее России, за землю и волю. Вот отстаивать что пришли мы сюда, и мы просим товарищей солдат, невольных участников нашего сегодняшнего собрания, вместе с нами сказать: Московская Городская Дума, избранная на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права всем населением Москвы, тем самым получила от этого населения право говорить от имени всей Москвы, и нет такой власти, откуда бы она ни пришла, кроме власти всего московского населения, поставившего нас здесь, которая имела бы право учинять насилие над волей московского населения. Такая власть была когда-то, товарищи: это была власть Николая II, это была власть проклятая и презренная всей страной, и кто бы теперь ни пришел со штыками творить насилие над волей свободного населения, он этим самым унижает всю Россию, всю демократию, весь социализм. Товарищи, мы, социалисты-революционеры, в течение 20 лет выносившие на своих плечах всю тяжесть борьбы с самодержавием и с прежним царизмом, заявляем вам: мы боремся за лучшие идеалы человечества, боремся за социализм, за то, чтобы в России был водворен тот справедливый строй, за который веками проливалась народная кровь, мы боремся за землю, за то, чтобы в руки многомиллионного русского крестьянства была передана вся та земля, которую он своими руками обрабатывает, мы боремся за то, чтобы весь русский народ сам управлял собой и никто не имел бы права творить насилие над свободным русским народом. Вот за что бороться посланы мы сюда всем населением города Москвы, вот за что бороться призваны во всех городах и селах всего государства Российского истинные народные представители, истинные народные избранники, поставленные народной волей, а не штыками, а не пролитой народной кровью. И все те, кто действительно сознает, что происходит в стране, все те, кто хочет бороться вместе с свободным рус-

ским народом, а не насиловать этот свободный русский народ, тот скажет вместе с нашей фракцией: да здравствует истинное народное представительство, да здравствует Московская Городская Дума, избранная всем населением! Долой всякое насилие над свободным народом!

(Аплодисменты, возгласы «ура, браво». Солдаты выходят [1].)

Минор О. С. Товарищи-солдаты сказали, что они посланы Военно-Революционным Комитетом без предупреждения о том, что они идут разгонять силой Московскую Городскую Думу.

..... [2]) Я делегирован своими служащими заявить, что мы целиком присоединяемся к заявлению Московской Городской Думы и городской управы и поддерживаем их. Мне же, как представителю, позвольте заявить, что я целиком присоединяюсь к настоящему заявлению. Все, что мы видели, свидетелями чего мы были и здесь и последнее время, все это только подтверждает и свидетельствует о том, что некоторые несознательные элементы дают свою поддержку большевикам, совершенно не осознавая той роли, которая на них возлагается кучкой людей. Эти элементы идут творить волю пославших их, не зная этой воли, и могут ли, я вас спрашиваю, товарищи и граждане, эти элементы помешать нам продолжать нашу работу, основанную на твердом опыте, на знании и анализе? И вот я должен [3]) сказать, что мы настаиваем на том, чтобы представители власти, избранные на всеобщей основе, не уступали своих полномочий и до самого Учредительного Собрания оставались носителями этой власти. (В зал заседания входят вооруженные солдаты и, по приглашению И. Н. Коварского и председателя собрания, занимают в первом ряду места гласных.)

Минор О. С. Позвольте приветствовать представителей нашей армии, пожелавших присутствовать на нашем собрании, после того как им было разъяснено, кого они были посланы арестовывать. (Аплодисменты.)

Тот же оратор. Я приветствую товарищей-солдат, которые только здесь поняли, зачем они были сюда отправлены, и поняв, они пожелали прослушать наше собрание. Я приветствую их. Я убежден, что если бы эти массы знали, что они делают и против чего они идут, как это было в последние тяжелые дни, то их штыки и пули [3]) обратились бы не в том направлении, куда они были обращены, а на пославших их на это злое дело. Я думаю, я уверен, что уже недалеко то время, когда мы доживем до того, что народ будет защищать сам свои интересы. Народу уже была предоставлена полная свобода избрания своих представителей, и это уже производилось народом, но вот [4]) в послед-

[1]) Далее опущенное нами: «продолжение на странице».
[2]) В подлиннике фамилия отсутствует.
[3]) Зачеркнуто далее одно слово.
[4]) Написано карандашом.

ние дни тяжких испытаний поколебалась самая государственная власть, избранная волей народа. Мы еще так недавно присутствовали при покушении на эту государственную власть. (А п л о д и с м е н т ы.) Когда происходила эта недавняя ужасающая бойня и расстреливание мирного населения, мы безоружные, ни разу не поднявшие вооруженную руку на защиту своих прав, вынуждены были прекратить [1]) свою работу. Мы слышали призыв к населению со стороны части, захватившей насильственным путем власть в свои руки [2]), которым население определенно натравливалось на нас, призывом, в котором говорилось, что население Москвы должно заставить нас работать. Но как же мы будем работать, когда эта насильственная власть вмешивается в наши внутренние распорядки, когда у нас отобраны народные деньги, когда Революционный Комитет запретил банку пересылку денег в полевые комитеты?.. (Г о л о с а: «Позор! Возмутительно!»)

И вот [3]) теперь я пришел сюда сказать, что мы можем признать для себя только одну государственную власть, которая основана на доверии и на вере всего населения. Население тоже ждет с нетерпением этой власти, и она придет, я уверен, что та накипь революции, которая образовалась за это время, исчезнет, рассосется сама собою, достаточно того, что эта накипь уже загрязнила чистые волны революции. Она должна пропасть, и она пропадет. Но с другой стороны, представляя конструирование новой власти, мы призываем всех к делу. Мы заявляем, что представительством нашей власти должно быть однородное социалистическое министерство, включающее в себя все социалистические партии, но без большевиков. Выставляя свою платформу, мы зовем всех представителей общественных организаций для объединения с нами.

П р е д с е д а т е л ь. Слово принадлежит представителю рабочего класса, товарищу Серапионову.

С е р а п и о н о в. Я взял слово только для того, чтобы сказать несколько слов товарищам-солдатам, которые пришли неизвестно откуда и неизвестно для нас зачем. Если они пришли сюда, если они находятся в наших рядах, так пусть же они знают, что они видят перед собой не вражеское собрание, а собрание представителей народных избранников. Товарищи-солдаты, в лице этой Думы, избранной всем населением Москвы, вы увидите и людей с мозолистыми руками, которые выбраны и посланы сюда самим народом. Я говорю это затем, чтобы товарищи-солдаты не подумали, что здесь сборище каких-нибудь контр-революционеров или одних богатых классов. Вы, товарищи-солдаты, видите перед собой Московскую Городскую Думу, которая выбрана на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, такого, которое существует только в одной свободной России. Да здравствует свободная республика! Да здравствует революционная армия!

[1]) Далее зачеркнуто одно слово.

[2]) Карандашом приписано на поле слева: «представитель банков».

[3]) Зачеркнуто далее: «деле».

Данилов Ф. А. Товарищи и граждане! Не для того я взял слово, чтобы говорить об организации власти. Учредительное Собрание должно быть через две недели, и оно явится основой революционного правительства. Вы должны знать, что Московская Городская Дума, которая основана на избрании всеобщем, и Учредительное Собрание тоже будет избрано на тех же самых основаниях. Товарищи-солдаты, позвольте обратиться к вам, чтобы вы знали, что Московская Городская Дума один раз уже подверглась насилию — ей силой было запрещено работать в своем здании, и потому мы вот здесь. Учредительное Собрание, которое будет через две недели, может быть, подвергнется такому же насилию. Скажите вашим товарищам, что Учредительное Собрание есть единственная основа революции, потому что в этом [1]) связаны все интересы демократии. То, что Московская Городская Дума имела сказать — она скажет: мы будем вести [2]) Думу до самого Учредительного Собрания и чтобы оно [3]) сказало нам, нужно нам продолжать свою работу или нет; никто другой у нас, избранников народа, не имеет права отнять наши права. Товарищи-солдаты! Скажите вашим товарищам, что [4]) Московская Городская Дума, при вашем участии, работала в интересах народа, чтобы ему [1]) была дана и земля, и воля, за что все социалистические партии проливали кровь свою. И еще скажите вашим товарищам — стойте на-страже этой свободы, стойте на-страже Учредительного Собрания, не позволяйте никому посягать на него, тогда вы получите и землю, и волю, и мир, которого мы все так ждем, но мир настоящий, демократический, а не бумажный, который вам предлагают авантюристы, насильно захватившие власть. Позвольте вас поблагодарить, товарищи-солдаты, что вы работали вместе с нами. Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствуют представители армии! (Аплодисменты.)

Председатель. Прежде чем закрыть собрание, угодно ли выслушать несколько ораторов, которые записались?

(Предложение принято.)

Данилов Ф. А. Позвольте просить закрыть запись ораторов.

Зимин Л. Я. (представитель городских служащих). Я говорю от имени служащих Московской городской управы. Я должен сказать, что наше положение, положение городских служащих — ужасное, — мы и в данный момент и все время разрухи находимся между молотом и наковальней. К нам приходят представители Военно-Революционного Комитета и дают нам свои распоряжения; когда же мы их не признаем, то Революционный Комитет натравливает на нас население Москвы. Мы заявили, что мы идем за Думой и управой, но вместе с тем [4]) мы заявляем, чтобы господа гласные поставили нас в такое

---

[1]) Зачеркнуто далее одно слово.
[2]) В подлиннике ошибочно «вести» — два раза.
[3]) Зачеркнуто далее несколько слов.
[4]) Далее зачеркнуто несколько слов.

положение, чтобы население видело и знало, что в этой борьбе мы тоже только исполняем наш гражданский долг, нужно, чтобы было обращено внимание не только на политическую сторону борьбы, но и на практическую. Мы должны знать, поддерживает ли нас Дума. Дайте нам свой авторитетный голос, чтобы мы имели свою координацию. В противном случае, как это ни печально, но мы должны констатировать, что остаемся без руля и без ветрил.

Городской голова. Вопрос об этом, в связи с продолжением работ Думы и управы, будет поставлен на повестку ближайшего заседания Думы, которое, вероятно, соберется в пятницу, тогда все детально должно быть рассмотрено. Сейчас же я хотел бы обратиться к Думе с одним предложением, заявить городским служащим, что все, что они делают, является уже их гражданским и служебным делом; что всех их права — как по оплате жалованья, так, и как за людьми, пострадавшими в борьбе [1]), — за ними целиком остаются. Я прошу принять то, что я предлагаю сейчас как принцип, позвольте мне это прочитать... [2]).

Председатель. Позвольте голосовать предложенное московским городским головой.

(Предложение принято единогласно.)

Зимин Л. Я. Единогласно встретила Московская Городская Дума вотум городского головы. У нас в 4 часа сегодня делегатское собрание, и я передам городским служащим вотум Думы, который должен будет окрылить нас в этой борьбе. Я думаю, что городские служащие, оставшиеся верными городскому управлению, с которым [1]) оно несло всю тяготу и тяжесть испытаний при самодержавном режиме, сумеет с честью вынести испытания и при новом большевистском режиме. (Продолжительные аплодисменты [3]).)

Новгородцев П. И. Господа, в те тяжелые дни, которые мы переживали и переживаем, в дни, полные величайшего ужаса и глубокого трагизма, страдая и болея, мы, тем не менее, оставались спокойными, и мы считаем первым своим долгом оставаться спокойными и в смятении народном, и перед штыками, обращенными против нас. Мы знаем, что только злым обманом овладели большевики душой народа, душой армии, которая за ними последовала. Это мы знали, и глубоко верили в то, что обман этот раскроется и что вся армия в глубине души своей, стремящаяся к правде и свободе, она поймет, где правда и свобода, и так же, как те представители армии и русского народа, которые сейчас присоединились к нам душой, вся армия займет в свое время место под стягом родины и свободы, и эта уверенность давала нам силу переживать эти тяжелые дни. И я полагал бы, что эту нашу уверенность мы должны включить в ту резолюцию, кото-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Далее в подлиннике пропуск.

[3]) Далее в подлиннике приписано: «Пр. на л.» и «Миллер».

рая сейчас принята. Я просил бы от имени своей фракции включить также в эту резолюцию и чувство глубокого удовлетворения и глубокого уважения перед трудом городских служащих, которые самоотверженно несут свою трудную работу, совершаемую в исключительно тяжелых условиях на благо населения всего города Москвы. Но позвольте мне также коснуться и одного пункта резолюции, которая, как я понял из здесь происходивших прений, не оформлена окончательно. Я слышал здесь речь представителя партии народных социалистов, оспаривавших один пункт, тот самый, который оспариваем и мы. Я слышал, что наш уважаемый городской голова в речи, которой я, к сожалению, не застал, опоздавши на заседание, выражал полное сомнение в том, чтобы до Учредительного Собрания какое-либо правительство могло сорганизоваться. Если это так, а это сомнение мы в полной мере разделяем, то зачем же мы будем этот пункт включать в эту резолюцию? Господа, ведь мы должны понять, что до Учредительного Собрания остается такое короткое время, что за эти несколько дней какой бы то ни было власти организовать нам не удастся. И если бы вы предложили не только социалистическое министерство организовать, как это стоит в вашей резолюции, но самое кадетское; наиболее отвечающее нашим требованиям, я бы сказал, что и это не нужно в данный момент. До Учредительного Собрания остается слишком немного дней, и мы, когда придет этот хозяин земли русской, тогда и будем думать о правильной организации власти. (Голос: «К порядку!») Кроме того, я полагаю, что сейчас, когда демократия переживает глубокий внутренний кризис, она не может дать этой новой твердой власти. Я кончаю — время истекает — предложение: этот пункт из нашей резолюции устранить и, вместе с тем, сделать в отношении к Временному Правительству то же, что делаем по отношению к самим себе. Ведь мы же признаем, что Дума существует, несмотря на то, что она распущена, и вы знаете, что Временное Правительство в тех осколках, которые оно представляет сейчас, также существует, действует и несет свою текущую работу, как и мы. Пусть же эти 10 дней просуществует и Временное Правительство, конечно не для великих задач спасения родины, но для исполнения текущих дел, которые на нем лежат, и для борьбы с незаконной властью. Пусть оно явится центром тех обращений, которые все органы власти должны делать к нему, и тогда его задача будет исполнена — даже не довести, а только дотянуть страну до Учредительного Собрания. Вот что может быть нами предложено.

Председатель. Должен заявить, что резолюция эта принята. Поэтому, выслушав речь гласного П. И. Новгородцева, полагаю, что поправки [1]), разработанные им, будут занесены в протокол. Теперь даю слово товарищу Миллеру от имени почтово-телеграфных организаций.

---

[1]) Слово «поправки» — исправлено; «разработанные им» — над строкой.

М и л л е р. Говорю от союза почтово-телеграфных организаций Московского узла. — С самого начала так называемого переворота и назначения к нам министром или комиссаром народным Авилова мы его не признаем. (В о з г л а с ы. «Браво», а п л о д и с м е н т ы.) Не признали не мы одни, не наш только Московский узел, а не признала вся Россия. Мы знаем, что после всех провокационных и возбуждающих прокламаций, которые рассылал и распространял народный комиссар Авилов по всей России странным способом, не было ни одного почтово-телеграфного учреждения, которое бы признало его власть, кроме отдельных мелких кучек несознательных наших, к сожалению, товарищей. Мы оградились от этой власти тем, что выделили из себя коллектив, так как наша прежняя власть исчезла, поэтому ведомство, то-есть, организация вся [1]) почтово-телеграфная взяла управление ведомством в свои руки. (В о з г л а с ы: «Браво».) На этом кончаю заявление от съезда (союза? [2]), а затем по поводу предыдущего оратора, относительно высказанного мнения, что нечего вносить пункт относительно организации власти, должен сказать, что дело не в самой конструкции, а дело в том, чтобы те, которые захватили власть в свои руки, были лишены ее, так как такая власть признана быть не может.

П р е д с т а в и т е л ь о т Е л ь ц а. Товарищи и граждане! Я командирован Елецкой Городской Думой в качестве делегата на всероссийский съезд союза городов и земств... но телеграмма пришла поздно, и я очутился в вашем собрании. Прежде всего как делегат Елецкого городского управления приветствую от имени Елецкой Городской Думы, нашей небольшой Думы (в городе около 100 тысяч жителей) Московскую Городскую Думу. (А п л о д и с м е н т ы.) Товарищи и граждане! Первой нашей мыслью, первым нашим требованием, когда мы получили ваш, телеграмму, телеграмму [2]) в провинцию с вашей резолюцией, было присоединиться к вам, и мы единогласно присоединились к постановлению Московской Городской Думы, к той резолюции, которую вынесла Городская Дума в момент захвата власти большевиками. В других городах нашего района произошло то же самое. С первого момента провинциальная Россия не признала захватчиков, и провинциальная Россия стоит на этой точке зрения и теперь. Товарищи, единственно чего мы, провинция, ждем от вас, это — энергичных действий, борьбы за действительно народную власть, ибо голос Москвы является примером для провинции, за Москвой следят все, к ее резолюциями прислушиваются, и координация действий, координация наших общих действий исходит, главным образом, из Москвы, и мы верим, мы верим, что будут лучшие дни. Мы вспоминаем старые слова, 100 лет тому назад сказанные Пушкиным:

---

[1]) «Вся» — исправлено.

[2]) Так в подлиннике.

Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

На обломках большевистского самовластья напишет почетные имена Московской Городской Думы Россия. Привет вам, товарищи, от города Ельца!

Председатель. Записано еще два оратора. Просил бы разрешить дать не больше 3 минут каждому. От государственного банка Бактурин.

Бактурин. Я буду очень краток. Говорю от имени служащих государственного банка. Мы протестуем, товарищи, против насильственного захвата денежного нерва страны — государственного банка. Мы протестуем, господа, против того, что нас не допускают, нам препятствуют снабжать армию денежными средствами. (Возгласы: «Позор»!) Нам не позволили снабдить полевые казначейства деньгами. («Негодяи! Измена! Позор!») Товарищи, должен предупредить, и золотой фонд и деньги в руках большевиков. Страна в опасности. Мы знаем, что подобное положение грозит для всего государства финансовым крахом, мы не можем не предупредить вас об этом.

Кушуров. От союза фабрично-заводских служащих, объединяющего около 60 тысяч членов в городе Москве и ее окрестностях, представляющих из себя мозг всей промышленности города Москвы, я заявляю, что мы не мним иной власти народной [1]) в Москве, как власти, возглавляемой Московской Городской Думой, избранной всем московским населением, и готовы поддержать ее всеми доступными, имеющимися в нашем распоряжении средствами. («Браво!» Аплодисменты.)

Бактурин. Должен добавить, что в государственном банке хранятся средства не только буржуазии, не одних каких-либо слоев или классов, а всего народа, всей страны, армии и рабочих.

Представитель домовых комитетов. Когда я находился среди публики, я сказал, что в России есть штыки, но штыки не будут никогда направлены против народа и что солдаты удалятся. Мне сказали, что они здесь. И я счастлив сказать теперь, что они здесь, как свободные граждане, слушали резолюцию Городской Думы. Я случайно попал на собрание и должен сказать вам: знайте, что мы признаем только вас и все, что домовые комитеты могут сделать для вас, даже если бы вам приходилось переходить из помещения в помещение, будет сделано. И будьте уверены, что ни один штык солдат не обратится против вас. Будьте уверены, что ни один гражданин, ни один обыватель не пугается штыков и по первому вашему зову всегда пойдет за вами. Он только должен знать, куда ему нужно следовать.

---

[1]) «Народный» — исправлено.

Данилов Ф. А. Практическое предложение фракции. Мы просим поручить управе обратиться в возможно скором времени к населению с изложением и резолюции и содержания всего сегодняшнего собрания с указанием, что Городская Дума и управа существуют и никогда не сложат без законных оснований своих полномочий.

Председатель. Заканчивая собрание, должен заявить, что товарищи гласные, собравшиеся здесь, сумели в ответ на угрозу сохранить полное присутствие духа и гражданскую смелость провести это собрание так, как предполагалось быть проведено [1]), причем наши товарищи солдаты не только нам не помешали, а помогли нам провести собрание даже лучше и полнее, чем нами ожидалось.

(Собрание закрыто в ... час. ... мин. дня.)

Стенограмма заседания Московской Городской Думы 22 ноября 1917 г. [2]).

Собрание Московской Городской Думы 22 ноября 1917 года.

Собрание открыто в ... [3]) час... мин. под председательством О. С. Минора, в присутствии следующих гласных...[3]).

Сверх того в собрании присутствовали... [3]).

В собрании происходило следующее.

Председатель (открывая собрание Думы). Предстоит обсудить вопрос о создавшемся положении в работе как Думы, так и управы и некоторые соприкасающиеся вопросы.

Должен попросить разрешения Думы. Здесь имеется два представителя от торгово-промышленных служащих — Васильев и ...[4]), которые делегированы от объединенных исполнительных комитетов советов депутатов торгово-промышленных служащих города Москвы и Китай-Города на заседание Думы, имеющее быть 22 ноября в здании университета имени Шанявского. Они как приглашенные и присутствуют здесь. (Голоса: «Просим!») Здесь присутствуют также представители от союза союзов земских работников и почтово-телеграфного союза [5]).

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Подлинник написан на пишущей машинке.

[3]) Далее в подлиннике пропуск.

[4]) Витишников, В. И.

[5]) Кроме указанных Васильева и Витишникова присутствовали: от городского комитета партии народной свободы — Эльяшев, Л. Е.; от меньшевистской фракции областного исполнит. комитета с.-р. и с.-д. — Резников, И. Э. и Гильман, Р. С.; от объединенной организации работников общественных и общественно-правительств. учреждений — Ржевский, В. Н. и Бота, И. С.; от совета п.-т. организаций Московского узла — Миллер П. Н.; от исполнит. к-та всеросс. союза союзов земских работников — Попов, М. П.; от Московской группы народно-социалист. партии — Лидов, П. П. и Мельгунов, С. П.; от исполнит. к-та московского губ. Совета Крестьянских Депутатов — Алейник, Я. С.; от московского к-та «Единство» и др.

Коварский И. Н. В тяжелых условиях, в которых сейчас приходится работать городскому управлению, может быть, в данную минуту мы в первый раз можем констатировать некоторый проблеск: нет того штыка, с которого начинается всякое действие городского управления, действие Городской Думы и действие городской управы. Может быть, мы накануне его. Это покажет ближайшее будущее. Городской Думе прекрасно известно из прессы, которую городская управа пыталась всемерно информировать, насколько тяжелы те условия, в которых протекает работа городского управления во всех отраслях городского хозяйства. Гражданское управление совершенно вырвано из рук городской управы. Милиция находится в состоянии полной распыленности, и охрана общественной безопасности целиком или почти целиком передана в руки самого населения, которое кустарными способами пытается защитить себя от того произвола и насилия, которые воцарились ныне в Москве. Все отрасли хозяйства, весь хозяйственный аппарат с каждым днем все более и более уплывает из рук городского управления. С 15 октября и до настоящего момента, может быть, можно было бы сказать, что качественно ничего не изменилось. Как тогда насилие и захват царили во всех частях городского управления, так это имеет место и сейчас. Но количественно мы докатились до такого состояния, чаша насилия переполнилась до такой меры, что это количество обратилось уже в качество, и мы можем сказать сейчас, что если ничего не прибавилось нового к тому, что было 15 октября, то все же какое бы то ни было в дальнейшем ответственное ведение городского хозяйства становится совершенно немыслимым. Мне не хотелось бы повторять все то, что, несомненно, известно большинству из здесь присутствующих, но, тем не менее, основные этапы позвольте пересчитать. Самочинный Совет Районных Дум, образованный в составе 84 представителей Районных Дум из почти 750 гласных, избранных московским населением, взял на себя смелость заменить все городское управление, избранное прямыми, всенародными выборами 25 июня сего года. Его органы, органы этого Совета Районных Дум, его комиссары каждый день неусыпно нарушают нормальную работу городского управления. Все здания, места канцелярий и другие учреждения городской Думы и городской управы почти все уже заняты этими комиссарами. Не далее, как несколько минут тому назад, и последнее прибежище, в котором городская управа мало-мальски хотя бы была в состоянии нести работу — дом Лобачева, оказалось занятым вооруженными силами, и член управы, пришедший оттуда, заявил нам, что с него было взято слово, — которого он, конечно, не дал, — что он не явится сюда вновь, если не желает быть арестованным, что он отпускается только для первого случая, для первого раза. Таким образом, это последнее прибежище, где находила возможность работать городская управа, точно так же отнимается вооруженною силою.

Состояние, в которое попадают различные отрасли городского хозяйства, граничит порою с ужасом. То положение, в которое попали

наши городские больницы, лазареты и госпитали, переходит все меры того, что еще может быть в мало-мальской степени терпимым. В больницах и лазаретах больные оставлены без молока и, может быть, уже в ближайшие грядущие дни останутся без пищи. В больницах не производится оплата служащим, и служащие в буквальном смысле слова лишены возможности существовать. Все средства, которые шли на это из городского источника, средства, которые передавались правительством, сейчас отсутствуют. Правительственные суммы задерживаются в государственном банке, который захвачен, и откуда не передаются никакие суммы, принадлежащие городскому управлению как для больниц, так и для беженцев, для выдачи солдатских пайков, для детских приютов и других учреждений, содержимых на правительственные средства. Городская касса совершенно пуста, потому что никакие поступления туда немыслимы. Поступления, идущие в местные городские кассы, все задерживаются и распределяются на местах. Городская управа лишена таким образом какой бы то ни было возможности планомерно распределять свои средства и должна оставлять совершенно без средств те учреждения, которые не имеют собственной кассы.

Уже этих данных, я полагаю, достаточно, чтобы утверждать, что всякая ответственность за городское хозяйство при таких условиях немыслима. А дальше грядут еще более серьезные, может быть, ужасные бедствия для населения города Москвы. Расхищаются продукты, предназначенные для продовольствия города Москвы. Планомерное распределение их, с захватом продовольственных лавок и других городских учреждений, становится невозможным. Расхищается топливо, и весь план распределения топлива между всевозможными потребителями — городскими и частными учреждениями нарушается в такой мере, что в самом скором времени, может быть, мы увидим остановившиеся, за отсутствием топлива, промышленные предприятия и выброшенными на улицу тысячи и десятки тысяч рабочих. Топливо захватывается для отдельных отраслей городского хозяйства, того хозяйства, которое имеет сейчас наиболее сильную в Москве группу рабочих, и распределяется вне зависимости от того соотношения, в котором топливо должно быть распределено по городу Москве. Может быть, в ближайшем времени трамвай должен будет стать, если не будет взято топливо из той части, которая принадлежит промышленным предприятиям. И перед нами и перед рабочими откроется дилемма—что должно быть закрыто: трамвай или промышленные предприятия. Какое расслоение это способно внести в рабочую среду, это всем ясно.

Мы стремились всеми мерами поддерживать ту хотя бы минимальную возможность так или иначе планомерно проводить те задачи, которые перед нами стояли раньше. Так или иначе мы стремились поддерживать те предприятия, которые остались в наших руках в Москве и вне пределов Москвы. Но и вне пределов Москвы большевистским восстанием созданы такие условия, при которых поддерживать москов-

ское городское хозяйство становится чрезвычайно затруднительным. Заготовка леса, например, совершенно приостановлена, потому что крестьяне не везут и не дают этот лес в силу тех условий, которые сейчас сложились. Торфяники, находящиеся вне пределов Москвы, должны быть приостановлены за отсутствием денег и за отсутствием возможности передать туда эти деньги.

Все то, что было ясно в первые дни, то, что сейчас изменилось только количественно, но в силу чего можно было и в первые дни говорить, что нельзя вести городское хозяйство, все то, что теперь в смысле количества образовалось с 15 октября по 22 ноября, — все это теперь уже должно быть названо тем качеством, в силу которого ведение дальнейшей работы городского хозяйства становится немыслимым, в силу чего управа должна, фактически отстраненная от этих работ, снять с себя всякую ответственность, возложив ответственность на те элементы, которые взяли в свои руки власть и распоряжаются судьбами городского управления и городского хозяйства.

Позвольте мне на этом закончить то кратенькое слово, которое я от имени городской управы должен был предложить Городской Думе.

По соглашению с фракциями, я бы мог огласить ту резолюцию, которая предположительно, на основании всех тех данных, которые междуфракционное совещание имело и от городской управы получило, была выработана в качестве проекта [1]):

Эта резолюция подлежит еще дальнейшей редакционной, — как мне заявили в междуфракционном совещании, — обработке в междуфракционном же совещании гласных.

Председатель. Не желает ли кто высказаться по поводу резолюции? Желательно, чтобы высказались от каждой фракции.

Астров Н. И. Позвольте мне в очень коротких словах заявить, что мы присоединяемся к этой резолюции. Мне хотелось бы только сделать еще несколько дополнений. Руководителей большевиков, захватчиков и насильников, — мы так хорошо установили термин и больше не будем изыскивать новых, мы достаточно определили наше отношение к этим преступникам, насильникам, изменникам и предателям народного дела, — мы должны признать, что руководителей их, главным образом, вдохновляют беспримерная наглость и невежество. Подходя к городскому делу, они думают, что, распыливши его, бросивши его под руководство людей, не понимающих и не могущих вести и обнять это дело в целом, они как будто бы в состоянии будут хоть что-нибудь сделать с городским хозяйством. Это невежество определяет, главным образом, их отношение к делу. Городскому хозяйству нанесен сейчас удар, я не хочу сказать, чтобы смертельный, но, во всяком случае, удар, от которого городское хозяйство очень не скоро оправится, даже если бы наступили благоприятные условия в жизни страны. Для

[1]) В подлиннике далее пропуск. Приводим ниже (стр. 109) эту резолюцию, напечатанную в «Русских Ведомостях» от 23 ноября (ст. с.) в качестве «Постановления Думы».

настоящего же времени мы имеем картину полного разрушения городского хозяйства и неисчислимые бедствия для населения. Захватчики в массе не ведают, что творят. Что же касается руководителей, то какое им дело до городского хозяйства, когда они погубили Россию, отдали ее связанную по рукам и по ногам с завязанными глазами, обманутую и обесчещенную, в распоряжение немцев!

Городская управа уже два раза нам заявляла, что городское хозяйство фактически вырвано у нее из рук и что по долгу совести она не в состоянии ответствовать за ведение городских дел и не в состоянии руководить ими. С каждым днем положение становилось все труднее, и те, может быть, призраки, которыми хотели мы ободрить городскую управу и себя утешить, с каждым днем все более исчезали. Теперь городская управа свидетельствует перед нами, что городское дело вырвано совсем и что городское хозяйство, которое собиралось десятилетиями, уже не может вестись законными органами городского управления. Нам придется признать, что органы городского общественного управления действительно лишены возможности ответствовать перед населением за ведение городского дела, захваченного насилием, и заявить населению города Москвы, что городское хозяйство приходит в полное расстройство и разрушение, а ответственность за это разрушение падает целиком на захватчиков и насильников.

По поручению моих товарищей, мне хотелось бы просить Думу также выразить свою глубокую признательность и благодарность городской управе за стойкое выполнение долга перед населением в деле охранения интересов этого населения и охранения городского хозяйства и в то же время хотелось бы все-таки сегодня выразить надежду, что городская управа совместно с Городской Думой, в меру сил и возможностей, будет продолжать защищать интересы населения города Москвы. Делая это предложение от имени моих товарищей, я бы позволил предложить еще Городской Думе, — хотя именем ее, кажется, эти действия уже совершены, — послать наш горячий привет Петроградской Городской Думе (Г о л о с а: «Браво»), которая испытывает такое же тягостное положение, как и мы, приветствовать Петроградскую Городскую Думу, которая подверглась насилию со стороны бесчинных насильников, и выразить уверенность, что через теснины и страдания мы все-таки дойдем до целей, которые сейчас стоят перед Россией, и что городские общественные управления, созданные волей населения, созданные на основе драгоценного завоевания революции — всеобщего избирательного права, что городские общественные управления, пережившие испытания, будут теми основаниями и базами, на которых создастся государственная власть. (А п л о д и с м е н т ы.)

Н е с т е р о в с к и й Б. Ю. Фракция с.-р. всецело присоединяется к этой резолюции. Со своей стороны, фракция с.-р. присоединяется и к тому предложению выразить благодарность нашему исполнительному органу, нашей управе, которая честно и мужественно

выполняла свой долг. (Аплодисменты. Голоса: «Да здравствует управа».) Но, вместе с тем, мы думаем, что положение вещей не соответствует тому, чтобы возлагать на управу те обязанности, которые в настоящее время нет фактической возможности выполнить. Мы знаем, что перед управою кладутся не только препоны в ее деятельности, но что нынешние властители города не останавливаются перед тем, чтобы в своем творческом восторге,—я бы сказал творчества обезьяньего, потому что это производит такое же впечатление, — как когда обезьяну выпустят на свободу, она старается подражать людям и что-то делать,—ничего кроме разрушения произвести не может [1]). Когда мы имеем перед собою взбесившихся обезьян, то, во всяком случае, совместная работа с ними невозможна.

Мы выслушали только что мартиролог городского хозяйства. Неужели управа, лишенная какого бы то ни было аппарата, может что-нибудь сделать? В силу сего мы предлагаем ограничиться выражением благодарности управе и отнюдь не настаивать на том, чтобы управа делала то дело, которое делать в настоящее время нельзя. Что же касается резолюции, то мы полагаем, что некоторые редакционные изменения в нее внести нужно. Нужно более ярко и более отчетливо подчеркнуть преступную деятельность тех лиц, именующих себя народными комиссарами, список которых когда просматриваешь, не знаешь, с чем имеешь дело: со списком народных комиссаров или со списком лиц уголовной подсудности. (Голоса: «Правильно!») Эти соображения фракция поручила мне передать.

Брюхатов Л. Д. Фракция народных социалистов поручила мне заявить, что мы целиком присоединяемся к выражению благодарности, которое уже было высказано представителями двух фракций нашей управе, которая сделала с нашей точки зрения все, что можно было сделать при тех условиях, в которые была поставлена ее работа. Доказывать правильность всей той мотивировки и всего того фактического положения, в котором находится в настоящее время городское хозяйство, нет надобности. Слов сказано много. Мы целиком присоединяемся ко всем предложениям по существу, но, конечно [2]), маленькие редакционные поправки будут нами своевременно сделаны, когда текст этой резолюции будет обсуждаться в междуфракционном совещании совместно с управой. Мы присоединяемся и к резолютивной части, где говорится, что при создавшемся положении управа не может продолжать своей борьбы, не может отвечать за ход городского хозяйства в Москве. Мы констатируем, что положение создалось такое, когда управа должна устраниться и сложить с себя ответственность за дальнейшее ведение городского хозяйства.

Романов А. Б. Мы целиком присоединяемся к этой резолюции и только констатируем, что тот план, который был намечен

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Зачеркнуто далее «те».

с самого начала и на котором мы настаивали, — что нельзя складывать руки перед идолом, воздвигнутым народной темнотой, что нужно этому идолу противопоставлять все то живое, творческое, что есть в русской революции, — этот метод борьбы политической, несомненно, принесет свои плоды. Я надеюсь, что как бы ни было тяжко тем, кто в данном случае проводит линию Городской Думы, — я говорю о городской управе, — как бы ни было им тяжко проводить эту линию, я надеюсь, что и в будущем члены управы будут готовы проводить ее, хотя вместе с ними Городская Дума, фигурально выражаясь, и упадет, быть может, под штыками насильников. Эта линия будет вестись, я надеюсь, и впредь, и мы надеемся, что она принесет свои плоды. Та сила, на которую опираются идолы народной тьмы, несомненно, с каждым днем все-таки разрушается, разрушается в силу естественного хода вещей. Гнилостный процесс, который начался не сегодня, продолжается, и если мы находили до сих пор необходимым не складывать оружия и продолжать политическую борьбу, то я утверждаю, что тот план, который намечен, мы будем проводить в жизнь. Я бы хотел обратить внимание Думы на то, что нам, может быть, нужно будет быть готовыми к еще большей активности в том смысле, что, взяв на себя инициативу разгона городских общественных самоуправлений, насильники, в силу логики, которая имеется, в конце концов, и у них, вынуждены будут делать дальнейшие акты насилия. Пока что мы знаем, что они проводят в жизнь разгон Думы, не давая возможности работать городской управе, не давая ей возможности исполнять возложенные на нее обязанности. Они свою декларацию о необходимости окончательного персонального уничтожения данного состава Городской Думы постараются исполнить, и то, что уже перед Петроградскою Думою стало в порядок дня, в недалеком будущем станет и перед Московской Думой. Те самые выборы, которые, должно быть, будут назначены в Москве если не завтра, то через неделю, будут произведены. Попытка в этом отношении будет сделана. Необходимо всем нам, всей Городской Думе, к этому моменту приготовиться, чтобы мы не только сказали, что мы игнорируем их решение, но чтобы своевременно мы могли призвать население к активному бойкоту этого, так называемого, нового избирательного закона, который в Москве издан. Я думаю, что в этом отношении все те поручения, которые мы давали городской управе, правильны и своевременны. В тот момент, когда это будет, городская управа нас осведомит об этом, чтобы мы успели за несколько дней призвать население к бойкоту этого сверх-насилия, которое они хотят совершить в городе Москве. (Аплодисменты.)

Председатель. Не желает ли кто высказаться от фракции объединенных социал-демократов?

Сысин А. Н. Уже недели две тому назад в газете «Вперед» было опубликовано мое письмо о переходе моем во фракцию меньшевиков, так что я больше во фракции объединенных социал-демократов не состою. (Аплодисменты.)

Руднев В. В. Позвольте выразить благодарность от имени управы Московской Городской Думе, поддерживающей нас в действительно тяжелой борьбе, которую мы ежедневно ведем. Борьба эта тяжела не потому, чтобы мы считали сколько-нибудь право на той стороне. Борьба эта тяжела потому, что эта борьба ведется ежедневно булавочными уколами насилия по частям. Сейчас продолжается тяжкий, затяжной период. Из этого периода мы не вышли, и мы этого периода не будем оканчивать раньше того времени, пока Учредительное Собрание скажет, что эту борьбу пора прекратить. До Учредительного Собрания мы будем вести эту работу так, как ее сможем вести. (Аплодисменты.) То, что сегодня мы считали своею обязанностью сказать здесь, что мы считали сказать должным с точки зрения обрисования того положения, которое создалось, чтобы население знало, Московская Дума знала, что все наши усилия в этом отношении разбиваются о силу штыка, о силу заблуждения широких народных масс. То, что остается в наших руках, — сила оружия общественной правды, это оружие мы никогда не сложим, и в этом отношении ни московская управа, ни Московская Дума, конечно, ни на какие компромиссы с насильниками не пойдут. Позвольте сказать в двух словах о том положении, которое есть. Оно было более подробно изложено И. Н. Коварским. Мы встречаемся с аппаратом, главным образом, того [1]) господства силы, не знающего ни закона, ни права. С ним мы встречаемся в Москве. Городские служащие остаются на почве определенной идеологии, идеологии первого периода русской революции. Рабочие же массы идут стихийно за Военно-Революционным Комитетом во имя определенных законов стихийного движения. Аппарат городского хозяйства, аппарат городского управления разбит. Мы им не владеем в настоящее время. Наконец, те [2]) материальные источники, которые помогли бы нам, быть может, — мы надеялись на это, — реально осуществлять наше руководство городским хозяйством, — финансы, этим источником мы не располагаем отчасти благодаря захвату Государственного банка в Петрограде, отчасти благодаря разрушению кредитного дела в Москве. Мы не имеем средств, чтобы продолжать неотложную работу городского управления. Те заявления, которые были сделаны здесь, обрисовали фактическое положение вещей. Отсюда вывода принципиального, т.-е. санкционирующего полный отход, санкционирующего сложение с себя определенных формальных полномочий, мы не делаем и сделаем вместе с Городской Думой тогда, когда мы захотим, — или через апелляцию к Учредительному Собранию или учитывая свободно политическое положение дел в стране. (Аплодисменты.) В настоящее время вотум народа проходит по всему лицу земли русской. То голосование, которое происходит теперь в Учредительное Собрание, скажет определенно и ясно, пошла ли страна

[1]) В подлиннике «того» взято в скобки карандашом.
[2]) Повторено «те» два раза.

за большевиками или нет. Тот вотум, который выяснится на-днях, должен будет быть учтен и Московской Думой. Московская Дума скажет тогда, как она поступит. Тогда, учтя все результаты голосования в Учредительное Собрание, перед Московскою Думой, вероятно, по инициативе отдельных фракций, станет вопрос о дальнейшей нашей тактике. Но так или иначе эта тактика Московской Думы должна быть связана с Учредительным Собранием. Решать вопрос о судьбе московского городского самоуправления только за себя, за Москву, мы не имеем права. Такое же положение, как в Москве, существует и в других местах. Решить в этом отношении вопрос сепаратно мы не имеем права. В той или иной степени мы должны быть связаны в этом вопросе с Учредительным Собранием. Если Учредительное Собрание подверглось бы насилию захватчиков, то для России, для народа не осталось бы ни одного выхода, кроме сплошной черной анархии. Те усилия, которые нами не должны быть сделаны порознь, сепаратно, во имя защиты гражданского долга и защиты по всему лицу земли русской в связи с отдельными муниципалитетами, эти усилия должны быть твердо и организованно сплочены на поддержку Учредительного Собрания, в котором выход для нас и для всей страны.

Председатель. Не желают ли выразить свое мнение представители разных общественных организаций и союзов, которые здесь присутствуют? Здесь присутствуют представители: главного комитета всероссийского земского союза в лице N. N. [1]) Потехина, представители партии народной свободы; н.-с. партии, всероссийской организации «Единство», исполнительного комитета всероссийского союза союзов земских работников; областного совета рабочих депутатов и совета делегатов служащих торгово-промышленных фирм, а также почтово-телеграфного союза.

Представитель организации «Единство». Граждане гласные Городской Думы! Наша фракция не входит в ваш состав, но мы сочли своим долгом в эти тяжелые дни, когда мы должны были, под риском разгона, каждый раз являться сюда, когда нас приглашала сюда Городская Дума, мы считали это своим гражданским долгом.

Позвольте вам заявить следующее. Мы полагаем, что вы, избранные волею московского населения, ни в каком случае сейчас не можете, и больше того, вы прямо не смеете расходиться и распускать себя. Нам всем, людям сознательным, конечно, то, что сообщено гласным Коварским, слушать было крайне тяжело. Но я должен сказать так. Как бы ни было тяжело нашей управе, как бы ее всюду ни стесняли и какие бы ей всюду ни ставили препоны, она должна поступать так, как поступает капитан на гибнущем корабле, когда он бросает свои обязанности только тогда, когда труба покрыта водой. Я выражаю мнение не только своей организации, но и той новой московской силы,

[1]) «N. N.» вписано карандашом.

которою является демократический блок, который шел на выборах под № 8. И вот и от имени этого блока я скажу управе: несмотря на все препоны, она обязана не бояться поставить в случае чего свою личную неприкосновенность под удары и даже, может быть, под штыки. На Городской же Думе [1]) Москвы лежит другая высокая обязанность. До тех пор, пока воля всего народа не будет выражена Учредительным Собранием, ни в каком случае не распускать себя и ни в каком случае не признавать силы и власти тех захватчиков, которые вас разгоняют, а потому я полагаю, что на тот акт нового избрания, который предполагается сделать 25 ноября, Городская Дума должна ответить только одним: предложить московскому населению бойкотировать выборы в Думу, потому что она выбрана законно и, пока не истекут сроки ее полномочий, она будет единственною выразительницей воли московского населения.

А с т р о в Н. И. Позвольте заявить, что мы решительно не знаем никаких выборов 25 числа или в декабре, так как большевики не справятся все-таки сами с собою, и выборов 25 ноября не произведут, и потому хотят произвести их в начале декабря. Не в Думе нужно говорить о том, чтобы бойкотировать эти выборы. Это работа политических партий, которые должны будут употребить всю силу своего влияния, чтобы эти выборы [2]) не осуществились. И они, конечно, не осуществятся.

Затем разрешите сказать два слова для устранения, как мне кажется, недоразумения. Гласный Нестеровский говорил, что присоединяется к сделанному мною предложению о признательности городской управе и отвергает, повидимому, вторую часть моего предложения. Между тем мне кажется, что в интересах ясности положения и в интересах того, чтобы население поняло нас, нужно сказать, что и Городская Дума и городская управа, в меру своих сил и возможности, будут продолжать защищать интересы населения г. Москвы. (Г о л о с а: «Правильно!») Если мы сегодня не скажем этого, то в мнении населения может сложиться такое представление: управа отошла, Дума санкционировала этот отход и сама растаяла в пространстве. Но это не так. Политическая роль нас, как представителей населения, остается. Мы можем собраться через несколько дней, и тогда наша Дума вызовет некоторое недоумение среди населения. Поэтому скажемте, не возлагая на управу того, что она не сможет выполнить, скажемте населению, что в меру сил мы будем продолжать защищать его интересы, насколько мы это сумеем и насколько это будет возможно. (Г о л о с а: «Правильно!»)

М и л л е р (представитель почтово-телеграфного союза). Я являюсь представителем почтово-телеграфной организации Московского узла. Здесь не было разноречивых пожеланий и разноречивых

---

[1]) В подлиннике: «Думы».

[2]) Зачеркнуто: «не осуществил».

слов по отношению к дальнейшему поведению московского городского самоуправления, конечно, законного в том его составе, в каком оно находится здесь. Наши организации настаивают на том, чтобы до Учредительного Собрания все то, что было, так и должно остаться, не обращая, поскольку возможно, внимания на то, что большевики считают себя властью и силою и производят всевозможные насилия и беззакония. Но если бы Учредительному Собранию грозила опасность, почтово-телеграфный союз, конечно, станет на защиту этого Учредительного Собрания и употребит все свое влияние и все свои силы, все то, что он может сделать, для поддержки законной воли народа. (Аплодисменты.)

Потехин (представитель земского союза). Как представитель главного комитета земского союза, после того небольшого разъяснения, которое было сделано городским головою, я могу исполнить свою обязанность и приветствовать городскую управу в мужественном выполнении ее долга, как бы трудно ни было его нести, который она приняла на себя и продолжает, повидимому, нести и в настоящее время. Позвольте нам, представителям одной из многочисленных организаций, которые в настоящее время все переживают тяжелое время насилия и захвата, позвольте нам приветствовать Московскую Городскую Думу на ее тяжелом, но славном посту. (Аплодисменты.)

Нестеровский Б. Ю. Я бы хотел разъяснить от имени фракции с.-р., что мы отнюдь не настаиваем на том, чтобы управа в настоящий момент сложила формально свои полномочия. Мы хотели бы только оттенить то обстоятельство, что, ввиду создавшегося положения, позиция управы до чрезвычайности трудна, и поэтому нужно особенно сильно подчеркнуть то, что всякая ответственность за какие бы то ни было действия в настоящее время на управу возложена быть не может, и относительно дальнейшего своего поведения управа должна руководиться тем фактическим соотношением сил и тем положением, которое может создаться каждый день.

Чернин (союз служащих кредитных учреждений). Граждане, я являюсь представителем союза служащих кредитных учреждений. Вы знаете, что и в Москве и по всей России эти учреждения были захвачены в первую очередь большевиками. Они пошли первоначально в Государственный банк, но частные кредитные учреждения являлись для них наиболее заманчивыми. Там были деньги, и туда хотелось пройти. Вы читали, что было в Саратове. Мои товарищи, делегировавшие меня сюда, разумеется, не могли признать власти захватчиков и насильников. Они твердо и определенно сказали, что ни комиссаров и никаких декретов, ими издаваемых, они признать не могут и не признают и впредь. И до сих пор кредитные учреждения, не признавая комиссаров и не выполняя велений их декретов, живут так, как они жили раньше. Вы знаете, что финансовый аппарат, чрезвычайно ценный орган для страны, разрушается в высшей степени, и с тем большею быстротой он был бы разрушен, если бы мы выполняли те безграмотные

декреты, которые издаются Советом Народных Комиссаров по банкам. Оценивая создавшееся положение, мы, служащие, должны сказать, что как лица, заинтересованные в наиболее нормальной жизни учреждений, должны решительно протестовать против того, что делается в этой области. Мы должны были бы не работать. Таковы создаются условия, но гражданский долг заставляет нас не оставлять населения без денег, и мы работаем, твердо говоря, что наши внутренние интересы мы временно откладываем в сторону, имея перед собою близкий срок созыва Учредительного Собрания с тем, чтобы восстать решительно и мощно на защиту этого органа, на защиту Учредительного Собрания, которое, может быть, спасет страну. В этом отношении Городская Дума и городская управа, — разумеется, мы признаем только прежнюю Думу и прежнюю управу единственными правомочными органами,— будут отстаивать интересы населения, как они делали это до сих пор, и доведут Москву вместе с нами до Учредительного Собрания. А после этого Учредительного Собрания определится, должна ли Дума в этом составе существовать дальше или нет.

М и л л е р. Я извиняюсь, что задерживаю вас еще раз, но, когда я кончал свое слово, здесь раздались возгласы: «Викжель». (Г о л о с а: «Не «Викжель», а «Потель».) Если «Потель», то другое дело. Я прошу не смешивать.

Б о т а. Товарищи! Я взял слово для того, чтобы сказать, что то объединение, представителем которого я здесь являюсь, безусловно разделяет точку зрения, поддерживаемую Думой, и будет поддерживать ее желание апеллировать к Учредительному Собранию по поводу незаконного акта — разгона Московской Думы и других городских самоуправлений. Мы все объединились под влиянием текущего момента с целью координировать свои действия при выступлениях против захватчиков власти. Мы считаем, что наша работа может происходить только под руководством наших законных органов, и никакого вмешательства в нашу текущую работу мы дали слово друг другу не терпеть. Поэтому тот лозунг, который выставлен товарищами городскими служащими, то выступление, которое намечается служащими московского городского самоуправления, встретит самую горячую поддержку того объединения, представителем которого я являюсь. Мы, работники всех общественных и общественно-правительственных учреждений, объединились. Это молодое объединение поставило себе широкие задачи. Оно желало создать более крепкий союз, и ближайшая его цель — чисто политические выступления, потому что все резолюции, которые были оглашены на первом делегатском собрании, говорили об одном и том же, что работать с этим вмешательством мы считаем невозможным. До прекращения работ, которое мы считаем нежелательным, мы будем противодействовать этому вмешательству. (А п л о д и с м е н т ы.)

П р е д с т а в и т е л ь с о в е т а д е п у т а т о в т о р г о в о - п р о м ы ш л е н н ы х с л у ж а щ и х. Я, как представитель

совета депутатов торгово-промышленных служащих, в первую очередь приношу благодарность Думе и управе за их до сих пор очень тяжелую работу. Я присоединяюсь к тем ораторам, которые говорили, что Дума, как и управа не имеют права оставлять своего поста и должны работать всеми мерами не в той плоскости, в которой они работали до сих пор, а в плоскости политической борьбы. Дума, избранная всем населением города Москвы, пользуется симпатиями населения, и если она оставит свой пост [1]), то не будет того органа, не будет того центра, вокруг которого могли бы сплотиться здравомыслящие элементы города Москвы. Мы должны иметь определенный пункт, который выражал бы нашу волю.

Я думаю, что мы должны коснуться того момента, который в ближайшем будущем наступит. Городская управа дальше работать не может. С другой стороны, служащие городской управы отказываются работать с большевиками. Что будет с этими служащими, если они не будут работать у большевиков? Насколько мне известно, большевики намереваются расчитать служащих. В таком случае, может быть, несколько сот человек (Г о л о с а: «20 тысяч человек»)... 20 тысяч человек окажутся на улице. К этому вопросу мы должны подойти вплотную. Мы должны сказать, что мы должны сделать, если они окажутся на улице. Наша обязанность заботиться всеми мерами о тех, которые заботились о нас. Мы должны облегчить им, может быть, те немногие дни, которые остались нам до Учредительного Собрания, когда настоящий хозяин нашей России скажет нам, кто же, наконец, является хозяином города Москвы.

Что касается торгово-промышленных служащих, то совет депутатов соберется на этой неделе. Он поставит на повестку этот вопрос и выразит свое мнение. Но одних торгово-промышленных служащих недостаточно. Вы все должны принять меры и дать каждый то, что он может дать, если эти 20 тысяч человек окажутся на улице.

Затем я должен сказать, что мы не должны только ограничиваться посещением собраний Думы и управы. Вы знаете, господа, что настоящее положение создалось благодаря темноте масс. Мы должны просвещать массы. Конечно, мы не можем противопоставить штыкам штыки, но мы имеем могучее оружие, и эта сила есть слово. Это слово оказывает свое действие. Мы должны работать в этом направлении, мы должны бороться и поддерживать всеми мерами Думу и управу. (А п л о д и с м е н т ы.)

В е л и х о в П. А. Я бы предложил Думе благодарить представителей всех общественных, политических и демократических организаций, которые своим присутствием в наших последних заседаниях поддерживают нас в нашей тяжелой борьбе за свободу и право. Я бы предложил Думе благодарность эту распространить и на ту учащуюся молодежь, которая в эти последние заседания, и не будучи приглашен-

[1]) В подлиннике: «поста».

ной, тесной стеною окружает нас всегда, и я чувствую, как старый лектор, что она душою с нами. Да мы это и знаем. Она на деле показала, что стоит за свободу и за право. Если юношество с нами, значит, будущее за нами, т.-е. будущее за свободою и за правом, будущее за теми идеалами, которые мы все время исповедуем. (Аплодисменты. Голоса: «Браво».)

Председатель. Товарищи и граждане! Я полагаю, что можно считать прения по этому вопросу законченными.

Я не перечитываю той резолюции, которая в общих чертах была сообщена товарищем городского головы Коварским, и прямо предлагаю баллотировать ее. Она потом подвергнется редакционной переработке.

«Московская Городская Дума, ответственная перед населением города Москвы за то достояние, которое ей было вручено волею народа 25 июня сего года, считает своей обязанностью сказать населению всю правду о нынешнем состоянии городского управления и городского хозяйства. Воля народная нарушена, над избранниками Москвы, над Московскою Городской Думой и управой насильничает штык, направляемый рукой большевиков. С тех пор, как власть захвачена большевиками и все достояние Москвы попало в руки безответственных людей, городское общественное самоуправление и все городское хозяйство быстро идут к разложению и гибели. Городская Дума, всенародно избранная прямым голосованием миллиона московских граждан, и городская управа объявлены распущенными незаконным приказом самочинной и безответственной организации, именующей себя Военно-Революционным Комитетом, и насилием лишены возможности творить волю своих избирателей. На место Думы и управы, при помощи ничтожной группы 84 большевиков из Районных Дум, противно всем законам Российской республики и воле населения, поставлен так называемый Совет Районных Дум. Неизвестные Москве, не уполномоченные ею лица, называющие себя комиссарами Военно-Революционного Комитета, при содействии вооруженной силы, насильничают над лицами и учреждениями московского городского управления, внося всюду разлад и беспорядок. Служащие городского управления призываются к неподчинению законом и волею населения поставленным органам, и насилием над их совестью, отбиранием различного рода подписей большевики пытаются внести раскол в среду работников общественного управления. Городские рабочие, введенные в обман соблазнительными, но неосуществимыми обещаниями безответственных вождей большевизма, не признают власти законных органов городского управления и, направляемые большевиками, становятся также на путь насилия и захвата, грозящих неисчислимыми бедствиями московскому населению. Опытные и заслуженные городские работники, честно служившие городу десятки лет, устраняются без всякого внимания к интересам дела и даже к профессиональным правам этих лиц. На их места назначаются новые люди из низших служащих, не имеющие

ни опыта, ни знаний, вносящие своими распоряжениями полное расстройство в городское хозяйство. Остающиеся до сих пор на местах, верные служебному долгу и гражданскому чувству, служащие поставлены под угрозу ежеминутного насилия. Ни одно учреждение не гарантировано от вмешательства грубой силы, и законно избранная городская управа работает в атмосфере постоянного вмешательства большевистского штыка. Городская управа захвачена вместе со зданием, в котором находится канцелярия Думы и управы. Никакие налоги и сборы поступать не могут. Касса пуста, и громадная армия городских служащих оставлена без всяких средств к существованию. В то же время из захваченного большевиками Государственного банка, будто бы за счет городского займа, растаскиваются миллионы народного достояния, и за счет их производятся платежи городским рабочим. Поступления в местные кассы различных предприятий распределяются рабочими тут же на месте, и городская управа лишена, таким образом, возможности планомерно распоряжаться городскими средствами и распределять их по другим отделениям, не имеющим самостоятельного прихода. Прекращены всякие платежи поставщикам, и важнейшим городским предприятиям угрожает остановка за недостатком сырья и других материалов. Рабочие останутся без зимнего обмундирования. То небольшое, что делала еще Москва для снабжения армии, должно будет приостановиться.

С великим трудом и заботами поддерживавшееся все время снабжение Москвы продовольствием и топливом разлаживается. Продовольственные лавки и столовые захватываются, продукты расхищаются, равномерное распределение продуктов среди населения и питание беднейших его слоев затрудняются до чрезвычайности. В такое же положение поставлена деятельность городского управления по обеспечению населения топливом. Топливное хозяйство городского управления действиями большевиков совершенно расстроено и движется к неизбежному краху. Рудники и нефтяные разработки должны будут остановиться вследствие недостатка денег. Расстройство денежного обращения привело к прекращению дальнейшей разработки леса и уменьшению поступлений топлива в Москву. Начавшееся расхищение городских запасов топлива самочинным большевистским Советом Районных Дум грозит привести к замерзанию больниц, госпиталей, жилых домов и важнейших городских предприятий. Планомерная разверстка топлива между московскими потребителями теперь нарушена, что грозит привести к остановке многих московских фабрик и острой безработице, грозит остановкой городскому трамваю, так как прибытие нефти для трамвая почти прекратилось, или же дальнейшее снабжение трамвая нефтью из нефтехранилищ частных фирм оставит без топлива ряд предприятий и домов. Больницы, госпитали и лазареты поставлены в исключительно тяжкое положение. Задержанные большевиками в Государственном банке $6^1/_2$ млн. рублей за октябрь лишают городскую управу возможности нормально питать больных и закупать меди-

каменты. Больничные служители, рабочие, няни, по требованию Военно-Революционного Комитета, в большинстве своем не подчиняются распоряжениям администрации и врачей и делают нормальный уход за больными невозможным. Предназначенные для раздачи пайка солдаткам и увечным три миллиона рублей были также задержаны большевиками. Не переданы городской управе и суммы, предназначенные Временным Правительством для беженцев, для приютов беженских детей и учащихся. Совершенно прерваны работы отдела по народному образованию, школы остаются без топлива, дети — без завтрака. В то же время, наряду с угрожающей обстановкой хозяйственной и материальной необеспеченностью московского населения, нарушен и весь аппарат гражданского управления вместе с аппаратом охраны общественной безопасности, и городская управа не в силах нести ответственность за последнюю. Среди вооруженных масс одной части населения и многочисленных темных элементов, в руки которых попало принадлежащее государству и городу оружие, население оказывается предоставленным почти исключительно своим силам и возможностям.

В этих исключительно тяжелых условиях, когда московское городское самоуправление, ограбленное и лишенное всякой защиты государственной власти, отдано во власть произвола и грубого насилия, Московская Городская Дума, по долгу совести, обязана заявить населению, что городская управа лишена возможности вести свою работу и поэтому не может нести ответственность за возложенные на нее обязанности. Вся ответственность за грядущие судьбы Москвы и ее городского хозяйства ляжет на властвующих и распоряжающихся ныне большевиков. В то же время Московская Городская Дума, не слагая с себя полномочий и не снимая их с городской управы, живет надеждой, что великий хозяин земли русской — Учредительное Собрание, на суд которого они представят все свершившееся, вернет населению Москвы завоевания революции, попранные и растоптанные нынешними властителями-большевиками».

Председатель. Позвольте констатировать факт, что резолюция принята единогласно.

Алферов А. Д. Представители партии народной свободы, гласные Думы, со своей стороны предлагают такое дополнение к этой резолюции: «Городская Дума выражает свою горячую признательность городской управе за стойкое выполнение долга перед населением и выражает уверенность, что управа, совместно с Думой, в меру сил будет продолжать защищать интересы населения г. Москвы».

Председатель. Я ставлю это добавление на голосование. (Добавление принято.)

Нам предстоит теперь высказать свое мнение по очень существенному вопросу, — по вопросу о предстоящей возможности прекращения работ всеми служащими городских предприятий. В настоящее время идет совещание межфракционное со стачечным комитетом. Я позволю

сделать перерыв на 10 минут, прежде чем мы получим сведения от этого совещания.

Руднев В. В. Положение несколько сложнее. Несмотря на все принятые меры, мы представителей стачечного комитета, которые могли бы выступить, не имеем. На межфракционном совещании вырабатывается проект резолюции, который, может быть, нащупал бы позицию Думы. Ввиду такого положения, может быть, стоило бы теперь приступить к известным выступлениям, потому что на почве этих выступлений создалась бы возможность выработки той или другой резолюции. Я бы считал возможным открыть прения, если бы кто-нибудь взялся сделать доклад. (Голоса: «Просим перерыва».)

Алферов А. Д. Партия народной свободы предлагала выразить привет Петроградской Городской Думе. Этот вопрос не был голосован.

Председатель. Это предложение, конечно, принято: приветствовать Петроградскую Городскую Думу и городского голову. (Аплодисменты.) Объявляю перерыв на 10 минут.

(Перерыв.)

Председатель. Объявляю заседание открытым.

Руднев В. В. По поводу предстоящей объявленной уже забастовки высших служащих сообщение, если бы это было угодно Думе, может сделать представитель стачечного комитета, имеющийся в наших рядах. Позвольте только сказать несколько вводных слов по этому поводу. Мы все знаем и помним, что городские служащие, так же как и Дума, накануне 25 октября понимали свои обязанности и долг граждан защищать идею народного права против покушения на нее насильников. Когда дальше борьба повела за собою насилие над самою Думою, служащие московского городского управления определенно и ясно стали на защиту попранного избирательного права. В связи с этим на служащих обрушился целый ряд оскорблений: устранение от службы, аресты, клевета всевозможного рода. Позавчера в газете Военно-Революционного Комитета вы могли увидеть подтверждение угрозы, что имена отдельных служащих за борьбу на этой почве будут специально опубликовываться в этой газете. Это было напечатано курсивом. Ясное дело, это — натравливание. В связи с этим объявлена забастовка, которая носит несколько двойственный характер. С одной стороны, служащие продолжают ту же политическую борьбу, которую они вели вместе с Московской Городской Думой в защиту определенной гражданской идеи, с другой стороны, объединенные в мощную профессиональную организацию, отстаивают права этой организации. Дума не призвана к тому, чтобы высказаться, целесообразен или нецелесообразен метод защиты профессиональных прав городскими служащими. Как в вопросе с городскими рабочими, — вопрос, который мы пережили больше месяца тому назад, — это, конечно, право организации, и мы все можем высказать надежду и полную уверенность в том, что при

защите профессиональных прав организации организация найдет способы к тому, чтобы удовлетворение неотложных интересов московского населения было обеспечено. Есть ряд предприятий, которые при этом, несомненно, должны продолжать функционировать. Мы должны сказать то же самое, что говорили, когда предвиделась забастовка других категорий. По вопросу о защите профессиональных прав этой организации Дума не имеет оснований высказаться. Но нам надо было бы высказать наше суждение по вопросу о том, целесообразно или нецелесообразно в настоящий момент путем забастовки городских служащих поддерживать ту общую политическую борьбу за восстановление попранных общенародных прав, которую мы не оставляем ни на одну минуту. На этот вопрос — целесообразно ли в настоящий момент забастовкою бороться за восстановление попранных народных прав, и надлежит Думе ответить. В управе на этот счет сложилось мнение, что накануне созыва Учредительного Собрания, по адресу которого раздаются уже недвусмысленные угрозы разгона его и роспуска, передо всем русским народом, передо всеми ответственными общественными элементами, стоит основная задача — охранить Учредительное Собрание, в котором — последняя надежда и последнее упование русского народа. С этой точки зрения общей задачи, которой должны быть подчинены все частные задачи, все частные выступления в защиту той же идеи, и следовало бы отнестись к вопросу о том, целесообразна или нет сейчас политическая забастовка городских служащих. На этот вопрос в управе существует мнение, что в защите идеи народоправства мы стоим перед сильнейшими испытаниями, и в этом отношении нужно все усилия объединить. Для защиты символа этой идеи и орудия этой идеи — Учредительного Собрания должна быть защита во всероссийском масштабе. К этой защите должны быть призваны все общественные ответственные элементы. Поэтому растрачивать силы до того времени, когда эта реальная угроза разгона Учредительного Собрания станет на очередь, до тех пор, пока около этой борьбы не будут объединены все силы российской демократии, до этого времени это выступление представлялось бы преждевременным. С этой точки зрения управа считала бы необходимым обратиться к товарищам служащим по поводу политической борьбы, а не профессиональной, с предложением эту свою борьбу за идею народоправства отсрочить до того момента, когда во всероссийском масштабе демократия будет защищать идею прав народа.

А с т р о в Н. И. Разрешите мне огласить резолюцию, которая была выработана городскою управой и представителями фракций. Оглашаю я ее только потому, что я обладаю таким почерком, что только сам могу разобрать. Резолюция следующего содержания [1]):

З и м и н. Гласные Московской Городской Думы! Тот проект резолюции, который вы принимаете, нас приглашает воздержаться

[1]) Далее в подлиннике пропуск. См. ниже стр. 106.

от объявления забастовки во имя поддержания идеи народоправства. Но дело в том, что, собственно говоря, именно борьба за эту идею народоправства поставила нас в положение, при котором нарушены уже и наши профессиональные права. Мы терпим, как профессиональная организация, потому именно, что мы осмелились стоять на точке зрения поддержки Московской Городской Думы и исполнительного ее органа, избранных всенародным голосованием. Если вы отнимете у нас таким образом элемент борьбы политической, то нам все-таки еще, может быть, придется эту забастовку поднять ради защиты наших профессиональных интересов. Эту оговорку я должен прежде всего сделать. Отсюда вытекает и другое положение, что если бы нам эту борьбу все-таки неминуемо пришлось бы вести уже как борьбу профессиональную, то для того, чтобы у этой борьбы не отнимать того знамени, которое нас все-таки наиболее объединяет, мы, по всей вероятности, с этим вашим вотумом считаясь, не сумеем его только принять к исполнению. Если нам не удастся отстоять минимальных прав нашей профессиональной организации, если нам не удастся отстоять целесообразной постановки ведения городского хозяйства в этот тяжелый момент и если нам придется начинать все-таки борьбу и борьбу путем забастовки, то с этой забастовки я не мыслю снять политического элемента, и я думаю, что организация городских служащих идею народоправства именно понесет, как знамя, во главе этой борьбы.

Руднев В. В. Я хотел только сказать, что если обстоятельства, если продолжающееся насилие вынудят городских служащих — при защите хотя бы профессиональных их прав — на забастовку, то все содействие, вся моральная поддержка и вся поддержка Московской Думы будет на стороне городских служащих. (Аплодисменты.)

Бота. Товарищи и граждане! Выступая вторично от объединенной организации работников общественных и общественно-правительственных учреждений, я должен сказать, что вопрос о предстоящей забастовке у нас детально разбирался. Взвешивались все возможности. Взвешивался вопрос о целесообразности ее проведения в настоящее время. Мы так же, как и Городская Дума, считаем, что этот вопрос, который поставили на своем знамени городские служащие — борьба за идеи народоправства, в настоящее время безусловно стоит очень остро. Но мы стоим перед необходимостью, весьма вероятной необходимостью, почти наверное выступить на защиту Учредительного Собрания, как это говорил товарищ Руднев. Поэтому вся наша работа идет на сплочение и объединение, идет на подготовку принять решительный удар, который мы должны безусловно отразить со всею стойкостью. Ввиду этого, мы, всецело принимая предложение товарищей городских служащих, говорим, что, если им придется нести эту борьбу, вся наша поддержка будет на их стороне. Мы примем все меры, чтобы помочь им и морально и материально. Но мы также призываем их воздержаться от этой забастовки исключительно только в целях политических, потому что в ближайшем времени предстоит эта борьба в боль-

шем масштабе, во всероссийском, для чего мы должны сейчас готовиться и беречь все наши силы и укрепляться, елико возможно. Вот каково решение нашей организации. Нами предпринимаются шаги, чтобы помочь городским служащим, если они выступят. Но мы призываем их воздержаться от этой забастовки.

Председатель. Прежде, чем закончить собрание, я проголосую прочтенную Н. И. Астровым резолюцию, которая будет окончательно проредактирована в особой комиссии.

(Резолюция принята всеми против двух голосов [1]).

«Накануне созыва Учредительного Собрания попраны права народа, насильственно захвачено и разоряется городское общественное хозяйство.

Городские служащие в полном сознании своего гражданского долга самоотверженно продолжают свою борьбу по защите идей народоправства, продолжают работу по ограждению интересов населения г. Москвы и охранению городского хозяйства от разрушения. Доведенные до крайнего негодования обрушившимся на них со стороны захватчиков посягательством на их права и достоинство и гонениями, превосходящими худшие времена царского режима, городские служащие приняли решение теперь же ответить на насилие единственным остающимся у них средством борьбы — всеобщей забастовкой.

Московская Городская Дума, приветствуя стойкое выполнение городскими служащими гражданского долга и свидетельствуя пред демократией всей России о заслугах их в отстаивании прав народа и интересов московского населения, призывает их в интересах объединения сил к политической борьбе воздержаться в данный момент от забастовки.

Московская Городская Дума предостерегает городских служащих от возможности преждевременной растраты сил в политической борьбе. Вокруг Учредительного Собрания должны сосредоточиться все силы народа в готовности объединенным, единодушным и твердым выступлением стать на защиту высшей воли народа от каких бы то ни было посягательств».

Председатель. Закрывая собрание, я предлагаю Думе высказать от имени Думы благодарность управлению свободного городского университета в лице П. А. Садырина, который оказывает всяческое содействие нам, со всевозможным риском предоставляя помещение под заседания Думы. (Аплодисменты.)

(Предложение принято.)

Председатель. Собрание закрыто.

(Собрание закрыто в... час. ... мин.)

---

[1]) Воспроизводим резолюцию в том виде, как она напечатана в «Русских Ведомостях» от 23 ноября (ст. ст.) 1917 г.

Временное Правительство и Учредительное Собрание [1)]

Публикуемые ниже документы о деятельности Временного Правительства по подготовке Учредительного Собрания и будущей конституции «Российской Республики» принадлежат к особой категории архивных материалов.

Конституционным проектам, выработанным органами Временного Правительства буквально накануне Октябрьской революции, никогда не суждено было осуществиться. Но это не уменьшает интереса документов. «Неродившиеся души» Февраля — они красочно отображают мечты и чаяния русской буржуазии перед Октябрем.

Историю подготовки Учредительного Собрания можно разбить на три периода. В марте — апреле вопрос о созыве Учредительного Собрания более или менее оживленно дебатируется в Советах, в партийных организациях, в прессе. В мае собирается Особое Совещание для подготовки проекта о выборах в Учредительное Собрание. Июньское наступление и последующая реакция надолго снимают вопрос об Учредительном Собрании с порядка дня. Прерывает свою работу Особое Совещание; все громче и громче раздаются голоса кадетов, настаивающие на созыве Учредительного Собрания после войны, меньшевики и с.-р. упражняются в изобретении доводов, оправдывающих отсрочку созыва Учредительного Собрания; изобретаются суррогаты последнего от Московского до Демократического Совещания. И только в августе — главным образом — в сентябре растущая большевизация масс заставляет Временное Правительство вновь выдвинуть вопрос об Учредительном Собрании и назначить новый срок его созыва. 2 сентября состоялось последнее заседание Особого Совещания по выработке законопроекта о выборах, а вслед за этим Временное Правительство вынуждено было ускорить и непосредственную подготовку Учредительного Собрания.

В сентябре же Юридическое Совещание при Временном Правительстве выработало заключение по вопросу о порядке открытия Учредительного Собрания и об юридическом положении Временного Правительства после его открытия, а также проекты временных правил ограждения безопасности в Учредительном Собрании и охранения порядка в его здании и закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном Собрании.

Не менее плодовитой была деятельность Особой Комиссии по составлению проекта основных законов. В продолжение девяти дней (от 11 до 20 октября) Комиссия представила проекты законов: о гражданах Российской Республики, об автономии и феде-

---

[1)] Печатаемые ниже документы воспроизводятся с подлинников, хранящихся в Московском Центральном Архиве Октябрьской Революции. В подстрочных примечаниях даны точные ссылки на фонд и номер дела, из которого извлечены публикуемые документы. Текст настоящей публикации подготовил к печати И. Тоболин.
Редакция.

рации, обсудила вопросы об однопалатной и двупалатной системах, о позитивном статусе прав гражданина.

Сухие формулировки параграфов и статей законопроектов, сплетения опытных юристов — в подавляющем большинстве к.-д.— плохо скрывают ту политическую канву, на которой развертывалась деятельность Юридического Совещания и Особой Комиссии.

«Учредительное Собрание исторически призвано к ликвидации великой революции, переживаемой Россией» — в таких недвусмысленных выражениях формулировал товарищ председателя Особой Комиссии, кадетский профессор В. Гессен, задачи Учредительного Собрания. Нет никакого сомнения в том, что на такой же точке зрения стояло и Временное Правительство. Именно под этим углом зрения, в расчете на ликвидацию революции, был составлен проект «Временных правил ограждения безопасности Учредительного Собрания и охранения порядка в его здании».

Составители проекта обратили исключительное внимание на выработку таких мероприятий, которые могли бы изолировать Учредительное Собрание от масс. Если Временному Правительству не удалось созвать Учредительное Собрание в каком-либо российском Франкфурте и в отечественном Версале, то нужно было, по крайней мере, охранить его от революционных рабочих и солдат Петрограда. С этой целью проект предоставляет «в полное и исключительное» распоряжение председателя Учредительного Собрания воинские части, находящиеся под непосредственным начальством коменданта здания Учредительного Собрания, и воспрещает присутствие вооруженной силы в Учредительном Собрании «помимо требования председателя Учредительного Собрания», равно как и организацию публичных собраний на расстоянии версты от здания Учредительного Собрания.

Но воздействие революционного народа на будущую Конституанту могло проявиться и в иных, быть может, менее опасных, но не более желательных формах; и правила специально оговаривают воспрещение депутаций, являющихся в Учредительное Собрание без предварительного разрешения Собрания, и недопустимость непосредственной подачи петиций, которые могут быть переданы «исключительно в письменной форме через канцелярию Учредительного Собрания».

Очевидно, пример прославленной «решетки» Конвента, у которой выступали представители парижских секций, было хорошо усвоен кадетскими правоведами. Не меньше внимания уделили авторы правил и карательной части проекта; соответствующие параграфы «Правил» обещали нарушителям строго систематизированную скалу наказаний от ареста вплоть до... бессрочной каторги.

Под охраной «Правил» Учредительному Собранию рекомендовалось организовать временную исполнительную власть при Учредительном Собрании. Проект Юридического Совещания предоставлял исключительные прерогативы главе этой власти — временному президенту, избираемому Учредительным Собранием. Президент, по предложению Совещания, должен был располагать правом законодательной инициативы; он же руководил внешней политикой и являлся верховным начальником всех вооруженных сил. Столь широкие размеры власти президента, облегчавшие возможность нового 18-го брюмера, отвечали монархическим мечтам к.-д. и стремлению (не только к.-д., но и меньшевиков и с.-р.) установить в стране «твердую власть».

Особая Комиссия, вырабатывавшая проект основных законов, подробно обсуждала вопрос о декларации прав гражданина. В Комиссии наметились некоторые расхождения.

Часть членов Комиссии настаивала на включении в декларацию конкретных прав граждан в области социально-экономической. Кадетские юристы настойчиво предлагали ограничить декларацию таким образом, чтобы социально-экономические права не могли получить «расширительного» толкования. Так, напр., В. Дерюжинский — в доказательство необходимости такого ограничения — ссылался на пример французского Национального Собрания 1871 г., которое, «создавая конституцию, обошло вопрос о включении статей о социальных и экономических правах молчанием». А. Кулишер предостерегал от повторения декларации прав 1789 г., и, наконец, Н. Ленский «ставил непременным условием, при внесении в основные законы Российской Республики позитивных прав, указать более конкретно также и на пределы пользования этими правами».

Эти предложения встретили весьма слабую оппозицию со стороны «левых» членов Комиссии. Эсеровский юрист (его называли также «юридическим эсером») М. Вишняк, будущий секретарь Учредительного Собрания, и Э. Понтович ограничились лишь предложениями включить в декларацию — первый — абстрактное «право каждого человека на достойное существование» и право на землю; второй — право страхования, минимум заработной платы.

Решения Комиссии были изложены в духе кадетского большинства. Комиссия, не возражая принципиально против включения в декларацию позитивных прав, отметила, что «помещение всех прав этого рода может оказаться не имеющим практического значения», и, наконец, признала «нежелательным в соответствии с духом времени» конкретизацию социальных прав в основных законах. — «Дух времени» истолковывался кадетами несколько своеобразно, но, поскольку Учредительное Собрание было призвано ликвидировать революцию, упоминание о социальных правах могло только затруднить «ликвидационную» деятельность Учредительного Собрания. Зато Комиссия — на этот раз единогласно — признала необходимым формулировать в декларации конкретные обязанности граждан (как, напр., воинскую повинность, налоговые платежи). Таким образом, декларация прав — в понимании Комиссии — обещала превратиться в декларацию обязанностей гражданина перед буржуазным государством.

Интересные прения развернулись в Комиссии в связи с обсуждением вопроса об однопалатной и двупалатной системах. Защитники двупалатной системы нагромоздили солидное количество абстрактно-юридических аргументов в пользу верхней палаты. Они указывали на «необходимость» (?) усложнения законодательства, на желательность создания авторитетного органа, обращающего внимание общественного мнения на законопроекты нижней палаты; были пущены в ход ссылки на неурядицы, происходящие в республиках Порто-Рика и Гондурас и объясняемые А. Кулишером однопалатной системой, принятой в этих государствах.

Но через государственно-правовую аргументацию просвечивала «чистая» политика. Несмотря на все усилия, защитникам двупалатной системы не удалось замаскировать основного требования, предъявлявшегося ими к верхней палате как к органу, который должен «сдерживать» демократию. Кулишер и Шацкий — докладчики Комиссии — откровенно признавали, что верхняя палата «не может не являться органом, с чисто политической точки зрения, менее демократическим, чем нижняя палата». Н. Ленский считал, что верхняя палата поможет укрепить расшатанную законность, а Кулишер прямо указывал на «исключительное положение» России и «разгар политических страстей».

Дальше других защитников двупалатной системы пошел А. Мейендорф, обвинявший докладчиков в том, что они чрезмерно стремятся «заранее защитить верхнюю палату от нападков и доказать, что она не может быть вредной». Сторонники однопалатной системы оказались в меньшинстве — при голосовании 7 членов Комиссии высказались за однопалатную и 11 — за двупалатную систему. «В целях полного беспристрастия», Комиссия решила представить Учредительному Собранию все мнения по поводу парламентской системы.

В числе других законопроектов, выработанных Комиссией, наибольшего интереса заслуживает «Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации)». Устанавливая в качестве основного тезиса «единство и нераздельность государства», проект предполагает областную автономию. Принципы автономии изложены, конечно, в кадетской трактовке — организация областных учреждений и пределы их компетенции зависят целиком от центральной власти.

Итак, на основании цитированных документов нетрудно составить более или менее точное представление о том политическом строе, контуры которого старательно вырисовывали кадетские юристы при благосклонном участии меньшевиков и эсеров.

Россия, какой ее желала видеть русская буржуазия, должна была стать «единым и нераздельным» государством с сенатом и нижней палатой, с конституцией, которая лишила бы граждан прав и наделила их обязанностями; республикой с «временным» президентом à la Луи-Наполеон или Мак-Магон, устанавливающим «порядок» в стране. «Российская Республика» в мечтах к.-д., как две капли воды, походила на Третью республику версальцев. Если вторая была создана после разгрома Коммуны, то первая могла появиться только после разгрома большевиков.

Но поражение Коммуны было историческим фактом. Поражение же большевиков осталось лишь желанием партий, представленных в Юридическом Совещании и в Особой Комиссии. В заседании этой Комиссии член ее, уже цитированный нами, барон Мейендорф, защищавший не только двупалатную систему, но и равноправность обеих палат, аргументировал от политики: «Политическая ситуация меняется, — говорил он, — итти уже на уступки преждевременно». Это было сказано 20 октября 1917 г., т.-е. в те дни, когда политическая ситуация действительно резко менялась, но в направлении, обратном тому, которое предполагали барон Мейендорф и его коллеги. Меньше чем через неделю после речи барона «Российская Республика» стала Советской. Фактическое соотношение сил, которое Лассаль считал основной предпосылкой долговечности писаной конституции, сделало конституционные проекты Юридического Совещания и Особой ~~Комиссии~~ только проектами.

Н. Рубинштейн.

Заключение Юридического Совещания по вопросу о порядке открытия Учредительного Собрания и юридическом положении после его открытия Временного Правительства [1]).

В заседании 21 сентября 1917 г. Юридическое Совещание рассмотрело, в связи с возложенным на него Временным Правительством поручением о подготовительных работах к открытию Учредительного

[1]) Направлено было управляющему делами Вр. Пр-ва 10 октября ст. ст. 1917 г. при отношении за № 376. — Печатается с отпуска, находящегося в А. О. Р., ф. 474, д. № 9. Вверху документа надпись карандашом: «Для дела».

Собрания, вопрос о порядке открытия заседаний Учредительного Собрания и об юридическом положении Временного Правительства после сего открытия.

Как видно из прилагаемой при сем исторической справки [1]), в этом отношении возникает ряд принципиальных вопросов, связанных с самой природой принадлежащей Учредительному Собранию власти. С этой точки зрения необходимо рассмотреть: а) вопрос о самом порядке открытия Учредительного Собрания, б) вопрос о моменте сложения Временным Правительством его власти и о последствиях акта сложения, в) вопрос о проектах, вносимых Временным Правительством в Учредительное Собрание.

Обращаясь к рассмотрению первого из сих вопросов, нельзя не отметить, что всякая попытка со стороны Временного Правительства определить порядок самого конституирования Учредительного Собрания, — подобная той, которая была сделана во Франции временным правительством 1848 года (что и вызвало, как видно из справки, резкие протесты со стороны собрания), — несомненно являлась бы нарушением прав Учредительного Собрания. Учредительное Собрание ни в каком отношении не заимствует своих полномочий от Временного Правительства. Полномочия эти проистекают непосредственно от верховной воли народа. С того момента, как эта воля проявилась организованным образом, роль Временного Правительства в этом отношении является по существу оконченной. Исходя из этого положения, правительство национальной обороны 1871 года во Франции (см. справку) не считало даже возможным формально открыть заседания Учредительного Собрания и ограничилось созывом избранных членов Учредительного Собрания на совещание, причем собравшиеся члены уже сами объявили, что Учредительное Собрание в их лице существует. Признавая безусловную правильность той основной идеи, которой руководствовались [2]) во Франции в 1871 г., Юридическое Совещание все же не считает необходимым следовать ему во всех деталях. Если Временное Правительство может назначить день первого заседания Учредительного Собрания, то нет препятствий и к тому, чтобы оно же формально объявило это заседание открытым. Но в этот же момент его роль совершенно прекращается. Как видно из той же справки, на первом заседании Учредительного Собрания 1871 г. председательствовал старейший по возрасту депутат. Кем именно ему было предложено занять председательское место, из отчета не явствует; повидимому, это было сделано без всяких предварительных формальностей, в силу установившегося уже обычая о председательствовании в первых за-

---

[1]) Справка не приложена; в деле № 14, А. О. Р., ф. 474, имеются две «справки»: 1) экземпляр, напечатанный типографским способом под заголовком: «Открытие Учредительного Собрания», и изготовленный на ротаторе под заголовком: «Открытие Учредительного Собрания и положение исполнительной власти при Учредительном Собрании».

[2]) Зачеркнуто: «в этом прецеденте» и надписано: «во Франции в 1871 г.».

седаниях представительных учреждений старейшего по возрасту. Не может, конечно, подлежать сомнению, что и наше Учредительное Собрание едва ли найдет какие-либо препятствия к тому, чтобы также последовать этому всемирному обычаю; но, чисто с формальной стороны, и этот вопрос зависит исключительно от его воли. Наиболее правильным представляется поэтому, чтобы министр-председатель Временного Правительства, объявляя заседание Учредительного Собрания открытым, вместе с тем предложил бы Собранию признать временным председательствующим старейшего по возрасту члена Собрания; особого голосования по этому вопросу, вероятно, не потребуется, и, за отсутствием возражений, старейший член займет председательское место, и заседание пойдет далее в правильном порядке.

Как указано выше, ни о каком установлении каких бы то ни было правил действий Учредительного Собрания со стороны Временного Правительства не может быть речи. С другой стороны, Учредительное Собрание, не имея в своем распоряжении никаких правил делопроизводства и порядка заседаний, подобных тем, которые имеются с самого начала у нормальных представительных органов, в виде органических законов данного установления и уже существующих наказов, может попасть в затруднительное положение. Как видно из справки, Учредительное Собрание 1871 г. прежде всего постановило принять временно к руководству старый наказ Законодательного Собрания 1849 года. В этом отношении наше Учредительное Собрание будет находиться в гораздо более затруднительном положении, так как наказ Государственной Думы, ввиду громадного различия в объеме полномочий, едва ли может быть принят хотя бы и к временному руководству, без коренной переработки. Что касается предложений, исходящих от отдельных партий или групп в среде самого Учредительного Собрания, то такие предложения едва ли будут обладать в глазах всего Собрания таким авторитетом, чтобы какое-либо из них было принято без продолжительного обсуждения. По всем этим соображениям, представлялось бы правильным, чтобы в распоряжении Учредительного Собрания был проект временного наказа, разработанный именно Временным Правительством и постольку могущий рассчитывать на известный авторитет. С чисто формальной точки зрения этот проект будет представлять собой лишь простой материал. Но от Учредительного Собрания будет зависеть, если только об этом будет сделано предложение кем-либо из членов, принять этот временный наказ к руководству впредь до выработки настоящего наказа.

Обращаясь ко второму из вышеуказанных вопросов, — к вопросу о моменте сложения Временным Правительством полномочий и о последствиях акта сложения, — необходимо признать, что и в этом вопросе едва ли возможно следовать примеру временного французского правительства 1848 года, считавшего возможным существовать в качестве самостоятельной власти, пользуясь всей полнотой своих прежних полномочий, впредь до заранее им же предусмотренного момента:

избрания постоянного президиума Учредительного Собрания в установленном тем же правительством порядке. Различие между временным и постоянным президиумом, — иначе говоря, между временным и окончательным конституированием Собрания, — весьма существенное для самого Собрания,— не имеет, однако, никакого значения с точки зрения объема его полномочий вовне. Определение момента, когда Собрание будет вправе осуществлять принадлежащую ему власть, — отличного от момента открытия заседания Собрания, — такое определение возможно лишь по отношению к учреждению, полномочия которого сами по себе основываются на каком-либо предшествовавшем законодательном акте, — как полномочия нормального законодательного учреждения основываются на конституции и органическом законе, изданных предшествовавшим Учредительным Собранием или монархом. Но такое определение невозможно по отношению к Собранию, власть которого, как уже указано, проистекает непосредственно от воли народа и которое поэтому обладает всей полнотой власти с того момента, как оно само признает себя существующим. Действительно, как видно из справки, и французское Учредительное Собрание 1848 года вопреки предшествовавшему постановлению временного правительства не считало себя обязанным ожидать момента избрания окончательного президиума для осуществления всей полноты своей власти: оно еще до этого момента осуществило важнейший акт учредительной власти, провозгласив республику постоянной формой правления. Между тем то обстоятельство, что и временное правительство еще продолжало осуществлять верховную власть, создало с юридической точки зрения бессмысленное положение. И в этом отношении, таким образом, необходимо признать правильным идею французского прецедента 1871 года, когда правительство национальной обороны сложило свои полномочия немедленно по получении официальных сведений о том, что Учредительное Собрание признало себя существующим. Если же, согласно заключению Юридического Совещания по первому вопросу, будет признано необходимым, чтобы первое заседание Учредительного Собрания было открыто самим Временным Правительством, то момент этого открытия и сложения полномочий необходимо должны совпасть.

С другой стороны, оба прецедента сходятся в том положении, которое с необходимостью вытекает и из чисто практических соображений. Прекращая свое существование в качестве самостоятельной власти и в качестве власти верховной, — в частности законодательной, — Временное Правительство и отдельные министры, его составляющие, должны, однако, оставаться на своем посту в качестве органов текущего управления, подчиненных Учредительному Собранию и ответственных перед ним впредь до постановления Учредительного Собрания об организации при нем той или иной временной исполнительной власти. Иное решение представляется совершенно невозможным, так как привело бы к полной анархии на все время, необходимое Учредительному Собранию для разрешения вопроса об организации власти. Наконец,

обращаясь к вопросу о проектах, вносимых в Учредительное Собрание, необходимо иметь в виду различие в этом отношении между положением Временного Правительства, как такового, и положением отдельных ведомств. Само собой разумеется, что ни о каком праве законодательной инициативы в собственном смысле у Временного Правительства, прекращающего свое существование, не может быть речи (ср. заявление Ламартина в 1848 г.). Однако же нет никаких препятствий к тому, чтобы канцелярии Учредительного Собрания до его открытия были переданы любые материалы, в частности и всякого рода законодательные предположения. Значение законопроектов в собственном смысле слова такие предположения получат как в том случае, если они будут поддержаны кем-либо из членов Собрания или будущей исполнительной властью, поскольку ей будет предоставлено право инициативы, а также и в том случае, если Собрание непосредственно постановит передать те или иные из этих проектов для дальнейшей разработки в образуемые им комиссии. Что касается отдельных ведомств, то таковые, конечно, продолжают по открытии Учредительного Собрания свое существование без всякого юридического перерыва, но право инициативы может им принадлежать лишь, если это будет постановлено Учредительным Собранием. Окончательное разрешение этот вопрос получит лишь в связи с организацией Учредительным Собранием высшего органа исполнительной власти и определением полномочий этого органа и его отношения к отдельным министрам. Но, с точки зрения целесообразности, представлялось бы несомненно правильным, чтобы отдельные министры с самого же начала имели возможность вносить законопроекты в Учредительное Собрание. Отсюда следует, что уже в проекте временного наказа желательно предусмотреть внесение «правительственных» законопроектов, в качестве особой категории, и определить порядок их рассмотрения.

На основании всего вышеизложенного Юридическое Совещание полагает:

I. Первое заседание Учредительного Собрания открывается речью министра-председателя Временного Правительства.

II. В заключение этой речи министр-председатель: 1) объявляет заседания Учредительного Собрания открытыми, 2) заявляет о том, что Временное Правительство вручает всю принадлежавшую ему власть Учредительному Собранию, но остается на своем посту, в качестве органа текущего управления, подчиненного Учредительному Собранию и ответственного перед ним впредь до первого постановления Учредительного Собрания об организации при нем исполнительной власти, 3) предлагает Собранию признать временным председательствующим старейшего депутата и просит этого депутата, поскольку не имеется возражений, занять председательское место.

III. Юридическим Совещанием имеет быть разработан проект временного наказа, имеющего, в случае принятия его Учредительным Собранием, действовать, впредь до выработки Собранием постоянного

наказа. Таковой проект сообщается Учредительному Собранию в качестве материала [1]).

IV. Законодательные предложения, которые Временное Правительство пожелает внести в Учредительное Собрание, сообщаются в канцелярию Учредительного Собрания, до его открытия, в качестве материала.

Председатель *Н. Лазаревский.*
Заведующий делопроизводством *Н. Мазаракий.*

Проект постановления Временного Правительства [2]).

Временное Правительство постановило:

I. Впредь до иного по сему предмету постановления Учредительного Собрания установить прилагаемые при сем Временные правила об ограждении безопасности Учредительного Собрания и охранения порядка в его здании.

II. Поручить военному министру внести на рассмотрение Временного Правительства проект положения о коменданте здания Учредительного Собрания.

ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА ОБ ОГРАЖДЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ОХРАНЕНИИ ПОРЯДКА В ЕГО ЗДАНИИ [3]).

I. Положения общие.

1. Высший надзор за ограждением безопасности Учредительного Собрания и охранением порядка в его здании принадлежит председателю Учредительного Собрания, которому все подлежащие власти обязаны оказывать в сем отношении полное содействие.

2. Непосредственное наблюдение за безопасностью Учредительного Собрания и охранение порядка в его здании возлагаются на:

1) состоящих при Собрании приставов и их помощников и 2) коменданта здания Учредительного Собрания и состоящее при нем управление.

3. Комендант здания Учредительного Собрания назначается и увольняется председателем Учредительного Собрания, а впредь до открытия заседания Собрания Временным Правительством. Прочие чины управления коменданта назначаются и увольняются комендантом.

4. По требованию председателя Учредительного Собрания, подлежащие военные власти должны предоставлять в распоряжение председателя Учредительного Собрания воинские части по его указанию.

[1]) «Материалы по проекту наказа для Учредительного Собрания» находятся в А.О.Р., ф. 474, д. № 17. — «Материалы» не были приняты Юридическим Совещанием.

[2]) А.О.Р., ф. 474, д. № 18.

[3]) В реестре дел по подготовке к Учред. Собр. Временные правила значатся принятыми в заседании 8 октября 1917 г. (ст. ст.). Записи этого заседания в делах Юридического Совещания нет.

Эти части, на время их командировки, поступают под непосредственное начальство коменданта здания Учредительного Собрания и состоят в полном и исключительном распоряжении председателя Учредительного Собрания.

5. Помимо требования председателя Учредительного Собрания в здание Собрания не может быть введена никакая вооруженная сила.

6. В расстоянии версты от здания Учредительного Собрания воспрещаются какие бы то ни было публичные собрания под открытым небом.

7. Всякого рода петиции, прошения и заявления на имя Учредительного Собрания, если они не передаются через посредство членов Собрания, могут быть подаваемы исключительно в письменной форме через канцелярию Собрания.

Явка в заседание Учредительного Собрания каких-либо депутаций, без предварительного разрешения Собрания, воспрещается.

8. Председателю Учредительного Собрания предоставляется устанавливать правила об охранении порядка в здании Учредительного Собрания и о допущении посторонних лиц в сие здание и отдельные его помещения.

II. О посторонних лицах, присутствующих в заседаниях Учредительного Собрания.

9. Посторонние лица допускаются к присутствованию на заседаниях Учредительного Собрания на особо отведенные для них места порядком, устанавливаемым председателем Учредительного Собрания, а впредь до сего распоряжения по сему предмету министром-председателем Временного Правительства.

10. Посторонние лица, присутствующие на заседании Учредительного Собрания, обязаны строго соблюдать правила благопристойности, порядок и тишину и исполнять все распоряжения председателя и лиц, им уполномоченных.

11. Посторонним лицам, присутствующим на заседании Учредительного Собрания, запрещается выражать какие-либо знаки одобрения или порицания.

12. Лица, нарушающие вышеозначенные (ст. 9—11) правила, могут быть немедленно удалены из здания Учредительного Собрания.

13. Председателю Учредительного Собрания предоставляется распоряжаться о задержании, на срок не свыше 24 часов, посторонних лиц, виновных в нарушении порядка или неповиновении его распоряжениям, для дальнейшего направления дела в установленном законном порядке.

III. О посягательствах на безопасность Учредительного Собрания и о нарушениях порядка в здании Учредительного Собрания.

14. Виновный в воспрепятствовании свободной деятельности Учредительного Собрания посредством насильственных действий или

наказуемой угрозы, если таковое деяние не наказуемо на основании статьи 100 уголовного уложения (Собр. узак. и расп. прав. 1917 г., ст. 1132), наказывается:

каторгой без срока или срочной каторгой.

Покушение наказуемо.

15. Постороннее лицо, виновное в нарушении порядка в заседании Учредительного Собрания, наказывается:

арестом на срок не ниже месяца или заключением в тюрьме.

16. Постороннее лицо, виновное в нарушении порядка в здании Учредительного Собрания, наказывается:

арестом.

17. Виновный в устройстве публичного собрания, с нарушением статьи 6 сих правил, наказывается:

заключением в крепости или заключением в тюрьме.

18. Виновный в участии в публичном собрании, состоявшемся с нарушением статьи 6 сих правил, наказывается:

арестом.

19. К преступным деяниям, предусмотренным в статьях 14—19 сих правил, применяются постановления главы I уголовного уложения (Св. зак., т. XV по прод.).

Председатель (подпись отсутствует).

Заведующий делопроизводством (подпись отсутствует).

Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном Собрании, а также проект формы издания законов при Учредительном Собрании [1]).

Именем российского народа
Учредительное Собрание Российской Республики
повелевает:

Впредь до установления основных законов Российской Республики установить временный порядок осуществления исполнительной власти в Российской Республике на нижеследующих основаниях:

1. Осуществление исполнительной власти в Российской Республике возлагается на временного президента Российской Республики.

2. Временный президент осуществляет свои полномочия под надзором Учредительного Собрания и при содействии Совета Министров, пользующихся доверием Собрания.

3. Временный президент избирается Учредительным Собранием посредством закрытой баллотировки.

---

[1]) А.О.Р., ф. 474, д. № 15. Вопрос об организации исполнительной власти поставлен был впервые Юридическим Совещанием 14 сентября (ст. ст.) 1917 г. Была признана необходимость составления «определенной, явной, вполне объективной справки». Печатаемый проект поступил в делопроизводство 9 октября (ст. ст.) 1917 г. На нем имеется помета: «Предварительный проект».

4. Временный президент сохраняет свои полномочия впредь до постановления Учредительного Собрания об его переизбрании, но, во всяком случае, не более года.

5. Временному президенту принадлежит право почина по делам законодательным. Все правительственные законопроекты вносятся на рассмотрение их Советом Министров в Учредительное Собрание не иначе, как по распоряжению и от имени временного президента.

6. Временный президент сносится с Учредительным Собранием посредством письменных посланий. Ему также предоставляется представить [1]) устные объяснения в заседании Учредительного Собрания, предварительно заявив об этом председателю Собрания. По получении такого заявления председатель Собрания немедленно доводит о сем до сведения Собрания. Объяснения временного президента выслушиваются Собранием в следующем заседании по получении вышеозначенного заявления.

7. Все законы, принятые Учредительным Собранием, сообщаются временному президенту, который немедленно препровождает их для обнародования через Правительствующий Сенат в установленном порядке.

8. Временный президент наблюдает за исполнением законов и делает распоряжения, для сего необходимые.

9. Временный президент издает указы об устройстве, составе и порядке действий правительственных учреждений, за исключением учреждений судебного ведомства, испрашивая в подлежащих случаях необходимые кредиты у Учредительного Собрания.

10. Временный президент разрешает все дела управления, кои на основании действующих узаконений должны разрешаться верховной исполнительной властью.

11. Временный президент руководит внешними сношениями Российской Республики с иностранными державами. По делам об объявлении войны, заключении мира, перемирия, а равно иных договоров с иностранными державами временный президент входит с соответствующими представлениями в Учредительное Собрание.

12. Временному президенту принадлежит верховное начальствование над всеми вооруженными силами Российской Республики.

13. Временный президент назначает и увольняет председателя Совета Министров и министров, а также тех должностных лиц гражданского и военного ведомства, кои на основании действующих узаконений назначаются и увольняются верховной властью.

14. Указы и распоряжения временного президента скрепляются председателем Совета Министров или одним из министров и без таковой скрепы не приводятся в исполнение. Указы и распоряжения временного президента, подлежащие объявлению во всеобщее сведение, обнародываются Правительствующим Сенатом.

---

[1]) Так в подлиннике.

15. Предварительное рассмотрение дел, разрешаемых временным президентом, а равно направление и объединение действий отдельных министров возлагаются на Совет Министров.

16. Совет Министров состоит из председателя Совета Министров, главных начальников ведомств, имеющих звание министра, а также других лиц, назначаемых министрами по усмотрению временного президента.

17. В заседаниях Совета Министров председательствует временный президент, а в случае его отсутствия — председатель Совета Министров.

18. Председатель Совета Министров и министры могут присутствовать во всех заседаниях Учредительного Собрания и участвовать в обсуждении всех дел, рассматриваемых Собранием, но участвовать в голосовании они имеют право только в том случае, если состоят членами Собрания.

19. Председатель Совета Министров и все министры совместно ответствуют пред Учредительным Собранием за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности ответствен пред Собранием за свои действия и распоряжения, а также за скрепленные им указы и распоряжения временного президента.

20. Запросы членов Учредительного Собрания по делам управления обращаются к председателю Совета Министров или к подлежащему министру.

Лично к временному президенту не может быть предъявлено никаких запросов.

Запись Особой Комиссии по составлению проекта основных законов при Временном Правительстве [1]).

Заседание 11 октября 1917 года.

№ 1.

В заседании присутствовали: председатель *Н. И. Лазаревский* и члены: *А. Я. Гальперин*, профессор *В. М. Гессен*, профессор *В. Ф. Дерюжинский*, товарищ обер-прокурора Правительствующего Сената *Н. А. Ленский*, директор I департамента министерства юстиции *И. Д. Мордухай-Болтовской*, барон *А. Э. Нольде*, барон *Б. Э. Нольде* и присяжный поверенный *Хейфиц*.

Заседание открыто в 16 ч. 20 м.
» закрыто в 18 ч. 40 м.

Слушается представленная Особой Комиссией при Временном Правительстве программа подлежащих разработке основных законов.

Прежде чем приступить к обсуждению программы основных законов, разработка коих возложена Временным Правительством на Особую Комиссию, последняя пожелала выяснить свое отношение к дру-

[1]) А.О.Р., ф. 474, д. № 22.

гим комиссиям, ранее образованным при других министерствах, в частности, желательность осведомления и вступления в контакт с указанными комиссиями, а также разрешения вопроса о том, должна ли прекратиться работа в этих комиссиях с образованием Особой Комиссии по выработке проекта основных законов.

Ввиду того, что Комиссия по национальным вопросам при министерстве внутренних дел собрала уже значительный материал общественно-бытового значения, точно так же бюджетная комиссия при министерстве финансов внесла ценные труды, которые могли бы быть включены в основу финансовых мероприятий, предстоящих Учредительному Собранию, Особая Комиссия по составлению проекта основных законов выяснила, что желательно ознакомление с материалами, разработанными указанными комиссиями, а равно привлечение оттуда новых членов путем кооптации для совместной работы.

Что же касается вопроса о дальнейшей работе этих комиссий, то, не усматривая оснований к прекращению трудов уже существующих комиссий, Особая Комиссия высказалась за предпочтительность направления и руководства работы Особой Комиссии по составлению основных законов самостоятельным путем.

Перейдя к вопросу о выработке программы основных законов, Особая Комиссия сочла нужным предварительно высказаться, что главной задачей, предстоящей Особой Комиссии, является отнюдь не предрешение и не указание пути, которым пойдет Учредительное Собрание, а исключительно освещение вопросов, которые предстоит разрешить Учредительному Собранию. Задача эта будет почитаться выполненной, если благодаря выработке единого законодательного проекта, поднесенного Учредительному Собранию ко времени открытия, членам его легче будет разобраться в ряде возникающих вопросов.

Отсюда представлялось бы наиболее целесообразным составление проекта основных законов в виде материала для суждения, облеченного в форму определенного законодательного текста.

В частности, Особая Комиссия признала желательным, чтобы текст проекта основных законов сопровождался справками, а равно объяснительной запиской, причем справки эти должны бы носить не только законодательный, но и политический характер. Справки должны заключать в себе выводы, причем все выводы должны иметь вполне определенную форму законов. Намеченный в общих чертах Особой Комиссией характер ее деятельности облегчит работу Учредительного Собрания.

Затем Особая Комиссия приступила к обсуждению порядка при распределении работ. Рассмотрев вопрос о том, желательно ли разбиться на подкомиссии, которые занялись бы отдельными вопросами, а также подыскать специалистов, которые взялись бы набросать схему основных законов, подлежащую обсуждению на общем собрании, или предварительно в общем собрании дать руководящие указания одному из членов, который возьмет на себя доклад по определенному

вопросу, Особая Комиссия высказалась за целесообразность установления такого порядка: прежде всего необходимо распределение отдельных конституционных вопросов между членами Особой Комиссии по изготовлению проекта основных законов. При этом желательно привлечение из делопроизводства Юридического Совещания научных и технических сил, которые могли бы помогать членам Комиссии при формулировке ряда основных вопросов. Разработанные членами Совещания вопросы надлежало бы вносить на рассмотрение общего собрания Комиссии.

Что же касается вопросов редакционных, то Особая Комиссия склонилась к мысли поручить одному члену сводку всего материала, приведение его в систему, а равно избрать президиум, бюро, в форме редакционной комиссии. В частности, о размере проектируемой конституции Особая Комиссия выяснила желательность составления объемистого законопроекта, приблизительно в 200 статей.

Затем Особая Комиссия распределила отдельные пункты программы между присутствующими членами Совещания и наметила приглашение нескольких новых лиц, специалистов по указанным вопросам. Не предрешая окончательного распределения, Особая Комиссия поручила выработку отдельных вопросов следующим членам.

Приблизительная программа вопросов, подлежащих разработке Комиссии по составлению проекта основных законов с указанием членов Комиссии, взявших такую разработку на себя.

1. Декларация прав гражданской свободы.

Принципы, могущие быть положены в основу конституции (монархический принцип, принцип народного суверенитета, полное самоопределение народностей).

2. Гарантия прав гражданской свободы.

Исключительные положения. В. М. Гессен.

3. Принципы федерализма [1]), автономии, самоопределения и государственного единства. Н. И. Лазаревский.

4. Государственный и местный языки. Н. А. Ленский.

5. Народное представительство. Н. И. Лазаревский.

Двупалатность. А. М. Кулишер.

Организация и делопроизводство палат.

Иммунитет, содержание членам палат, совместимость с государственной службой.

---

[1]) В подлиннике ошибочно: «феодализма».

Сессии, роспуски, конституирование, публичность.

А. Э. Нольде.

6. Президент республики. Способ избрания, функции, ответственность.

А. А. Боголепов.

7. Организация судов, независимость их и несменяемость. Военные и специальные суды. Административный суд.

В. Ф. Дерюжинский и И. Д. Мордухай-Болтовской.

8. Армия.

Б. Э. Нольде.

9. Организация администрации. Министры, их значение. Ответственность министров. Отношение к палатам.

К. Н. Соколов.

10. Сенат, его отношение к административным и судебным установлениям.

В. Ф. Дерюжинский и И. Д. Мордухай-Болтовской.

11. Совет Министров.

К. Н. Соколов.

12. Бюджет, займы, налоги.

В. Н. Маиевский.

13. Финансовый контроль.

В. Н. Маиевский.

14. Международные сношения, договоры.

С. А. Котляревский.

15. Компетенция законодательных учреждений.

Н. И. Лазаревский.

16. Порядок пересмотра конституции. Гарантия конституции.

Э. Э. Понтович.

17. Печать, герб, знамя.

С. Н. Тройницкий.

18. Подданство, натурализация.

В. М. Гессен.

Председатель *Н. Лазаревский.*

Управляющий делами *Н. Мазаракий.*

Запись Особой Комиссии по составлению проекта основных законов [1]).

[Заседание 14 октября 1917 г.]

№ 2.

В заседании присутствовали: председатель Юридического Совещания *Н. И. Лазаревский* и члены: *А. Я. Гальперин*, барон *А. Э. Нольде*, *Э. Г. Гинзберг*, а также приглашенные для участия в работах комиссии: *В. М. Гессен*, *И. А. Ивановский*, *В. Ф. Дерюжинский*, барон *А. Ф. Мейендорф*, *А. А. Гоголев*, *Я. М. Магазинер*, *Э. Э. Понтович*, *Н. А. Ленский*, *Б. Е. Шацкий*, *М. А. Гольдштейн*, *А. Н. Макаров*, *А. М. Кулишер*, *М. Я. Хейфиц*, *И. И. Яковкин* и член Государственной Думы *Булат*.

Заседание открыто в 21 ч. 2 м.
закрыто в 23 ч. 29 м.

Открывая заседание, председатель Юридического Совещания обратился к вновь приглашенным в состав Комиссии лицам с небольшою речью, в которой очертил задачи, возложенные Временным Правительством на Юридическое Совещание, при котором образована Комиссия по подготовке для будущего Учредительного Собрания законодательного материала, причем им было указано, что при этом основной задачей является не столько выработка текста отдельных законопроектов, но, главным образом, создание такого материала, который помог бы Учредительному Собранию разобраться в отдельных, возникающих государственно-правовых вопросах, имея при этом в виду, что разрешать эти вопросы придется, быть может, лицам не вполне подготовленным. Имея в виду вышеизложенные руководящие начала, Комиссиею по выработке проекта основных законов должно быть обращено главное внимание на точную формулировку текста отдельных проектов и, главным образом, на подготовку надлежащего материала, содержащего в себе руководящие начала, с изложением данных, которые необходимо иметь в виду при разрешении того или другого конституционного вопроса.

Засим председатель огласил намеченную в одном из предшествовавших заседаний схему распределения отдельных вопросов между членами Комиссии и предложил лицам, желающим работать над каким-либо определенным вопросом программы деятельности Комиссии, заявить о своих пожеланиях. По обсуждению этого вопроса, наметилась нижеследующая схема распределения работ между отдельными членами комиссии.

I. Декларация прав гражданской свободы и гарантия их. Подданство, натурализация (§§ 1, 2 и 18). В. М. Гессен.

II. Принципы федерализма, автономии и самоуправления [2]). Компетенция законодательных учреждений. Н. И. Лазаревский

[1]) А. О. Р., ф. 474, д. № 22.

[2]) В пункте 3-м программы, принятой в заседании 11 октября 1917 г., значится: «самоопределения» (см. выше, стр. 121).

(§§ 3 и 15). И. А. Ивановский выразил желание заняться компетенцией законодательных учреждений в связи с началами автономии.

III. Государственный и местные языки. Н. А. Ленский (§ 4).

IV. Народное представительство (§ 5).

а) Двупалатность. А. М. Кулишер и Б. Е. Шацкий. Компетенция палат. И. А. Ивановский.

б) Организация делопроизводства [1]), сессия, роспуск, конституирование, иммунитет, совмещение с государственной службой.

Барон А. Э. Нольде, Э. Г. Гинзберг и А. Н. Макаров.

V. Глава государства (президент), способ избрания, функции. Барон Б. Э. Нольде, А. А. Боголепов, Я. М. Магазинер (§ 6).

VI. Организация судов, независимость, несменяемость, военные и специальные суды. Сен. И. Д. Мордухай-Болтовской, В. Ф. Дерюжинский, А. Н. Лазаренко, Ю. Я. Хейфиц (§§ 7 и 10).

VII. Армия. Барон Б. Э. Нольде (§ 8).

VIII. Организация администрации. К. Н. Соколов и Матвеев (§ 9).

IX. Совет Министров. К. Н. Соколов и Матвеев (§ 11).

X. Бюджет, займы, финансовый контроль. Н. И. Лазаревский и А. А. Алексеев (§§ 12 и 13).

XI. Международные отношения и договоры. Шаланд (§ 14).

XII. Порядок пересмотра конституции, судебная гарантия конституции (§ 16). Э. Э. Понтович, А. Н. Макаров.

XIII. Печать, гербы, знамя (§ 17). С. Н. Тройницкий.

По распределении материала слово предоставляется В. М. Гессену, которому было поручено Совещанием выработать к этому заседанию основные титулы будущей конституции.

В. М. Гессен, намечая положения будущего государственного строя России, указал на необходимость придерживаться при составлении проекта этой части основных законов возможно более точных определений; такие принципы, как автономия, федерация и т. п., должны быть изложены ясно и отчетливо, избегая неопределенных терминов, дабы выявить характер, самую сущность отношений. О гражданах Российской Республики докладчиком намечаются вопросы приобретения и утраты гражданства, о правах и обязанностях российских граждан (декларация прав) и гарантия гражданской свободы. Наконец, по мнению докладчика, необходимо выяснить понятия о народном представительстве, Совете Министров, суде, регламентации управления, а также ревизии и пересмотре конституции.

По выслушании докладчика В. Ф. Дерюжинский обратил внимание Комиссии на необходимость предусмотреть в конституции также и вопрос о соотношении между церковью и государством, создав особую главу о церкви.

[1]) Выше, стр. 121: «организация и делопроизводство палат».

Резюмируя состоявшиеся по этому поводу в Комиссии прения, председатель Совещания указал, что, независимо от положительного или отрицательного отношения к началу полного отделения церкви от государства, Комиссия должна подготовить материалы и формулы к его разрешению в том или другом смысле, чтобы, в случае признания, например, начала полной автономии церкви, можно было бы указать, что решение это подлежит облечению в такую-то определенную форму и что такие-то положения должны быть обязательно включены в подлежащую главу конституции.

Комиссия согласилась с соображениями В. Ф. Дерюжинского о необходимости включить главу о церкви в будущую конституцию и поручила председателю Совещания войти в сношение с С. А. Котляревским в целях привлечения его к работам комиссии.

Перейдя в своем изложении к титулу о гражданах, докладчик отметил, что иностранные законодательства по данному вопросу могут быть подразделены на три основные группы: популиционистическую, руководствующуюся стремлениями препятствовать уходу из граждан и всячески содействовать приросту народонаселения; национальную, имеющую в виду привлечение возможно большего числа лиц той же национальности к инкорпорации в состав господствующей в данном государстве национальности, и интернациональную, руководствующуюся общностью интересов всех государств.

По кратком обсуждении Комиссия единогласно приняла принцип интернационализма.

Вопрос о декларации прав и ее необходимости возбудил оживленные прения, причем было указано, что для решения этого вопроса необходимо иметь в виду две формы возможной декларации: а именно — одну, содержащую в себе мнимые нормы, одно лишь провозглашение принципов и вследствие этого лишенную содержания, и другую, представляющую собою комплекс конкретных юридических норм, наиболее важных юридических проявлений свободы. Примером декларации первого типа могут служить декларации французской конституции 1789 года, прусской и у нас главы VIII основных законов; второго типа декларации — конституции 60 годов, балканских государств и прочих. Признавая декларацию принципов вообще явлением нежелательным с точки зрения науки, комиссия однако все же высказалась за включение в нашу конституцию декларации этого типа с провозглашением принципов, имея в виду то громадное воспитальное влияние, которое, будучи совершенно излишним, например, для гражданина современной Англии или Франции, у нас является крайне необходимым, так как самые принципы недостаточно вошли в сознание народа и его органов. По изложенным соображениям Комиссия постановила включить в будущую конституцию декларацию принципов, наполнив формулы ее определенным юридическим содержанием.

В заключение А. М. К у л и ш е р о м было указано, что решения Комиссии вполне соответствуют интересам народа, так как местные

законодательные органы могли бы находить иногда в обще-государственной конституции известные сдержки и препятствия, в случае возможных с их стороны крайностей.

Переходя к подробностям декларации, Н. А. Ленский и Я. М. Магазинер указали, что в декларацию принципов надлежит включить принципы, имеющие правовую силу и правовое содержание, которые вполне могли бы иметь определенное регулирующее значение в правовой жизни страны, формулировав их с возможной определенностью, ярко и красочно.

Согласившись с изложенными соображениями, Комиссия предложила В. М. Гессену при выработке проекта подлежащей главы конституции создать декларацию принципов, вложив в таковые, по возможности конкретное, юридическое содержание. В декларации этой должны быть зафиксированы как права свободы, так и права граждан на определенные услуги со стороны государства — права позитивного статуса, декларация также должна иметь в себе перечисление основных обязанностей граждан.

Следующее заседание комиссии назначено на вторник, 17 октября.

Председатель *Н. Лазаревский.*

Управляющий делами *Н. Мазаракий.*

Запись Особой Комиссии для выработки проекта основных государственных законов Российской Республики [1]).

Заседание 17 октября 1917 года.

№ 3.

В заседании присутствовали: председатель *Н. И. Лазаревский*, товарищ председателя *В. М. Гессен* и члены: *Г. Э. Блосфельд, А. А. Боголепов, М. В. Вишняк, В. Ф. Дерюжинский, И. А. Ивановский, А. М. Кулишер, А. Н. Лазаренко, Н. А. Ленский, Я. М. Магазинер, В. Н. Мациевский, А. Н. Макаров*, бар. *А. Ф. Мейендорф, Э. Э. Понтович, Ю. Я. Хейфиц, Б. Е. Шацкий* и *И. В. Яшунский.*

Заседание открыто в 20 ч. 45 м.

» закрыто в 22 ч. 30 м.

Открыв заседание, председатель *Н. И. Лазаревский* сообщил, что неотложные дела отзывают его в данный момент из Комиссии. Лишенный возможности лично председательствовать в заседании, Н. И. Лазаревский предложил собранию избрать товарища председателя.

Члены Комиссии просят В. М. Гессена взять на себя несение обязанностей товарища председателя.

---

[1]) А.О.Р., ф. 474, д. № 22.

Прежде чем покинуть зал заседания, *Н. И. Лазаревский* обратился к членам Комиссии, взявшим на себя труд составить, для доклада общему собранию, предварительные проекты по основным вопросам (отделам) конституции Российского государства, с просьбой, в возможно ближайшем будущем, представить по этим отделам, как-то: федерации и автономии, однопалатной и двупалатной системе и проч., общему собранию сырые проекты. Кроме того, председатель находил целесообразным, чтобы составители проектов наметили основные вопросы по этим «отделам». При наличии подобных вопросов общее собрание Комиссии, имея перед собой ясно и конкретно намеченный путь, будет, по мнению Н. И. Лазаревского, в состоянии более регулярно и продуктивно вести прения по рассматриваемым предметам. Помимо сего, Н. И. Лазаревский указал на необходимость составить объяснительные записки, в которых рассматриваемые вопросы должны быть подробно разъяснены по существу.

Засим Н. И. Лазаревский покинул зал заседания.

Председательское место занял В. М. Гессен.

В. М. Гессен напомнил собранию, что в прошлом заседании при рассмотрении вопроса о создании проекта вводной части основных законов (декларации прав гражданина) остался необсужденным вопрос об ее содержании.

В. М. Гессен указал, что в декларациях, возникавших при более ранних государственных переворотах, находили место лишь статьи, трактующие о том или ином проявлении свободы гражданина, т.-е. о правах негативного статуса, и только позже были сделаны попытки включить в декларации позитивные права и указания на основные обязанности граждан.

Считая необходимым подробно обсудить данный вопрос о каталоге декларации, В. М. Гессен просит членов Комиссии высказаться по этому предмету.

Засим членом комиссии *М. В. Вишняком* было высказано мнение, что декларация, подлежащая включению в проект будущих основных законов Российского государства, будет создана не только для сегодняшнего дня, а для более или менее продолжительного будущего времени, и что, по его мнению, было бы целесообразным внести в декларацию указание на право каждого человека на достойное существование.

В ответ на высказанное соображение председательствующий *В. М. Гессен* напомнил, что в предыдущем заседании этот вопрос был уже рассмотрен, и Комиссия склонилась к тому мнению, что разрабатываемая Комиссией декларация должна принадлежать к категории тех деклараций, в которых создаются конкретные формы прав гражданина.

Обратившись к обсуждению содержания декларации, Комиссия, не встречая, с своей стороны, возражений по поводу помещения в ней прав негативного статуса, остановилась подробно на рассмотрении вопроса о включении в декларацию прав позитивного статуса.

По этому поводу в среде Комиссии было приведено несколько точек зрения.

С одной стороны, членом Комиссии *В. Ф. Дерюжинским* было указано на желательность воздержаться от помещения в документе, которым будут определяться детали политического строя государства, пунктов, затрагивающих социальные и экономические вопросы. При этом В. Ф. Дерюжинским было высказано мнение что, если жизнь пришла к разрешению главнейших задач в области политической, то такового разрешения нельзя констатировать в области социальной, и ожидать его в ближайшем будущем нет достаточных оснований. В качестве доказательства нецелесообразности включения в декларацию прав позитивного статуса, оратором была приведена историческая справка о том, что Национальное Собрание 1871 года, создавая конституцию, обошло вопрос о включении статей о социальных и экономических правах молчанием, так что в то время как более ранние конституции Франции отводили значительное место для прав позитивного статуса, действующая ныне французская конституция 1875 года совершенно не упоминает о позитивных правах.

С другой стороны, по мнению члена Комиссии *Э. Э. Понтовича*, не может встретиться препятствий к внесению в декларацию норм, определяющих позитивный статус гражданина. Напротив, по мнению оратора, представляется целесообразным внести в декларацию некоторые приобретенные рабочими права, как, например, право страхования, минимум заработной платы и проч., и тем закрепить эти права, придав им бóльшую устойчивость в жизни государства. В подтверждение правильности высказанных соображений, Э. Э. Понтович указал на существующие на практике примеры подобного включения в конституции прав социального характера (например, в конституции Румынии — неотъемлемость аграрных прав).

Обратившись к указанию на отсутствие как в первых конституциях Франции, так и в действующей ныне французской конституции прав позитивного статуса, член Комиссии *М. В. Вишняк*, защищая целесообразность помещения в декларации названных выше прав, сослался на то, что при составлении первых французских конституций права эти не могли быть внесены в конституции на том основании, что тогда никаких прав, завоеванных рабочими в области экономической или социальной, не было. Что же касается конституции 1875 года, то названная конституция, по мнению М. В. Вишняка, не может служить для Комиссии мерилом, так как крайне неблагоприятные условия, при которых эта конституция создавалась, не соответствуют той политической обстановке, какая имеется налицо в настоящее время в России.

Вместе с тем член Комиссии М. В. Вишняк, высказываясь за включение в декларацию прав социального и экономического характера, нашел необходимым указать, что пределы, которыми будут ограничены в жизни государства социальные права, в настоящее время неизвестны

и будут вполне зависеть от состава Учредительного Собрания. В связи с этим М. В. Вишняком было высказано мнение, что в декларацию могло бы быть включено также и указание на право человека на землю, причем была приведена та точка зрения, что в праве на землю нет ничего более неприемлемого, чем, например, в праве рабочего на страхование. В развитие этой мысли оратор указал, что лозунг «Вся земля всему народу» принимается в настоящее время большинством политических партий, и различие между платформами отдельных партий заключается лишь в том, как провести эту реформу; ввиду этого, по мнению М. В. Вишняка, не представляется невероятным, что в Учредительном Собрании, в особенности, если состав его будет «народническим», земельный вопрос будет разрешен в положительном смысле.

Руководствуясь изложенными соображениями, члены, высказывавшиеся за включение в декларацию позитивных прав, считали невозможным ограничиться лишь помещением в конституцию прав негативного статуса.

В дальнейшем обмене мнений Комиссии по вопросу о содержании декларации прав член Комиссии *Я. М. Магазинер* отметил целесообразность включения в декларацию тех коренных начал, без которых не может существовать общежитие. В связи с этим, в числе прав, подлежащих помещению в основных законах Российской Республики, Я. М. Магазинером были названы: право на образование (причем была подчеркнута необходимость всеобщего образования); право на страхование; право на лечение (врачебную помощь).

По вопросу о том, подлежат ли упоминанию в декларации такие позитивные права, как: право на труд и право на призрение, членом Я. М. Магазинером был приведен взгляд на этот предмет Менгера, строго различающего оба эти права. По мнению Менгера, право на труд — это возможность для гражданина требовать от государства предоставления ему случая для применения труда данной личности, и что, при отказе государства пойти навстречу отдельному лицу, последнее может даже предъявлять к государству известные юридические притязания. Напротив, право на призрение определяется Менгером как право отдельного гражданина рассчитывать на милость со стороны государства, и последнее может эту милость либо оказать, либо же в помощи отказать; при этом, в последнем случае не получивший помощи от государства гражданин не имеет возможности обратиться с каким-либо притязанием к государству.

Выслушав все изложенные соображения, Комиссия для выработки проекта основных государственных законов Российской Республики, не встречая принципиально возражений против включения в декларацию позитивных прав, полагала однако, что помещение всех прав этого рода может оказаться неимеющим практического значения.

По этому поводу член Комиссии *А. М. Кулишер* высказал опасение, что такие заявления могут свестись к такому же изложению прав

человека и гражданина, как это было сделано во Франции в 1789 г. Национальным Собранием, которое, начав свою декларацию прав человека и гражданина с права от природы каждого человека заботиться о поддержании своего существования, поместило в дальнейших параграфах декларации указание на то, что люди родятся свободными и равными между собой и проч.

В соответствии с сим А. М. Кулишер полагал, что, поскольку права, вытекающие из общего права человека на достойное существование, могут быть конкретизированы, постольку они могут быть помещены в декларацию.

В связи с этим член Комиссии *Н. А. Ленский* ставил непременным условием, при внесении в основные законы Российской Республики позитивных прав, указать более конкретно также и на пределы пользования этими правами и на гарантии для осуществления их.

Член Комиссии *А. А. Боголепов* высказался против помещения в декларацию правовых норм, не имеющих конкретного содержания.

По обмене мнений по затронутым в проекте вопросам Комиссия признала правильным установить в декларации конкретные нормы, обеспечивающие права позитивного статуса.

Вместе с тем Комиссия нашла желательным, в соответствии с духом времени, помещение в вводной части основных законов социальных прав, формулированных в конкретной форме.

В дальнейшем председательствующий *В. М. Гессен*, напомнив, что во многих конституциях встречаются включенными также указания на основные обязанности граждан, как-то: воинская повинность, налоговые платежи и проч., поставил на голосование вопрос о необходимости, с принципиальной точки зрения, помещения таковых же указаний в разрабатываемую декларацию. Названное предложение было принято собранием единогласно.

Вслед за сим председательствующий В. М. Гессен, принимая во внимание краткий срок, имеющийся в распоряжении Комиссии для выполнения ею намеченных работ, предлагает собранию конкретно наметить метод работы Комиссии.

Подвергнув всестороннему обсуждению этот вопрос, Комиссия признала необходимым, в целях более успешной и быстрой работы, перенести центр тяжести работы в подкомиссии, оставив за общим собранием лишь общее руководство и окончательное одобрение разработанных подкомиссиями проектов по отдельным вопросам, порученным им общим собранием.

Относительно своей ближайшей деятельности Комиссия выработала следующий план: в ближайшее время (желательно в течение 2 заседаний) будут рассмотрены общим собранием все предварительные проекты, составляемые ныне подкомиссиями, и пленум должен будет, в связи с этим, разрешить все принципиальные вопросы.

За сим подкомиссиям будет поручена выработка окончательных проектов как статей, так и объяснительных записок, причем общее

собрание признало необходимым обязать подкомиссии представить свои труды к известному сроку.

После установления плана деятельности Комиссии членом Комиссии *И. В. Яшунским* было высказано мнение о необходимости, при выполнении Комиссией намеченной программы, обратить внимание, главным образом, на обработку объяснительных записок, а не проектов статей основных законов. В подтверждение правильности этого взгляда И. В. Яшунский указал на то обстоятельство, что Учредительное Собрание может отвергнуть принцип, принятый и положенный Комиссиею в основу разработанного проекта, в силу чего работа Комиссии по составлению проекта статей законов может оказаться бесполезной.

Выслушав изложенные соображения, Комиссия не сочла, однако, возможным вполне согласиться с высказанной точкой зрения. Признавая, с своей стороны, чрезвычайную важность объяснительных записок, так как цель работы Комиссии — дать возможность членам Учредительного Собрания ознакомиться с теорией и практикой по государственному праву, ввиду чего объяснительные записки должны иметь вид трактатов, — Комиссия указала в то же время на серьезное значение выработки проектов статей основных законов. При этом Комиссия отметила, что наличие подобных проектов основных законов может оказаться весьма полезным и целесообразным не только для общего собрания Учредительного Собрания, но и, что еще важнее, для комиссии, на которую будет возложена Учредительным Собранием выработка основных законов Российской Республики.

Председатель *Н. Лазаревский.*

Управляющий делами *Н. Мазаракий.*

Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации) [1].

А. Государство Российское едино и нераздельно.

Б. В составе государства Российского Финляндия пользуется самостоятельностью на основаниях и в пределах, установленных законом о взаимных отношениях России и Финляндии, принятым Учредительным Собранием (тогда-то), и формой правления, утвержденной (тем-то и тогда-то).

В. В государстве Российском будет введена областная автономия.

Г. Устройство областных учреждений и пределы их ведомства в делах местного законодательства и управления будут определяться законами, издаваемыми центральной законодательной властью (можно просто назвать — законодательные учреждения, создаваемые настоящими основными законами).

---

[1]) Формулировка заголовка документа, отпечатанного на пишущей машинке, сделана чернилами рукою председателя Комиссии Н. И. Лазаревского.

Д. Законы, изданные областными властями, не имеют обязательной силы, если противоречат этим основным законам, законам, изданным центральною государственной властью (т.-е. законодательными учреждениями, создаваемыми настоящими основными законами), и не основаны на законах, определяющих устройство и предметы ведения областных учреждений.

Е. Губернские и уездные правительственные учреждения будут непосредственно подчинены областным установлениям.

Ж. Участие органов местного самоуправления в выборе судей устанавливается в учреждении судебных установлений (св. зак., том XVI).

Запись Особой Комиссии для выработки проекта основных законов [1]).

Заседание 20 октября 1917 г.

№ 4.

В заседании присутствовали: председательствующий *В. М. Гессен* и члены: *Г. Э. Блосфельд, А. А. Боголепов, А. Булат, М. В. Вишняк, В. В. Водовозов, А. Я. Гальперин, В. Ф. Дерюжинский, И. А. Ивановский, С. А. Котляревский, А. М. Кулишер, А. С.* [2]) *Лазаренко, Н. А. Ленский, А. Н. Макаров, В. Ф. Матвеев,* барон *А. Ф. Мейендорф, В. Д. Набоков,* барон *А. Э. Нольде, Э. Э. Понтович, А. Хейфиц, Б. Е. Шацкий, И. И. Яковкин* и *И. В. Ягунский.*

Заседание открыто в 20 ч. 45 м.
» *закрыто в 23 ч. 30 м.*

Слушается представленный А. М. Кулишер и Б. Е. Шацким доклад о двупалатной и однопалатной системе [3]).

Поставленный на повестку доклад Н. И. Лазаревского о федерации и автономии, ввиду болезни докладчика, председателя Особой Комиссии для выработки проекта основных законов Н. И. Лазаревского, был снят [4]) с очереди, и собрание приступило к заслушанию доклада *А. М. Кулишера* о двупалатной и однопалатной системе, причем общие положения доклада по вопросу о верхней палате свелись к следующему [5]).

---

[1]) А. О. Р., ф. 474, д. № 22. Подлинник написан на пишущей машинке. В левом верхнем углу листа чернилами сделана надпись: «Ввиду последовавшего 24 октября 1917 года низложения Временного Правительства запись № 4 осталась неутвержденною председательствующим Особой Комиссии. Управляющий делами Особой Комиссии *Н. Мазаракий*».

[2]) «А. С.» — приписано карандашом, но ошибочно вм. А(лександр) Н(иколаевич). Первоначальное «Лазуренко» исправлено на «Лазаренко».

[3]) Текст: «Слушается... системе» — перечеркнут карандашом.

[4]) Зачеркнута далее цифра «2».

[5]) Далее приведены помещенные ниже (см. стр. 139) «тезисы по вопросу о верхней палате» А. М. Кулишера и Б. Е. Шацкого.

В дополнение к изложенному *А. М. Кулишер* отметил, что система, принятая в докладе, является компромиссом между двух- и однопалатной системой. С одной стороны, принцип верхней палаты, как консервативного начала, сдерживающего нижнюю палату, а на самом деле прикрывавшего классовые интересы, устарел, отжил свой век. С другой стороны, несовершенство политического строя при однопалатной системе наглядно иллюстрируется неурядицами, которые переживают страны, осуществившие принцип однопалатной системы во имя идеалов демократии, таковы Порто-Рико, Гондурас и [1]) другие мелкие южно-американские республики. Наилучшим выходом для избежания дефектов той и другой системы государственных учреждений следует признать современную теорию существования одной палаты наряду с системой референдума. В частности, постепенное осуществление этого принципа в жизни можно наблюдать в Англии, где за последние годы, в коллизиях верхней и нижней палат, одерживало верх мнение палаты общин, если оно отражало действительную волю страны [2]). При этом невозможность путем роспуска палаты общин изменить ее состав вопреки воли народа, в случае возникновения у ней конфликта с палатой лордов, является действительно могучим средством отстоять волю народа от покушений на нее со стороны верхней палаты.

Далее, по вопросу о полновластии палаты, докладчик счел нужным отметить, что опасение ослабления влияния нижней палаты [3]), обычно выдвигаемое противниками верхней палаты, является неосновательным при наличности условия избрания членов верхней палаты из среды представителей автономных местностей и общественных организаций, защищающих интересы демократического народа. Между тем при существовании единой палаты вся власть сосредоточивается в ее руках, и это чрезмерное влияние парламента вредно отражается на ходе законодательства. Достаточно в подтверждение этого положения указать на Великую Французскую Революцию, когда в теории признавали необходимость разделения законодательной и административной власти, а на практике Учредительное Собрание [4]) полновластно законодательствовало и управляло Францией. Во избежание повторения этой ошибки нужно, чтобы министерство, зависящее исключительно от одной палаты в области административной, нуждалось еще во второй палате для успешного хода законодательства. В частности, что касается России, то, принимая во внимание исключи-

---

[1]) В подлиннике: «Но».

[2]) Далее зачеркнуто: «А невозможность»; исправлено: «роспуска палаты»; приписано: «При этом невозможность путем... изменить ее состав вопреки воли народа»; слова: «у ней конфликта» — также приписаны на полях.

[3]) Зачеркнуто: «парламента», надписано: «нижней палаты».

[4]) Исправлено: «полновластно», зачеркнуто «и», исправлено «законодательствовало»; «Францией» — над строкой.

тельное положение, а равно разгар политических страстей, докладчик считал проведение референдума неосуществимым, установление единой палаты нецелесообразным, а единственно возможным — учреждение верхней палаты на вышеизложенных основаниях.

Следующий содокладчик, *Б. Е. Шацкий* счел нужным отметить, что в современной теории государственного права все больше и больше внимания уделяется принципу приведения к соответствию мнения парламента и мнения народа. Практически принцип этот [1]) может привести к созданию органа, который отражал бы желания народа, пробуждал его внимание, когда парламент недостаточно энергично отстаивает интересы народа, — словом, присвоить этому органу функции так называемого «dog-chamber» «собака, которая не кусает, но лает».

Но и в более современных условиях политического аппарата коллизии между верхней и нижней палатами неизбежны, и тогда является вопрос: как их разрешить? В частности, благоприятное разрешение [2]) задачи затрудняется в России, где по политическим условиям референдум невозможен. И единственно разумным компромиссом при создавшемся положении является предоставление верхней палате [3]) суспенсивного вето вместо абсолютного, причем [4]) гарантия соблюдения воли народа заключается в естественном роспуске палат.

Затем председательствующий *В. М. Гессен*, отметив интересный и содержательный доклад А. М. Кулишера и Б. Е. Шацкого, заявивших [5]) себя сторонниками двупалатной системы, предложил членам Особой Комиссии высказаться по поводу вопросов, затронутых докладчиками.

И. В. Яшунский полагал, что следует сохранить хорошую верхнюю палату, если она уже существует, но высказал сомнение в необходимости ее создавать, если ее нет, в частности — в России, где самое имя верхней палаты одиозно [6]). Что же касается вопроса о полновластии парламента, то ограничение его всемогущества посредством создания второй палаты не есть правильный путь.

По мнению *В. Ф. Матвеева*, проведение референдума несовместимо с учреждением верхней палаты; ибо, если референдум не годится, то не следует вводить его хотя бы косвенно. Согласно взгляду докладчиков, верхняя палата является коррективом к партийной борьбе, в этом направлении ее следует регулировать. По вопросу же о праве апелляции второй палаты — предпочтительнее система, принятая в Англии, где палате лордов не предоставлено право апеллировать к народу.

---

[1]) Зачеркнуто «это», надписано: «принцип этот».

[2]) Зачеркнуто: «улажение», надписано: «разрешение».

[3]) Зачеркнуто «установление», надписано: «предоставление верхней палате».

[4]) Зачеркнуто: «а», надписано «причем».

[5]) Зачеркнуто: «причем оба заявили», надписано: «заявивших».

[6]) Зачеркнуто далее: «и нельзя создавать верхнюю палату, отражающую взгляды народа теперь».

А. Булат выразил сомнение, каким образом верхняя палата будет апеллировать к народу, когда придется защищать волю народа; конфликт произойдет именно на почве разногласий верхних и нижних слоев народа, и трудно предполагать, что верхняя палата станет апеллировать к тому самому народу, интересы которого столкнулись с мнением представителей верхней палаты.

А. А. Боголепов затронул вопрос о полновластности палаты. Если не будет функций, ограничивающих палату, то нужно их создать именно путем организации демократической верхней палаты, избрав ее членов из среды представителей земских и городских учреждений [1]), построенных по строго демократической основе.

А. Хейфиц [2]) по вопросу о двупалатной системе стоял на точке зрения учреждения единой палаты из опасения, что верхняя палата явится тормозом законодательной деятельности парламента. Затем, желательно подробнее выяснить взгляд докладчиков относительно того, что следует понимать под чисто финансовыми вопросами и бюджетом, ввиду невозможности точно разграничить эту область законопроектов.

А. Ф. Мейендорф [3]) отметил, что в докладе слишком отразилась боязнь одиозности верхней палаты, а равно сквозило стремление заранее защитить ее от нападков и доказать, что она не может быть вредной. Не отрицая необходимости считаться с особенностями положения текущего момента, можно тем не менее отстаивать равноправность обеих палат. Принимая во внимание, что политическая ситуация меняется, итти уже на уступки — преждевременно [4]).

И. А. Ивановский не усмотрел оснований к опасению, будто учреждение верхней палаты идет вразрез с интересами демократии. Согласно основным положениям доклада, имеется в виду образовать верхнюю палату на основах [5]), отнюдь не умаляющих права [6]) парламента.

В. Ф. Дерюжинский полагал, что существование второй палаты может привести законодательное творчество к системе разделения труда и тем самым исправить ошибку прежнего строя, когда все законопроекты обязательно поступали в Государственную Думу, а Государственный Совет не обладал правом инициативы [7]). Между тем в Англии, классической стране парламентаризма, сложная законодательная работа распределяется между двумя палатами. Ввиду огромной работы, предстоящей Учредительному Собранию, следует признать целесообразность учреждения сразу двух полноправных палат, ограждающих непрерывность и плодотворность хода законодательных работ.

---

[1]) Зачеркнуто: «организаций», надписано: «учреждений».
[2]) Приписано карандашом: «А. Хейфиц».
[3]) Приписано карандашом: «А. Ф. Мейендорф».
[4]) Было: «прежде времени», исправлено: «преждевременно».
[5]) Было: «основных», исправлено: «основах».
[6]) Исправлено: «правах» на «права».
[7]) Зачеркнуто далее: «а».

Э. Э. Понтович, исходя из мнения, что соответствие между волей страны и деятельностью парламента имеет механический характер, в сущности, вытекающий из сцепления разных органов, а учреждение всех верхних палат явилось результатом исторического процесса, приспосабливание коих к интересам демократии [1]) совершилось уже потом, путем практики, — отнесся отрицательно к проекту создания двух палат вообще, а в частности в России, где представляется возможность создать нечто новое в этой области. Что же касается вопроса о полноте власти, то боязнь сильной [2]) палаты не имеет основания, и даже было бы политической ошибкой создавать слабый представительный орган.

Н. А. Ленский подошел к вопросу об учреждении верхней палаты с точки зрения насаждения и укрепления законности в стране, настолько расшатанной, что в ней, — и этого [3]) нельзя скрывать, — не существует понятия о законе. В условиях русской жизни насущной задачей является обеспечение изданий закона в истинном его понятии. Облегчить эту задачу может именно учреждение верхней палаты; при отсутствии же этого органа не будет уважения к правовым законам, нет уверенности в тщательности и продуманности законодательства и укоренении правосознания в массах народа, только пробуждающегося для новой жизни. И основным условием для достижения этой цели должно быть не только учреждение верхней палаты, но и полное равноправие ее с нижней палатой.

По мнению *С. А. Котляревского*, главным доводом в пользу учреждения второй палаты является именно слабость первой. Имея в виду, что Учредительному Собранию предстоят, при необыкновенно неблагоприятных условиях, колоссальной трудности задачи, а именно — создание нового государственного строя, разрешение сложного вопроса о народностях, разработка финансовых и экономических вопросов, — желательно и нужно привлечение к работе как можно больше людей, организаций, могущих принести пользу своими знаниями, опытом, и учреждение верхней палаты только облегчит эту колоссальную задачу. Что касается состава палаты, то, вступив уже на путь обновления, следует в нее избрать представителей автономных местностей и общественных организаций и приучить их законодательствовать не отвлеченно, решая вопросы a priori, но предварительно запрашивая и разрабатывая материал, собранный представителями общественных групп, заинтересованных и осведомленных в данных вопросах; подобные приемы уже практикуются во Франции и других передовых странах. Построенная на таких принципах, верхняя палата будет не тормозить, но всемерно способствовать разделению труда, и учреждение ее можно только приветствовать в интересах истинной

---

[1]) Слова: «к интересам демократии» — приписаны карандашом.
[2]) Зачеркнуто далее: «верхней».
[3]) Слова: «в ней, — и этого» — приписаны карандашом,

демократии. Затем, по вопросу о желательности сильной или слабой власти в зависимости от создания единой или двух палат, то, ссылаясь на печальный опыт Французской Революции, где восторжествовали и мнение и практика, что палата должна ослабить правительство, докладчик полагает невозможным [1]) повторять этот опыт и считает, что для усиления власти создание второй палаты имеет известное преимущество.

Наконец, разрешение вопроса о второй палате тесно связано с вопросом о федерации, убежденным сторонником которой С. А. Котляревский себя заявил, и если только Россия пойдет по этому пути, то тем необходимее вторая палата.

М. В. Вишняк полагал, что докладчики конструируют [2]) верхнюю палату как средство для усиления исполнительной власти, иначе — предлагают компромиссное решение. Между тем, по его мнению [3]) и с этой точки зрения учреждение второй палаты представляется излишним.

И. В. Яшунский привел возражение, что следует руководствоваться не только условиями текущего момента, которые преходящи, а брать в основу будущего политического учреждения устойчивое положение. Не возражая против децентрализации и установления не властного, но авторитетного органа, где все вопросы будут обсуждаться компетентными организациями, следует иметь в виду, что через год, два власть может стать сильной, но не верхняя палата создаст ее. Если же в стране будут [4]) продолжаться разлад и конфликты, то и правительство потеряет авторитет и силу, независимо от существования второй палаты.

Заслушав вышеизложенные мнения, председательствующий *В. М. Гессен*, прежде чем резюмировать их, высказал свое мнение об однопалатной системе, убежденным сторонником которой он себя заявил. Согласно его взгляду, верхняя палата есть исторический пережиток, не имеющий практического, политического значения. Существование двух демократических палат является бесцельным политическим учреждением, подтверждением чему является опыт американских стран. Мало поможет решению вопроса внесение в вопрос о двупалатной системе известного компромисса в виде предоставления верхней палате суспенсивного вето. Если демократия не созрела, то нужно другое средство — монархия.

Что касается состава верхней палаты, то и тут в докладе можно отметить неустранимое противоречие — верхняя палата должна быть либо недемократичной, либо демократичной. Но кем же пополнить палату в стране, где нет ни аристократов, ни монарха, — а демократическую равноправную верхнюю палату немыслимо создать

---

[1]) Зачеркнуто: «не следует его», надписано: «докладчик полагает невозможным».

[2]) Первоначально было: «в докладе верхняя палата создается».

[3]) Слова: «между тем, по его мнению» — приписаны карандашом.

[4]) Исправлено: «будут», надписано: «продолжаться».

в России по обстоятельствам реальной политики. Основное заблуждение революции заключается в том, что нельзя строить правовой порядок на произволе, и, пока эта ошибка не будет исправлена, никакие учреждения не помогут.

Далее, по вопросу о силе или слабости палаты, необходимо отметить, что идея полновластности палаты непримирима с идеей суверенитета народа.

С одной стороны, при автономии немыслим полновластный парламент, с другой стороны, развитие парламентарного строя происходит за счет умаления истинной воли народа.

Возвращаясь к основному вопросу доклада, следует ли признать принцип одной или двух палат, председательствующий отметил, на основании вышеизложенного обсуждения, что среди членов Особой Комиссии по изготовлению проекта основных законов имеются сторонники трех мнений: 1) классической двупалатной системы [1]), 2) английского государственного порядка после 1911 года, т.-е. права суспенсивного вето и 3) однопалатной системы.

В целях полного беспристрастия и всестороннего освещения все изложенные три мнения могут быть представлены Учредительному Собранию в форме законопроектов с объяснительной запиской.

После заключительного слова *А. М. Кулишера*, который, возражая оппонентам, отстаивал вышеизложенные взгляды по вопросам, возбужденным в связи с докладом, председательствующий *В. М. Гессен* поставил [2]) на голосование [3]) вопрос о двупалатной или однопалатной системе.

Среди присутствующих оказалось 11 сторонников двупалатной системы и 7 сторонников однопалатной.

Далее поставлен был [4]) на голосование вопрос о равноправности и неравноправности верхней и нижней палат, причем [5]) за равноправность высказалось 7 членов Комиссии, а за неравноправность —4. Наконец, при голосовании по вопросу о демократической верхней палате на основе представительства интересов и реальных групп было подано 7 голосов —за и 9 — против.

После предложения *В. М. Гессена* о необходимости представить краткие схемы по вопросам, разработка которых поручена членам Особой Комиссии, заседание было объявлено закрытым.

Председатель (подпись отсутствует).

Управляющий делами (подпись отсутствует).

---

[1]) Зачеркнуто далее: «при наличности».

[2]) Зачеркнуто далее: «было»; исправлено: «поставил».

[3]) Зачеркнуто: «кто из членов Особой Комиссии стоит за двупалатную систему»; надписано: «вопрос о двупалатной или однопалатной системе».

[4]) Исправлено: «поставлен был»; надписано: «вопрос о равноправности»; зачеркнуто: «кто за».

[5]) Зачеркнуто далее: «Сторонников было 4, а»; надписано: «высказалось 7 членов Комиссии, а за неравноправность — 4».

Тезисы по вопросу о верхней палате [1]).

Общие положения.

I.

Основным аргументом против учреждения верхней палаты является невозможность ее организации сообразно с демократическими принципами представительства. Но из этого положения должен быть сделан вывод не о совершенной ненужности верхней палаты, а только о необходимости лишения ее абсолютного вето.

II.

Правосознание современной демократии считает соответствие воли народного представительства и действительной воли страны не непререкаемым положением, а лишь презумпцией, которая может быть и опровергнута. За исключением референдума (применимость которого к русским условиям более чем сомнительна) едва ли не наилучшей гарантией соответствия издаваемых узаконений действительному настроению страны является наличность авторитетного органа, имеющего право обратить внимание общественного мнения на тот или другой проект, предлагаемый нижней палатой, и дать стране возможность высказаться недвусмысленным образом по данному вопросу.

III.

Независимо от сего, необходимо иметь также в виду, что известное усложнение законодательного процесса, создаваемое участием в верхней палате [2]) с правом суспенсивного вето, является в парламентарной республике едва ли не единственной прочной гарантией против полного смешения законодательства и управления.

IV.

Наконец, признавая, что верхняя палата не может не являться органом, с чисто-политической точки зрения, менее демократическим, чем нижняя палата, и что поэтому ей не может принадлежать решающий голос, — необходимо отметить, что обязательная «недемократичность» в социальном смысле состава верхней палаты является положением недоказанным и недоказуемым и что этот вопрос зависит от конкретных определений закона.

---

[1]) А.О.Р., ф. 474, дело № 22. В подлиннике над заголовком пометы: «Комиссия основных законов» и «А. М. Кулишер, Б. Е. Шацкий».

[2]) В подлиннике помещенной выше записи Особой Комиссии № 4 это место исправлено и читается так: «участием в нем верхней палаты».

Состав верхней палаты.

V.

Основным элементом состава верхней палаты должно явиться представительство местностей. Поскольку будут введены местные автономные учреждения, право избрания членов верхней палаты должно быть предоставлено этим учреждениям. В тех же местностях, на которые не будет распространено автономное устройство, это право должно быть предоставлено высшим органам местного самоуправления, т.-е. губернским земским собраниям и городским думам городов, выделенным из губернского управления.

Кроме того, представлялось бы желательным, чтобы в состав верхней палаты вошли также представители важнейших организованных социальных и культурных сил страны (как-то: представители торговли и промышленности, кооперативов, профессиональных союзов, академий, учебных обществ и высших учебных заведений). Порядок объединения подлежащих организаций для производства выборов членов верхней палаты должен быть определен особыми законами.

Отношения между палатами.

VI.

Отношения между палатами должны быть построены на том основном принципе, что воля непосредственного народного представительства должна обязательно стать законом в тот момент, когда отпадают серьезные сомнения об ее соответствии действительной воле страны. Система разрешения конфликтов посредством соединенных заседаний палат не отвечает ни одному из указанных признаков, а поэтому должна быть отвергнута. Наиболее правильной с этой точки зрения является такая система, которая предоставляет окончательное решение той же нижней палате, но лишь после того, как она представит свою политику на суд избирателей и получит их одобрение. Из этих соображений вытекало бы следующее правило.

Если законопроект, принятый нижней палатой и отклоненный верхней (причем к отклонению приравнивается внесение поправок, на которые нижняя палата не согласилась, или нерассмотрение в течение легислатуры), будет снова принят нижней палатой в течение первой сессии после ее переизбрания (путем роспуска или естественного окончания срока полномочий) в том же виде, как он был принят в первый раз, то такой проект становится законом без представления его в верхнюю палату.

VII.

Из этого порядка должны быть, однако, исключены финансовые дела (как бюджет, так и чисто финансовые законопроекты) уже потому, что дела эти требуют по большей части немедленного разрешения.

В этих делах верхней палате может быть предоставлен лишь чисто совещательный голос (по примеру действующей английской системы), т.-е. эти проекты должны представляться на заключение верхней палаты, но должны разрешаться окончательно нижней палатой в пределах той же сессии.

Основные положения доклада члена Комиссии по разработке основных законов А. Н. Макарова о порядке пересмотра основных законов, составленные в предположении, что Комиссией будет принята двупалатная система [1]).

I. Представляется необходимым формально разграничить порядок пересмотра основных законов и законов обыкновенных.

II. Согласно опыту западно-европейского конституционного права, представляется необходимым не устанавливать таких формальных условий пересмотра основных законов, которые вели бы к чрезвычайной затруднительности конституционного пересмотра.

III. Представляется желательным установить следующие основные начала конституционного пересмотра:

1. Инициатива пересмотра основных законов принадлежит обеим палатам: соответственное решение должно быть принято абсолютным большинством голосов каждой палаты.

2. Пересмотр осуществляется соединенным собранием обеих палат большинством $^2/_3$ голосов.

Тезисы Э. Э. Понтовича по статьям о порядке пересмотра основных законов, составленные в предположении, что Комиссией будет принята однопалатная система организации народного представительства [2]).

1. Определяя порядок пересмотра конституции, надлежит установить лишь такие ограничения прав народного представительства в этой области, которые давали бы действительную гарантию против того, чтобы из «органа суверена» оно не превратилось бы в «суверенный орган».

2. Наиболее действительным к тому средством являются, по моему мнению, установление необходимости роспуска палаты силой закона и назначение новых выборов.

3. Роспуск палаты следует за принятием ею большинством $^2/_3$ голосов постановления о необходимости пересмотра всей конституции или отдельного ее постановления.

4. Вновь избранная палата производит постановленный пересмотр в пределах, которые были установлены постановлением распущенной силой закона палаты, и окончательно решает вопрос о пересмотре абсолютным большинством голосов.

---

[1]) А.О.Р., ф. 474, д. № 22.
[2]) А.О.Р., ф. 474, д. № 22.

Крым в 1918—1919 гг.

(Материалы осведомительных органов Добровольческой армии и дипломатического представителя Всевеликого Войска Донского.)

В XXII томе «Красного Архива» опубликованы некоторые материалы, относящиеся ко времени французской интервенции в Крыму, когда государственная власть находилась там в руках демократического краевого правительства Соломона Крыма. Это — «Справка» одного из членов правительства, М. М. Винавера. «Справка» — очень важный источник для изучения гражданской войны в Крыму в период 1918—1919 гг., но пользоваться этими источником историку гражданской войны надо с осторожностью: «Справка» слишком тенденциозна, так как ее назначение — быть своего рода отчетом самооправдывающегося обанкротившегося правительства.

Сейчас мы публикуем ряд документов, относящихся к тому же периоду, но исходящих из источника, хотя и белогвардейского, но враждебного краевому правительству. Это — материалы осведомительных органов добровольческого командования в Крыму.

Постоянные трения между добровольцами и Краевым правительством не остались без следа как на публикуемых ниже материалах, так и на ранее опубликованной «Справке» Винавера. И здесь, и там мы находим немало выпадов друг против друга, но это не обесценивает документов, а скорее увеличивает их интерес. Сопоставляя одно и другое изложение событий, мы получаем возможность во многих случаях воспроизвести довольно точную картину. Разная оценка материала, неодинаковый подбор фактов — при сопоставлении создают порой стереоскопически рельефные очертания, хотя и окрашенные, конечно, неизменно в белый цвет.

Публикуемые ниже материалы распадаются на три группы. Прежде всего идут сводки и доклады о положении в Крыму, составленные начальником осведомительного бюро штаба командующего войсками Добрармии в Крыму. Эти сводки и доклады направлялись по разным инстанциям добровольческого командования, причем наше собрание, как видно из пометок на документах, предназначалось для барона Нолькена, представителя Добровольческой армии при союзном командовании в Крыму. Барон Нолькен, со своей стороны, делал на докладах пометки о переводе их на французский язык, очевидно, для представления союзному командованию [1]).

За докладами и сводками идут осведомительные телеграммы политического характера начальника штаба Добровольческой армии в Симферополе. Сюда же относятся и выделенные нами в особую группу телеграммы, так или иначе касающиеся специаль-

---

[1]) В этом отношении любопытны те пропуски, которые делались в тексте докладов или сводок при переводе их на французский язык.

ного вопроса о партизанском движении. Все эти телеграммы также отправлялись со многими адресами по различным инстанциям добровольческого командования. В числе прочих адресатов был и барон Нолькен. Именно эти оттиски телеграмм мы и публикуем.

Наконец, последними мы помещаем два доклада представителя войска Донского в Крыму. Они, хотя и исходят из иного источника, нежели весь остальной материал, но, касаясь того же периода, как бы дополняют добровольческие информации.

Как телеграммы, так и сводки дают богатый материал для характеристики различных отраслей жизни. Особенно подробно освещено настроение разных классов и групп населения Крыма. При всем своем желании доказать растущий авторитет Добровольческой армии в глазах всех групп населения, автор докладов, в согласии с многочисленными телеграммами с мест, неизбежно приходит к противоречивому выводу. Ура-патриотические восхваления заслуг Добровольческой армии белыми нитками пришиты к фактам, совсем нелестным для нее. Общие рассуждения о том, что авторитет Добровольческой армии в глазах населения неизменно растет, чередуются с сообщением о фактах срывания погон с офицеров, «допущенных ошибок при обысках», проводимых добровольцами, бесчинствах, чинимых офицерством, и т. д. Наивные повествования о крестьянах, которые с такой охотой ждут мобилизации, что молодежь отказывается даже от женитьбы, чередуются с многочисленными сообщениями о крестьянских вооруженных выступлениях на почве категорического нежелания итти по мобилизации в белую армию. Добровольческий осведомитель собрал множество фактов о конфликтах между Добровольческой армией и крестьянством. В отдельных случаях столкновения на почве отказа дать призывных выливались в настоящие сражения, когда в ход пускались артиллерия и минометы, когда целые деревни сносились с лица земли.

Много ценного мы узнаем о рабочем движении и деятельности большевистского подполья. Добровольческий информатор, быть может, и преувеличивал, а порой и просто фантазировал насчет большевистских террористических заговоров и со дня на день ожидаемых вооруженных выступлений. Плох был бы жандарм, у которого наготове не было бы всегда достаточного количества крамольных заговоров, чтобы оправдать политику безжалостной борьбы с большевизмом вплоть до массовых бессудных расстрелов. Однако, если в области разоблачаемых «заговоров» и были преувеличения, то все же отдельные новые факты и подробности уже известных событий историк революционного подполья найдет и в наших добровольческих донесениях. Как пример, можно привести указание одного из докладов по поводу присылки большевистской агитационной литературы на пароходах из Одессы в Крым. «Как установлено агентами русской и английской контрразведки, — читаем мы в донесении, — агитационная литература на русском и французском языке в невероятно больших количествах получается в Севастополе пароходом регулярно 2 раза в неделю из Одессы». Если слова о «невероятно больших» количествах, а может быть и о «регулярной» ее доставке «2 раза в неделю», мы должны отнести за счет нарочито раздуваемой большевистской опасности, то все же самый факт присылки агитационной литературы из Одессы в Крым вполне правдоподобен. Между тем, эта очень яркая иллюстрация энергичной деятельности одесского подполья, несмотря на многочисленность уже изданных мемуаров ряда одесских подпольных работников, в печати, насколько нам известно, еще ни разу не отмечалась.

Довольно интересны сведения о профессиональных организациях Крыма. Здесь есть указания и на организационную структуру союзов и на их количественный

состав, и на политическую окраску. Под сенью демократического краевого правительства и под руководством социал-демократов крымские профессиональные союзы влачили очень жалкое существование.

Из других вопросов, затрагиваемых в сводках, докладах и телеграммах, можно отметить информацию относительно настроений в рядах татарского и немецкого населения Крыма. Невежественный и, кстати сказать, малограмотный автор докладов и сводок, рассуждая и делая «выводы», и здесь говорит много несуразностей. Он, напр., с полнейшей категоричностью утверждает, что классовой борьбы в среде татарского населения нет и «быть не может в силу исторического уклада народа». Наряду с подобными «глубокомысленными» соображениями в докладах приводится немало сведений как раз об этой классовой борьбе, сведений, следует заметить, довольно интересных, тем более что вопрос о роли татарского населения Крыма в годы гражданской войны в нашей литературе освещен очень мало [1]). То же относится к немцам-колонистам. Сведения о них довольно существенны. Повидимому, у колонистов действительно преобладало единодушное и к тому же активное контрреволюционное настроение. Но и в этой среде встречались исключения: безземельные немцы, по словам добровольческого информатора, были настроены «большевистски». Впрочем таких было мало, и симпатии добровольцев почти всегда оставались полностью на стороне колонистов.

В общем добровольческие осведомительные донесения, сводки и телеграммы рисуют картину полнейшей неспособности обоих претендентов на власть в Крыму — добровольцев и краевого правительства наладить хотя бы самый элементарный «порядок» (даже в буржуазном понимании этого слова). Если правительство винит в своих неудачах деникинских генералов, то Деникин вправе вернуть правительству тот же упрек. Он тем более это может сделать, так как самый факт появления Добровольческой власти в Крыму — дело рук краевого правительства. Оно само призвало деникинцев в Крым для совместной борьбы с большевиками и воссоздания «единой и неделимой России». Об этом с полной достоверностью поведал в своих мемуарах Деникин. Мы же можем к этому добавить, что в момент немецкой эвакуации Крыма, когда пало черносотенное правительство генерала Сулькевича, когда на смену немцам союзники не успели еще прислать своих войск, — генералу Деникину было бы не под силу ввести свою власть в Крыму. В этот момент должно было появиться правительство «переходного времени», правительство с демократическими лозунгами, способными хотя бы временно привлечь симпатии широких масс населения. Соломон Крым и его министры гордились своим приходом к власти без всякого использования военной силы. Но, не имея силы, они вынуждены были ее призвать извне. И они призвали Деникина. Если бы не поддержка французов, которым было по разным причинам невыгодно усиление Деникина в Крыму, правительство С. С. Крыма очень скоро было бы сброшено добровольческими генералами. Демократическая власть сделала свое дело и могла смело уходить. Это было ясно даже не слишком глубокомысленному «начальнику осведомительного бюро», автору наших докладов. На этот раз он рассудил очень мудро: «Правительство, — пишет он в одном из своих обзоров, — сыграв полезную роль временного переходного образования, постепенно утрачивает под собой почву».

---

[1]) Единственная статья на этот счет была напечатана в № 1 (3) сборника «Революция в Крыму» за 1924 год (статья Вл. Елагина «Националистические иллюзии крымских татар»).

Ценным дополнением к добровольческим сводкам и обзорам могут служить донесения атамана зимовой станицы [1]) «Всевеликого Войска Донского» при Крымском правительстве на имя донского атамана.

Особый интерес представляет первое донесение от 25 марта 1919 года, в котором заключается подробная запись событий, связанных со всеобщей забастовкой в Севастополе.

История этой забастовки в литературе почти не освещена, а между тем она заслуживает полного внимания, как прекрасный образчик отношения рабочих масс к добровольческой диктатуре и к союзнической интервенции. В донесении полковника Власова события последовательно излагаются от первых моментов стачки, когда 13 марта историческая конференция профессиональных союзов вынесла постановление: объявить немедленно всеобщую политическую забастовку ввиду того, что «на пролетариате Крыма лежит священный долг притти на помощь героической Красной армии и свергнуть ненавистное краевое правительство», до полной ликвидации забастовки в результате совместных усилий «демократического» краевого правительства, добровольцев и французских оккупационных властей.

Попутно полковник Власов повествует и о случаях бессудных расстрелов, чинимых добровольцами над арестованными по подозрению в причастности к стачечному движению.

Второе донесение полковника Власова относится уже ко времени последних дней пребывания французов в Крыму. Это донесение вновь подтверждает давно известный факт готовности французских оккупационных властей опереться на любую местную антисоветскую силу, лишь бы она была способна и согласна осуществить борьбу с большевиками.

С этой точки зрения для французов, в конце концов, были одинаково хороши и Деникин — носитель идеи восстановления единой и неделимой России, и самостийный Петлюра, и демократическое краевое правительство Крыма, и донской атаман. Как только обнаруживалась неспособность одного претендента на власть, начинались поиски нового.

Окончательно разочаровавшись и в Соломоне Крыме, и в Деникине, французы безостенчиво выбрасывают вон со «своей» [2]) территории обе эти власти и начинают дружеский разговор с Доном, не смущаясь германофильской ориентацией, которая еще так недавно лежала в основе программы донского правительства. На этот раз дальше лишь предварительных разговоров дело не пошло. Донской атаман не успел попасть во временные фавориты: помешала поспешная эвакуация французов из Крыма.

Доклады и сводки публикуются в той же последовательности, в какой они расположены в деле (Моск. Центр. Архив Окт. Революции, ф. № 430, инв. № 259, дело № 2).

Даты имеются не на всех докладах и сводках. Стиль повсюду старый. Исключением служит «доклад о современном состоянии в Крыму татарского населения» (см. ниже, стр. 157). В конце этого доклада имеется помета: «29 ноября н. ст.», между тем в деле он подшит после политической сводки от 31 декабря ст. стиля.

---

[1]) «Атаман зимовой станицы» — полномочный посланник.

[2]) На основании англо-французского соглашения о «разграничении зон действия» союзников на территории России Крым входил во французскую зону.

Первые четыре сводки подписаны «за начальника» Осведомительного Бюро штаба командующего войсками Добровольческой армии в Крыму штабс-капитаном Пацановским; остальные — начальником этого же Бюро Кирпичниковым, который в нескольких случаях именует себя старшим адъютантом военно-политического отделения.

Часть докладов и сводок не имеет подписей.

Ал. Гуковский.

ДОКЛАДЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОДКИ НАЧАЛЬНИКА ОСВЕДОМИТЕЛЬНОГО БЮРО ПРИ ШТАБЕ КОМАНДУЮЩЕГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ В КРЫМУ.

Политическая сводка 11 декабря 1918 г.

Отношение во всех кругах населения за исключением чернорабочих к Добровольческой армии значительно последние дни улучшилось. Большую роль в этом сыграли осведомление населения, а также благожелательный тон к Добрармии местной печати, поддерживающей со штабом армии непрерывную связь. Показателем улучшившегося отношения служат витрины в рабочих кварталах, которые еще неделю тому назад вызывали определенно враждебное отношение (были даже попытки их уничтожить), теперь же читаются с большим интересом, собирая большое количество публики. В разговорах около витрин не слышатся враждебные выпады против Добрармии.

В рабочих же кругах агитация большевиков принимает все бо̀льшие размеры, особенно усиленно она ведется среди военнопленных, в большом количестве прибывших в течение последнего месяца и объединившихся дней десять тому назад в союз. Из состава этого союза большевиками неделю тому назад на случай выступления был избран Революционный Комитет. В последние дни в Симферопольском уезде, в Подгородно-Петровской волости, крестьянином Русаневичем и еще 5—8 человеками ведется усиленная агитация к захвату помещичьих имений, а также против Добровольческой армии. Агитаторы внушают крестьянам, что власть краевого правительства и Добрармии в Крыму скоро будет сброшена петлюровцами и махновцами, и потому не следует ни слушать существующей власти, ни платить податей. Мобилизация проходит крайне вяло. Подлежащие мобилизации делают все, чтобы ее избегнуть. Иллюстрацией результатов ее в городе Симферополе является то, что из 1 037, подлежащих мобилизации, мобилизованных всего 150 человек. За последнюю неделю проникло много слухов и сведений о Добровольческой армии в крестьянское население. Полученные о Добрармии сведения произвели на крестьян благоприятное впечатление. Крестьяне только удивляются и усиленно обсуждают обстоятельство, что Добрармия не издает никаких приказов для населения. В деревнях ждут мобилизации молодых годов, а потому молодежь, подлежащая, как они думают, призыву, воздерживается от женитьбы. Мобилизация эта, по мнению земских деятелей, встречена будет благожелательно.

Вчера в рабочем клубе в Симферополе состоялся импровизированный митинг. Ораторами выступали бежавшие из города Смоленска рабочие, рассказавшие о происходящем в Совдепии, где, как они выражались, жить стало совсем нельзя.

В своих речах они выражали удивление, что здешние рабочие хотят возвращения власти большевиков. Своими рассказами они произвели большое впечатление на слушателей.

В Севастополе спокойно, приняты меры на случай выступления.

В Феодосии и окрестностях положение напряженно-тревожное, ждут прихода частей Добровольческой армии.

В Евпатории настроение тревожное, ведется усиленная агитация.

В печати никаких руководящих статей за эти дни не было. Печать настроена к Добровольческой армии несколько более благожелательно.

За начальника Осведомительного Бюро штабс-капитан

Пацановский.

Политическая сводка 12 декабря 1918 г.

По почину партии с.-д , завтра в Симферополе и Севастополе состоятся митинги протеста профессиональных организаций против Добровольческой армии и союзников.

В городах Крыма, особенно Севастополе и Симферополе, день изо дня увеличиваются кадры безработных, главный контингент которых составляют бывшие военнопленные.

Во всех кругах общества началась усиленная деятельность в пользу Добровольческой армии. Так, образованы агитационные комиссии для агитации в пользу Добрармии; архиереем разослан по епархии циркуляр о пропаганде в пользу Добрармии.

Авторитет правительства в глазах населения падает все более и более, особенно много нареканий вызывает продовольственный орган.

Вр. и. д. нач. Освед. Бюро штаба ком. войсками Добровольческой армии в Крыму штабс-капитан *Пацановский.*

Политическая сводка 13 декабря 1918 г.

Деятельность большевиков принимает все бо́льшие размеры. В Симферополе большевистская типография, помещающаяся в доме Садовникова по Салгирской улице, и Комитет в Салгирской слободке, по Обходному переулку, дом Иванова, № 14, работают все интенсивнее, готовясь к вооруженному выступлению.

В Севастополе выступления против отдельных чинов Добровольческой армии и союзников принимают все более определенные формы. Ежедневно обстреливаются патрули и здания военных учреждений Добровольческой армии. Население продолжает вооружаться, получая

оружие через рабочую дружину, настроение их [sic!] крайне большевистское.

Такое же положение во всех остальных городах Крыма.

Вообще большевистская пропаганда, против которой не принимаются никакие меры, создает такие условия, при которых всякая агитационная работа в пользу Добровольческой армии становится невозможна.

Кроме того, в поездах, приходящих из Харькова, большевиками привозится беспрепятственно всякая литература, а они сами без помехи доставляются на полуостров.

За начальника Освед. Бюро штабс-капитан *Пацановский*.

№ 20.
г. Симферополь.

Политическая сводка на 16 декабря 1918 г. *).

Секретно.

Из Севастополя получены сообщения о прибытии двух делегаций: делегации 27 немецких колоний, которая прибыла просить помощи Добровольческой армии оружием и патронами против банд Петлюры и Махно; делегации крестьян Сумского района, которая приехала к командованию Добровольческой армии и союзникам просить помощи военной силой для защиты от большевиков. Обе делегации выезжают в Симферополь. По отдельным пока сведениям в связи с десантом союзников в Севастополе замечается некоторое ослабление агитации большевиков; указывают отъезд нескольких видных лиц.

В Ялте в порту задержана украденная в Севастополе казенная нефть в количестве 23 бочек. Дело передано начальнику уезда. Кратковременное пребывание в Ялте союзного миноносца произвело хорошее впечатление.

В Евпаторию приехал председатель Военно-Революционного Комитета — известный в Крыму Турецкий.

В Симферополе среди прибывших с Кубани двух казачьих сотен ведется деятельная большевистская агитация. Казаки посещают рабочий клуб и различные притоны. Есть сведения, что несколькими казаками (не известно, имели ли они полномочия) было заявлено большевикам, что в случае выступления сотни останутся нейтральными.

Получены сведения о том, что во 2-й офицерский батальон прибыли из Карасубазара 12 офицеров, которые посетили в Симферополе видного большевика и установили с ним связь (ближайшим начальством установлено наблюдение).

У большевиков существует план при выступлении охватить город с окраин и с соседних деревень: Саблов, Курцов, Кият и Петровского.

---

*) На подлиннике надпись: «Копия барону Нолькену».

Последняя деревня является особенно важным центром, так как там проживают видные большевики.

Начальник Освед. Бюро штаба ком. войсками Добрармии в Крыму

Кирпичников.

Доклад начальника Освед. Бюро штаба ком. войсками Добрармии в Крыму Кирпичникова.

18 и 19 сего декабря мною, согласно полученному разрешению, были устроены в 1-м и 2-м офицерских батальонах беседы на тему «Добровольческая армия в Крыму». В беседах мною были кратко обрисованы общественные и политические условия Крыма, отношения населения к Добровольческой армии и причины, его обусловливающие. С особой подробностью я остановился на диктуемой всеми этими условиями линии поведения чинов Добровольческой армии, в частности на том, допустима ли самостоятельная борьба офицерства с большевизмом. Мною было указано, что есть основания быть уверенным, что в ближайшем будущем правительством и командованием будут предприняты необходимые меры борьбы с большевизмом.

Из отдельных вопросов пришлось остановиться на материальной стороне жизни армии и на призыве. Более удачной была беседа во втором батальоне, где были заданы многочисленные вопросы информационного характера. Особую остроту получили вопросы о том, как согласовать требование строгой законности с необходимостью борьбы с большевизмом в Крыму. Из вопросов другого рода надо отметить вопрос, настоятельно повторявшийся на обеих беседах: будут ли повышены оклады юнкерам и вольноопределяющимся, причем отмечалось особенно тяжелое положение семейных лиц этой категории. Никаких монархических заявлений или призывов к национальной розни сделано слушателями не было. Наоборот, сообщения о непредрешении армией формы правления и признание важности изъявления народной воли были прослушаны частью собрания с видимым одобрением. В 1-м офицерском батальоне особое оживление вызвали вопросы бытовые: волнение вызвало предпочтение, отдаваемое в столовой при штабе чинам штаба перед другими офицерами, а также преимущество штаба перед строевыми частями в снабжении (повидло, папиросы и др.). Обсуждая вопросы последних обысков и арестов, офицеры обоих батальонов признали, что офицерством был допущен целый ряд ошибок. Общее впечатление от бесед (особенно во 2-м батальоне) самое благоприятное. Можно полагать, что такие беседы, ориентируя офицерство в окружающей обстановке, удержат его от вредных или нетактичных действий. Во 2-м батальоне слушатели настоятельно просили о повторении бесед и на будущее время. Надо отметить в заключение, что оживленно комментируются офицерами вопросы призыва, причем самое отрицательное к себе отношение встречают как

освобождение от призыва многочисленных категорий лиц (студентов и др.), так и самое отношение к призыву крымского студенчества и офицерства.

Политическая сводка 20 декабря 1918 г. *).

Злободневной темой у офицеров в последние дни является вопрос о непризыве на военную службу офицеров, служащих в правительственных учреждениях, и о проекте, в случае призыва, уплачивать им полностью содержание; те же из офицеров, которые идут добровольно в армию, теряют право на получение от правительства прежнего содержания. Руководствуясь этим, много офицеров не покидает правительственных учреждений для поступления в армию, пока не последует их призыва.

Много тревожных сообщений идет из Евпатории. Находящаяся там шайка [1]) в 60—80 человек, вооруженная револьверами и имеющая около 400 винтовок, заняв каменоломни, расположенные в районе 3-го городского участка, уже в течение месяца терроризирует грабежами и убийствами. В последние дни около шайки собралось еще около 200 человек преступного элемента, и сегодня утром она открыто выступила, предполагая занять город и захватить учреждения, главным образом государственный банк и казначейство. Выступлением этим руководит местный большевистский комитет. На захваченные деньги большевики предполагают усилить пропаганду для подготовки к общему выступлению.

Получены проверенные сведения, что 4 января нового стиля состоится областной съезд партии большевиков, на котором будет обсуждаться вопрос о захвате власти. Есть сведения, что и выступление будет приурочено к этому времени.

Вчера вечером на вокзал явилось 6 человек, вооруженных револьверами, в костюме рабочих. Взяв из чинов находящейся там железнодорожной охраны 2 человек и поставив их в зал I класса, эти неизвестные начали срывать погоны с находящихся там офицеров. Сорваны были погоны у 5 человек, двое были разоружены. Офицеры на это никак не реагировали, безмолвно подчинившись этому. Все это происходило в присутствии многочисленной публики и железнодорожных служащих, которые провожали эти действия смехом; на просьбу по телефону коменданта станции прислать для задержания этих неизвестных воинский отряд ответа получено не было. Проделав все это и реквизировав у публики продукты, вооруженные без помехи скрылись.

Прибывшая из Мелитопольского уезда, Васильевской волости, делегация крестьян просила разъяснить, что такое Добровольческая армия и какие цели она преследует, так как среди крестьян кем-то усиленно распускаются слухи, что армия как придет, так по-

*) На подлиннике надпись: «Барону Нолькену».

садит царя и будет пороть и расстреливать крестьян. Также делегация просила дать ей какую-нибудь литературу, которая бы разъяснила населению, что такое армия. Таковая литература была дана делегации.

Председатель волостной земской управы Поливодов в селе Зуя усиленно агитирует за выступление против Добровольческой армии. Фамилия Поливодова значится в найденных списках видных деятелей большевистской партии.

Начальник Освед. Бюро штаба ком. войсками Добрармии в Крыму

Кирпичников.

Политическая сводка 21 декабря 1918 г.

В рабочих кругах много говорят о готовящемся выступлении большевиков против правительства. Настроение приподнятое. По городу ходят самые невероятные слухи о событиях в Евпатории.

В связи со всеми этими слухами интеллигенция и буржуазия настроены панически. Доминирующей темой во всех разговорах является вопрос о Добровольческой армии. Некоторые сознательные рабочие говорят, что рабочие помирились [бы] с армией, если бы она постаралась сделать что-нибудь для них, — так, устроила бы какие-нибудь работы для безработных, которых день ото дня становится больше. В частности указывают на громадный завод Анатра, который, если не работает на военные нужды, то хоть бы строил сельско-хозяйственные машины.

У крестьяне все больше растет недовольство против губернской продовольственной управы, которая реквизирует по твердой цене хлеб и ограничивает помол.

Все это, по мнению крестьян, создает спекуляцию, на которой, как говорят крестьяне, наживаются. Крестьяне указывают на то, что Добровольческая армия должна вмешаться и объявить твердые цены на хлеб. Тогда и хлеб будет дешевле, и зарывать в землю они его не будут. В течение последних нескольких дней окрестные деревни посетили целый ряд большевистских агитаторов, призывавших в свои ряды крестьян для борьбы за Советскую власть. Речи их носили столь явно провокационный характер, что одним этим они не встречали у крестьян никакого доверия. Так, говорили, что в Англии тоже взяли власть большевики и что флот из Севастополя пошел их усмирять. Упорно утверждали, что добровольческие войска разбиты и большевики уже близко. Речи агитаторов обычно встречаются молчанием. Более сознательная часть крестьян высказывает возмущение, отчего правительство*) таких вредных людей, смущающих народ. Татарское население продолжает оживленно обсуждать вопрос о мобилизации. Большинство татар стоит за формирование национальных частей, но при условии, чтобы эти части остались в Крыму и не принимали участия в походе

*) Пропуск в подлиннике.

против Совдепии. Началась предвыборная компания в татарский национальный парламент, который должен собраться через месяц [2]).

Начальник Освед. Бюро штаба ком. войсками Добрармии в Крыму

Кирпичников.

Политическая сводка 24 декабря 1918 г. *).

Сегодня ночью и весь день производились в различных местах города офицерским полком обыски и облавы. Рабочие по поводу этого волнуются, среди них происходит какая-то лихорадочная деятельность. Офицеры местных воинских частей полагают, что произойдет выступление, и готовятся к встрече его. Предполагавшаяся вчера областная конференция профессиональных союзов не состоялась. Вчера происходило заседание городской думы.

Агитация курултая против Добровольческой армии ослабела, связывают это с отъездом Сейдамета [3]). Заметно оживление деятельности в смысле агитации правых татарских групп, хотя они полагают, что время в смысле победы их партии на выборах в татарский парламент уже упущено.

Сводка на 26 декабря 1918 г. **).

Настроение в рабочих кругах угнетенное, в большевистских кругах мнение таково, что время для выступления упущено. Таково же мнение начальника резерва внутренней стражи Филиппенко, одного из ответственных членов союза печатников, и ряда подобных лиц.

В кругах интеллигенции и крестьянства отношение к Добровольческой армии улучшается и привлекает к себе все большее мнение **), интерес к правительству все более падает. Серьезное внимание обращает на себя разговор о земле. Крестьяне постоянно высказывают пожелания, чтобы Добрармией был созван съезд земельный, на котором был бы разрешен вопрос о запашках, аренде земли и другие, связанные с этим, вопросы.

Мелитопольский отряд шт.-кап. Моисеева, прибывший в город 6 дней тому назад, поступил в распоряжение начальника внутренней стражи.

Отряд из 50 конных, большинство унтер-офицеры и подпрапорщики, поступил к Крымскому правительству потому, что, приехав, не знал, куда обратиться для принятия на службу и получать довольствие и фураж. Выборы в татарский парламент будут происходить 31 января и 1 февраля.

Сессии старого парламента уже не будет.

Вообще впечатление таково, что острота политического момента как в рабочих кругах, так и татарских — миновала.

---

*) В подлиннике надпись: «Полковнику Нолькен» и помета: «Перевод».

**) Вероятно «внимание».

Добровольческая армия начинает приобретать все бóльший авторитет, так как на нее начинают смотреть, как на серьезную силу.

Кирпичников.

Сводка на 27 декабря 1918 г. *).

В Симферополе вышла газета «Свободное Слово» — орган профессиональных союзов. Газета будет выходить только по понедельникам. Всю информацию газета берет из «Таврического Голоса» [4]), по статьям соответствует, в общем, «Прибою» [5]); много места уделяет жизни и резолюциям профессиональных союзов. Настоящее положение в Крыму характеризуется газетой как фактическая военная оккупация и возможность осуществления военной диктатуры.

В различных группах населения понемногу и очень постепенно начинает изменяться отношение к Добрармии.

Это находится в тесной связи с усилением армии в Крыму, уменьшением вероятности большевистского выступления, а отчасти и с бóльшим осведомлением населения о Добрармии. Весьма способствуют также укреплению положения Добрармии ставшие постоянным явлением грабежи. Среди некоторых групп населения замечается на этой почве расслоение. В профессиональных союзах более уверенная и обеспеченная часть начинает с сочувствием относиться к мерам успокоения, обезоружения края и ожидать улучшения экономических условий жизни от Добрармии; среди татарского населения к малочисленной и обособленной от массы группы мурз и духовенства присоединяются торговцы и мелкие земельные собственники, объединяет их желание твердой власти и порядка и враждебное отношение к группе [большинства] курултая...

Показательным признаком изменения настроения являются распространяющиеся в городе и окрестностях благоприятные для Добрармии слухи, часто совершенно не отвечающие действительности: сообщают о пришедшем уже в город английском отряде в 500 человек, об идущей по дороге французской артиллерии.

Отдельные местные учителя начинают приходить на пункт Осведомит. Бюро в городе, справляясь, где принимают запись в армию.

В связи со всем этим можно полагать, что настоящий момент является чрезвычайно выгодным для усиленной агитации за Добрармию, одним из способов которой может быть всяческое содействие наметившемуся уже расколу во враждебных армии группах населения. Своевременным будет также и открытие бюро записи в армию.

К постановке специальной агитации среди татар уже принимаются меры группой влиятельных татар, делегация которых была сегодня в штабе.

Как явление, еще не отмечавшееся в сводках, надо указать на усиливающуюся агитацию против городского самоуправления на

---

*) На подлиннике помета: «Генералу Никитенко».

почве недовольства населения милицией и «летучим отрядом» полковника Одынца, из которых первая совершенно бессильна бороться с грабежами, а второй частью сам состоит из преступного элемента.

Сообщения из Севастополя носят немного тревожный характер. На положительную часть населения весьма отрицательно действуют недостаточная активность союзников, увеличение числа большевистских элементов в городе и крайняя распущенность офицерства, наполняющего рестораны и кафе и ничем незанятого.

Неблагоприятно влияет и почти полное отсутствие железнодорожных сообщений.

Политическое положение в Крыму *).

(К 28 декабря ст. ст.)

Общее положение в Крыму остается попрежнему напряженным и неустойчивым. Краевое правительство было вынуждено ходом обстоятельств взять более твердый курс и согласиться на введение обязательных постановлений о сдаче оружия, прекращении движения в городах к 12 часам, закрытии к этому же времени зрелищ, передаче охраны важнейших пунктов Добрармии и т. д. Официальных сообщений об этом еще не было, но сведения уже проникли в широкие круги населения. Проведение вышеуказанных мер встречается значительной частью населения, в том числе и некоторыми группами рабочих, вполне сочувственно. Но сочувствие это относится не столько к правительству, сколько к командованию Добрармии, которое будет эти меры проводить. Отталкивая от себя понемногу демократические партии и группы, правительство нисколько не приобретает сочувствия никаких других слоев населения: татары относятся к нему резко отрицательно и его не признают, собственники и буржуазные слои не видят в нем надежной и твердой власти. Таким образом, краевое правительство, сыграв полезную роль временного переходного образования, постепенно утрачивает под собой почву.

Большевистская агитация, которая энергично велась последнее время и поглотила громадные средства, имела конечной целью подготовить и вызвать вооруженное выступление против Добровольческой армии в Крыму.

Наибольший подъем агитации и наибольшая близость вооруженных выступлений были 20—23 декабря. Однако целый ряд благоприятно сложившихся обстоятельств повлиял на население отрезвляющим образом и заставил Областной Комитет большевиков отказаться пока от вооруженного выступления; сюда относятся сведения о прибывающих в Севастополь новых союзных отрядах, усиление частей Добровольческой армии прибытием екатеринославского

*) На подлиннике штамп: «Осведомительное Бюро при штабе ком. войсками Добровольческой армии в Крыму. Декабря 30 дня 1918 г. № 71. г. Симферополь.» Надписи: «Полковнику Нолькен», «Секретно», «Перевод в 2 экземплярах».

отряда, подавление евпаторийских беспорядков [6]). Сюда же надо отнести и то, что начавшиеся в Симферополе обыски оружия заставили вывезти его в окрестные деревни, а аресты, произведенные в Симферополе (Тихомиров, Пирогов и др.), и усиление надзора в тюрьме, где сидят видные большевики, нарушили, повидимому, организационные планы Комитета. Надо отметить, что усиливающиеся с каждым днем в крае грабежи, разбои и убийства заставляют значительную часть населения, включая частью и демократические слои, относиться к отобранию оружия, введению других обязательных постановлений и усилению воинской силы в Крыму весьма сочувственно. На этой почве замечаются уже раскол среди рабочего населения и усиление групп противников курултая и сторонников Добровольческой армии среди татар.

Татарское население вообще представляет массу, в некоторой части уже определенно благожелательно настроенную к Добровольческой армии, в остальной части — склонную к тому же при энергично и умело поведенной агитации. Группы курултая, популярные главным образом среди татарской молодежи и имеющие хорошую организацию в виде уездных съездов, за последнее время значительно потеряли свой авторитет — как из-за постепенной потери программой курултая реальной почвы, так из-за истории с растратой вакуфных имуществ и займов в Турции. Группа противников курултая — мурз и духовенства — усилилась в последние дни присоединением торговцев и мелких собственников и, выставив свой отдельный список на выборах в городские думы, послала курултайцам письмо с сообщением о разрыве с ними. Пропорционально с падением авторитета курултая растет среди татарского населения авторитет Добрармии и союзников. Имеются сведения, что в связи со всеми этими обстоятельствами Областной Комитет большевиков, признав выступление несвоевременным, решил производить отдельные террористические акты против членов Добрармии. Так объясняют происшедшие в последние дни в Ялте убийства офицеров и вольноопределяющегося Адамовича. Такими убийствами большевики предполагают провоцировать чинов Добровольческой армии на жестокие расправы с населением и, создав этим угрозу «большевизма справа», восстановить население против армии. В то же время большевики придают большое значение агитации среди союзных команд, чем думают заставить союзное командование отказаться от наступления вглубь России. В глазах же населения, уставшего от политической борьбы и неустройства края, все большее значение начинают приобретать вопросы экономические, борьба со спекуляцией, с дороговизной, снабжение населения мануфактурой, организация работ и т. д. В связи с укреплением положения в крае Добровольческой армии за разрешением этих вопросов население склонно обращаться к ней. Возможность в данный момент сыграть в разрешении этих вопросов большую роль была бы для армии чрезвычайно выгодна и привлекла бы на ее сторону симпатии населения, включая часть демократических групп, раскол среди которых стал бы тогда особенно резким

и политические течения ослабились бы. Параллельно с этим чрезвычайно важное значение имели бы заявления командования по политическому и аграрному вопросам. О возможности последнего говорят и поступающие в штаб обращения татарского и русского населения с просьбой сказать свое слово по земельным делам. Что касается политического вопроса, то, как уже писалось ранее, рост большевизма в Малороссии за счет петлюровского движения, события на Западе, а также все происходящее в Крыму заставят умеренно-социалистические партии особенно мало *) и охотно оказать поддержку Добровольческой армии даже при весьма умеренном заявлении командования по политическому вопросу.

Надо отметить недоброжелательное отношение к армии части крупной буржуазии, проживающей в Крыму, тратящей на жизнь громадные деньги и совершенно чуждой всяких государственных интересов. Эта группа боится привлечения ее Добрармией к воинской денежной повинности и не склонна ни в чем поддерживать армию добровольно. Надо сказать, что все меры, которые будут приняты к всемерному денежному обложению этой группы, привлечению ее ко всяким повинностям и запрещению излишеств и роскоши, встретят самое сочувственное отношение в большинстве населения и, можно добавить, в среде боевых частей Добрармии.

Из явлений, постепенно нарастающих за последнее время, надо указать на обострение враждебных отношений населения к евреям. Из отдельных мест поступают сведения о возможности на этой почве эксцессов.

В связи с начавшимся изменением общего отношения населения к Добрармии надо поставить и некоторое изменение в этом направлении крымской печати. К числу газет беспартийных и всецело стоящих за Добровольческую армию [следует отнести]: «Крымскую Речь» (Евпатория), «Таврическую Речь» (Мелитополь), «Сын Народа» (Керчь) и кадетские газеты, поддерживающие армию. «Таврический Голос» (Симферополь) до известной степени тоже изменил свой тон в положительную для армии сторону. С.-р. газета «Вольный Юг», хотя и продолжает помещать резкие статьи по поводу действий чинов Добровольческой армии, но подчеркивает, что отделяет армию от отдельных лиц, и требует решительной борьбы с самочинными действиями для поднятия дисциплины и пользы самой армии. Враждебную позицию по отношению к армии занимают попрежнему «Прибой», «Наша Газета» и понедельничная новая газета «Свободное Слово».

Но надо сказать, что значительную часть информации даже и эти газеты берут теперь в Осведомительном Бюро штаба, что начинает определенно отражаться в подборе материала и косвенно влияет и на передовые статьи.

---

*) Пропуск в подлиннике.

Политическая сводка 31 декабря 1918 г. *).

Среди офицеров местного гарнизона Добровольческой армии замечаются две группы. Одна группа стоит на точке зрения беспощадного истребления большевиков, отвергая в деле истребления всякие проволочки, как, напр., хотя бы военно-полевой суд; причем сумма преступлений каждого отдельного лица, обвиняемого в большевизме, не имеет никакого значения, так как в этом случае рассуждения ясны: «если он (пойманный большевик) не совершил особых преступлений, то мог бы совершить».

Другая группа, не отвергая искоренения настоящего большевизма, в каком бы виде он ни проявлялся, придерживается того положения, при котором скоропалительные и потому ошибочные и неразумные действия не имели бы места.

Офицеры этой группы стоят за то, чтобы в каждом случае обвинения в большевизме были выслушаны не только обвинители, но и защита и, только взвесив все положения за и против, выносить тот или иной приговор. Без суда, какого бы то ни было, не должно быть ни одного приговора, так как иначе Добровольческая армия не будет отличаться от Красной армии. Расхождения в этом пункте между офицерами в отношении к большевизму настолько резки, что нередким является обвинение первой группы инакомыслящих в мягкотелости, в отсутствии твердости и едва ли не в преступлении; кажется, вот-вот и их возьмут под подозрение. Положение такое между этими чинами армии, которые пока являются единственной опорой и ядром армии, крайне вредно. Теряется та спайка, какой сильна всякая армия; в одном стане располагаются как бы два лагеря. Высшее начальство должно всеми способами устранять все то, что порождает среди членов армии страсти, приводящие к разделению на группы. В отношении к большевизму должны быть одно отношение и один образ действий против него. Все то, что так или иначе в мерах борьбы с ним напоминает приемы Красной армии, должно быть устранено. В армии не должны иметь места ни сентиментальность, ни крайняя жестокость, — и то и другое вредно и может иметь нежелательные последствия.

Доклад о современном состоянии в Крыму татарского населения.

Копия.

Количество населения. Татары составляют 42% коренного населения Крыма.

Классовое соотношение. В своей массе татары делятся на два класса: класс крупных землевладельцев — мурзаков, крупных торговцев и промышленников, составляет он 1% населения, и — класс мелких собственников, очень многочисленный, торговцев и ремесленников.

*) На подлиннике надпись: «Полк. Нолькен».

Политические течения. Среди первого класса существуют исключительно течения, близкие к к.-д., второй класс, составляющий татарскую демократию, по своим взглядам очень близок к с.-р. программе, которая *) рассматривается как известная партия, имеющая свою определенную программу и своих партийных вождей, из которых самую выдающуюся роль играет бывший министр военный, а затем внешних сношений Джафер Сейдамет, один из инициаторов создания этой партии. Партия эта, как выражающая стремления широких кругов населения, пользуется наибольшим авторитетом.

Официальная программа партии: 1) добиться полной национально-персональной автономии, обеспечивающей наиболее полное выделение [sic!] и развитие всех национальных особенностей татарского населения; 2) добиться создания краевого правительства, вполне демократического, созданного на коалиционных началах из представителей всех национальностей Крыма; 3) присоединение Крыма к России на широко автономных началах, как равного члена Российской федерации.

Взаимоотношения классов. Классовой розни между указанными группами, по заявлениям как с той, так и с другой стороны, у татар быть не может в силу исторического уклада народа.

Национальные течения и ориентация. Сепаративные стремления, по заявлениям крупных членов татарского парламента, у татар отсутствуют. Есть небольшая группа, которая мечтает о ханстве под протекторатом Турции, но она очень незначительна и не пользуется симпатией. Вообще же группа мурзаков и промышленников настроена русскофильски; вторая группа имеет тяготение к воссоединению с Турцией, что и входило даже в программу вождей татарской младократии [7]). После же поражения Турции партия, изменив свою программу в этом вопросе, ориентируется на Российскую Федеративную Республику.

Органы татарского самоуправления. Законодательным органом является татарский парламент (курултай), избранный в ноябре прошлого года по четыреххвостке, разогнанный большевиками в январе 1918 года и вновь возобновивший свою деятельность с приходом немцев, всемерно его поддерживавших, в особенности в его стремлении воссоединения с Турцией. 90% депутатов парламента принадлежат к татарской младократии, которая беспрепятственно проводит свою политику.

Исполнительный орган — директория, состоящая из 7 членов.

Верховную власть представляет собой парламентское бюро из девяти членов.

Для разработки текущих вопросов и поддержания тесной связи населения с директорией созываются [каждые] 2—3 месяца уездные съезды. Резолюции этих съездов поступают в канцелярию дирек-

*) Так в подлиннике.

тории, где систематизируются и служат директивами для директории. В данный момент как раз происходят съезды.

В скором времени кончается срок полномочий татарского парламента, и предстоят новые выборы. Директорией ведется большая агитационная работа к предстоящим выборам в краевой сейм.

Отношение к Добровольческой армии. Татарский парламент и директория считают, что Добрармия является воинской силой в руках определенной партии, стремящейся к воссозданию единой России. Эта цель объединяет армию. Программы же, что будет представлять собой государственный строй в России, армия не имеет. Судя по составу высшего командования и правительства при Добрармии, армия преследует реакционные цели, на которые татарская младократия пойти не может.

В данный момент татарский парламент занимает по отношению к Добрармии нейтральную позицию, каковая остается до объявления армией мобилизации татар. В случае провозглашения армией лозунга «Учредительное Собрание» парламент изменит к ней свою позицию.

По вопросу о мобилизации парламент послал официальное уведомление на имя начальника штаба. Принятую в этом вопросе позицию парламент решил отстаивать всеми доступными ему средствами.

Печать. Официальными органами крымского парламента являются газета «Крым» [8]) на русском языке и газета «Миллет» (Народ).[9]) на татарском. Издатель обеих — татарский парламент. Неофициальным — «Ак-Сес», орган небольшой русскофильской партии.

Отношение к существующему правительству. Нынешнее краевое правительство, созданное земско-городским съездом после падения кабинета генерала Сулькевича, не имея в своем составе представителей татарского парламента, не могло пользоваться симпатией и поддержкой последнего; кроме того падение кабинета Сулькевича, в котором были такие лица, как Джафер Сейдамет, рассматривалось татарским парламентом, как его поражение. Сам генерал Сулькевич, который пользуется прежним влиянием среди татар, считающих его своим национальным героем, как первого возведшего татарский народ на путь государственной жизни, относится к правительству, сменившему его, враждебно.

В настоящее время в вопросе о составе правительства татарский парламент стоит на точке зрения вышеприведенной программы. Ввиду всего вышеизложенного татарский парламент не считает для себя возможным признать существующее правительство и работать вместе с ним. Также не считает его вправе издавать постановления, касающиеся жизни населения всего края. На такую же точку зрения парламент стал и в вопросе о мобилизации, которую вправе объявить, по его мнению, относительно татарского населения только парламент, и исключительно для создания национальных частей, преследующих цель охраны и защиты Крыма.

На мобилизацию, объявленную иным путем, ни один татарин, — в чем, как они говорят, твердо уверены, — добровольно не пойдет.

Нач. Освед. Бюро *Кирпичников.*

29 декабря н. с.

Материал *)

Результат обысков, произведенных в ночь с 8 на 9 января на Бахчел — 19 револьверов, 7 винтовок, небольшое количество патронов и огромное количество колючей проволоки — до 10 000 пудов. При обысках было допущено много ошибок, несколько человек было избито. Некоторые посты оцепления были из домов обстреляны. Производившие стрельбу бежали по направлению к горам.

Настроение среди рабочих в связи с обысками озлобленное. В профессиональных союзах большое волнение, но угроз какой-нибудь забастовки не слышно. На фабриках и заводах симферопольские рабочие держатся по отношению к управляющим и хозяевам крайне вызывающе. Несмотря на постоянные просьбы последних не устраивать собраний и митингов в помещениях фабрик, так как есть для этого рабочие клубы и свободное от занятий время, на таковые рабочие не обращают никакого внимания.

Сведения о деятельности Добровольческой армии среди татарского населения и о намечающемся соглашении с частью его встревожили курултай, видные члены которого на частном совещании решили всячески бороться с противной ему агитацией и наметили для этого целый ряд мер. В частности, узнав, что желаниям татарского населения относительно образования татарских частей армия идет навстречу, курултайцы решили все-таки вести против призыва в армию татар агитацию.

Как средство для достижения этого ими решено поставить на первый план земельный вопрос и обещанием раздачи вакуфных земель привлекать к себе крестьянские массы, указывая, что вследствие скорого дележа этих земель все должны оставаться дома, а не итти служить.

Сводка 12 января 1919 г.

В Симферополе среди рабочих какого-либо волнения не заметно. Большевистские течения неизменно слабеют, профессиональное движение замирает. Союзы начинают играть все меньшую роль в жизни рабочих. Так, даже союз металлистов, самый деятельный, замирает, из 200 недавно еще членов осталось всего 80.

К выборам в городскую думу население относится крайне индиферентно.

Агитация предвыборная ведется слабо.

---

*) Заголовок подлинника; на нем помета: «Перевести».

Местные политические круги упорно проповедуют, чтобы в этот период, в годовщину варфоломеевских ночей, устроенных большевиками, воздерживаться особенно от каких бы то ни было резких проявлений партийного или иного характера.

Вообще же можно несомненно отметить, что все больше различные общества и организации стараются уйти от политики, обращаясь в сторону экономических и культурно-просветительных вопросов. Значение и влияние партий на жизнь и население неуклонно уменьшаются. Так, напр., партия с.-р., проигравши последнюю ставку на петлюровском движении, теперь потеряла совершенно почву под ногами и не знает, куда даже направить свою работу. В партии полный политический развал. Часть — за полную работу с Добровольческой армией, часть — против, считая, что время для совместной работы с армией уже партией упущено.

Крестьянский союз решил по всем вопросам экономического характера сноситься исключительно с армией, считая, что краевое правительство какой-либо реальной помощи оказать не может или не умеет.

В Евпатории настроение спокойное, но буржуазия, не желая ухода из города отряда, продолжает создавать себе всякие ужасы. После ликвидации шайки из каменоломен [10]), когда уже были сняты караулы, 20 человек, как-то спрятавшихся там, бежало. 11 из них жители деревни Богай, среди них 3 брата Кииковы, прямые помощники убитого Петриченко. 2 дня тому назад из Евпатории через деревню Сома проходил 1 туземный партизанский отряд, у которого на почве самочинной реквизиции происходили недоразумения с населением. Вмешательством местных властей недоразумения были улажены.

В Феодосии отношение населения к армии продолжает оставаться хорошим. Расклеены объявления о лекции о Добровольческой армии.

Материал *).

Крымкров **), получив телеграмму из Ялты о происшедшем с газетой «Наша Газета» [11]), заволновался, и опять в профессиональных союзах поднимается вопрос об объявлении политической забастовки, а некоторая часть из их деятелей настаивает даже на вооруженном выступлении. Поэтому слухи, которые сегодня упорно ходят по городу, о назначенном на завтра выступлении имеют некоторое основание. Получены также сведения, что завтра должны произойти митинги рабочих в Воронцовском саду на Салгирке, у дома Христофорова, и на Бахчелли в Зеленой роще.

20 января открывается созванный министерством народного просвещения областной съезд по народному образованию, где членом земской управы Володиным будет предложено взять учительским орга-

*) На подлиннике помета: «Барону Нолькен».

**) Так в подлиннике. Надо, повидимому, «Крымпроф».

низациям на местах на себя осведомление населения посредством получаемых от Осведомительного Бюро бюллетеней, сводок, а попутно [под] тем или иным флагом ведение агитации за армию. На проведение в жизнь первой задачи можно возбудить перед земством вопрос об отпуске для этой цели специальных средств.

Завтра состоится съезд Крымского крестьянского общества для выборов правления и разрешения текущих вопросов.

На 21 января назначен очередной земско-городской съезд.

Настроение среди офицеров местного гарнизона улучшается, последнее время меньше говорят о несправедливостях к ним, также удовлетворились произведенными обысками: перестали нарекать, что их здесь могут истребить и что они должны сами бороться с большевиками. Упорно в первом офицерском полку говорят об уходе полка в Мелитополь.

Материал *).

По словам видного представителя местных немцев, немцы-колонисты, живущие на территории Крыма, вполне лойяльны, Добровольческой армией очень интересуются и, в общем, относятся к ней безусловно весьма доброжелательно. Подавляющее большинство колонистов — вполне обеспеченные земельные собственники и как таковые видят единственное спасение от анархии, грабежей и т. д. в Добровольческой армии. Ничтожное исключение составляет очень малочисленная часть безземельных, которые настроены большевистски, но значение этой группы в общей массе колонистов совершенно ничтожно. Желание ознакомиться с целями Добровольческой армии очень велико и в случае удачной информации может привлечь добровольцев в армию. С целью организации информации колонистов можно было бы воспользоваться периодическими конгрессами колонистов. Обыски, произведенные чинами Добровольческой армии в ночь на 28 декабря, вызвали много недовольств со стороны интеллигентной части населения обысканного района. Указывают, что многие чины Добровольческой армии были в нетрезвом состоянии, отказывались смотреть какие бы то ни было разрешения на право хранения оружия, предписаний на производство обыска не предъявляли; [то,] что многие из обыскивающих были не в форме, заставляло сомневаться в их причастности к Добровольческой армии. Никаких квитанций об отобрании оружия не выдавалось. Лица, заслуживающие доверия, передают, что некоторые из тех, у кого было отобрано оружие, уже снова купили его из-под полы на базаре, что весьма вероятно, так как, повидимому, вместе с чинами Добровольческой армии в обысках принимали участие лица по назначению внутренней стражи и милиции.

---

*) На подлиннике помета: «Барону Нолькену».

Сводка на 21 января 1919 г.

Начавшиеся выборы в курултай пока дают неопределенные результаты. В Ялте татарское население отнеслось к выборам вяло, и прошел список далеко не шовинистский *).

[Среди татар ялтинского района волнение вызывает реквизиция лекарств из мусульманских аптек, причем деньги за реквизированное не уплачены. Большевистских настроений среди татар не замечается. В Ялтинском уезде большим авторитетом пользуется Кадеев, бывший начальник партизанского отряда. В беседе с нашим офицером он указал, что хотя и распустил свой отряд по недостатку средств, но в любое время мог бы собрать отряд человек в 600—700 для борьбы с большевиками.] Крайне невыгодное впечатление на татар **) производит, что армия не борется с открыто проживающими в Ялте большевиками. Среди ялтинских рабочих замечается успокоение и все большее признание авторитета Добрармии, главными причинами чего являются сознание растущей ее силы и оказываемая ею в продовольственном отношении помощь (увеличение хлебного пайка). Дальнейшая работа в этом направлении даст большие результаты. Левые партии постепенно теряют среди рабочих почву — это скажется в ближайшие дни в результате ялтинских городских выборов. С.-д. «Наша Газета» теряет тираж и даже предложила выпускать экстренные бюллетени под заголовком «Осведомительное Бюро».

[Неблагоприятное впечатление на население производит непринятие мер по отношению к уклонившимся от призыва офицерам. Список их вывешен воинским начальником.] В Симферопольском уезде делаются попытки организовать крестьян против Добрармии. Организаторами являются лица, называющие себя из евпаторийских каменоломен. Такая агитация ведется в дер. Саблы, Курци, Зуе, Мазанке, — центром ее является д. Мамак у имения Лашкова. [Из агитаторов крестьяне указывают Константина и Филиппа Шевченко, Василия Корнеенко и еще пять человек «из каменоломен».] Сами крестьяне указывают на необходимость решительных мер к изъятию таких лиц.

Наиболее резко настроены жители дер. Саблы. В этой деревне хранится много оружия. Большевизм сабловцев имеет чисто экономическую основу. [Они живут лесным промыслом, арендуя лес у А. В. Давыдова. Теперь отношения их с Давыдовым обострились ввиду его нежелания сдавать лес и взыскания в свою пользу больших убытков. Известные уступки Давыдова, особенно предпринятые по почину Добровольческой армии, расположили бы к ней население района.] По получаемым из уезда сведениям татарское население сочувственно относится к созываемому командованием съезду.

[Из Джанкоя сообщают о крайне неблагоприятном впечатлении, которое производит на население поведение офицеров стоящей в Джан-

*) Текст, печатаемый ниже в прямых скобках, в подлиннике зачеркнут.
**) Написано над зачеркнутым: «его группу».

кое воинской части, называющей себя «священным батальоном». Офицеры этой части угрозами оружием заставляют исполнять в ресторанах и кафе «Боже, царя храни». 19 января фельдфебель батальона выстрелом ранил в ресторане армянина.] Из Севастополя сообщают, что назначенный на 26 января съезд по вопросам снабжения и продовольствия, созываемый главноуполномоченным Добрармии, ожидается с большим интересом и упованием. [По имеющимся в городе сведениям адмиралом Каниным получена телеграмма от генерала Деникина с неразрешением переводить университет в Севастополь. Среди населения города беспокойство начинает вызывать поведение части 1-го сводного севастопольского отряда. В составе отряда, по мнению населения, имеются даже большевики (так, указывают на военного чиновника Берга). Заявления об этом были сделаны даже членами редакций левых газет. На Корабельной стороне были устроены митинги по вопросу о мобилизации.] Большевистские элементы предлагали сопротивления мобилизации не оказывать, чтобы получить оружие. Ввиду этого благомыслящая часть населения высказывает мнение, что сформированные в Крыму части желательно использовать не здесь, а на Кубани, где волнения среди них будут почти невозможны.

Кирпичников *).

Политическая сводка за 15 февраля 1919 г.

Во всех газетах последнее время начали говорить о выборах в сейм, печатают о дне выставления списков избирателей. Население, которое почти ничего не знало о сейме, мало интересуясь им, последнее время, под влиянием выставляемых всюду избирательных списков в сейм, шумихи, поднимаемой вокруг этого вопроса в печати, начало интересоваться сеймом.

Благомыслящие элементы указывают, что если вопрос о сейме так или иначе Добровольческой армией не будет снят с очереди, а правительство с прежней интенсивностью будет продолжать приготовления к выборам, то уже через несколько недель ни отменить, ни отсрочить выборов не удастся, а самый факт того, что сейм состоится, будет фактором, мало благоприятным для Добровольческой армии.

Отношение к сейму различных партий таково. Большевики агитируют против выборов в сейм, мотив их, что это родит сепаратизм, который им, рассчитывающим скоро стать хозяевами Крыма, совершенно не выгоден. С.-д. и с.-р. настаивают на скорейшем созыве сейма и ведут в этом направлении усиленную агитацию на всех собраниях и во всех своих печатных органах.

Татары, рассчитывающие на получение в сейме значительного большинства, что даст им возможность совершенно законным путем

*) Далее в подлиннике помета: «Кн. Лобанов, прошу перевести, что не вычеркнуто, и поместить в сводку».

осуществить свои сепаратистические планы, агитируют во-всю за выборы в сейм и деятельно к ним готовятся.

По мнению части населения, кому дорога «единая Россия», Добровольческая армия обязана принять участие в обсуждении этого вопроса и не допустить выборов в сейм.

В городе ходят упорные слухи, что краевым правительством отменен приказ о мобилизациях. Это порождает всевозможные слухи; так говорят об уходе армии, об измене правительства и т. д. Некоторые говорят, что если этот слух верен, то дело Добровольческой армии в Крыму пропало, ей в сущности нечего больше здесь делать. На открывшемся 13 февраля Съезде крестьянского союза за первые два дня заседания были рассмотрены вопросы *):

1) Отчет о деятельности крестьянского союза; доклад делал инженер Попов; 2) о положении продовольственного вопроса.

Второй день заседания: доклад Попова о текущем моменте.

Доклад Жирова по земельному вопросу. Доклад Жирова о выборах в краевой сейм.

Выборы в президиум Крестьянского совета.

В заседании 15 февраля съезд должен наметить программу дальнейшей деятельности союза.

Настроение на съезде умеренное. Доклад о политическом моменте, который мог бы вызвать некоторые прения, делал Попов, сторонник отвлечения крестьянской массы от политики и сосредоточения ее интересов на чисто профессиональных вопросах. Такой же характер носил доклад Жирова. В частности по земельному вопросу вынесена резолюция о желательности упразднения скопщины [12]) и перехода в аренду. Кроме того вынесена резолюция о желательности наделения крестьян лесными участками, причем указывалось, что только эта мера может прекратить самовольные порубки и хищение леса, принявшие последнее время огромные размеры.

15 февраля в уездной управе должен был открыться съезд земских учителей уезда по вопросу об организации учительского кооператива. Открытие съезда не состоялось ввиду прибытия слишком ограниченного числа учителей (6 человек).

В г. Бахчисарае и бахчисарайском районе настроение татар, в связи с обысками курлутая и арестом его членов, не изменилось. Главная причина этого в том, что такие имена, как Хаттатов [13]), Чапчакчи [14]), Озенбашлы [15]) связываются с представлением о политике активной, имеющей мало общего с политикой Добрармии. При такой предпосылке, при несочувствии многих политике курултая, — эти аресты не явились неожиданными и не произвели заметно отрицательного впечатления.

В Зуйской волости наблюдается большее недовольство чинами уездной милиции. Население определенно подозревает их в соучастии

*) Здесь пропущены слова: «Первый день заседания».

в ограблениях, совершаемых за последнее время шайками бандитов. Особенно сильное подозрение в этом роде возбудило поведение милиции во время ограбления татарского селения Баксан.

На Евпаторийский рейд пришел пароход «Георгий» из Новороссийска, сдавший на берег 3 больных сыпным тифом. Пароход страшно переполнен и представляет собой несомненный очаг заразы.

Таким образом по всему побережью Крыма разносится эпидемия. Этот пароход сдавал больных сыпным тифом и в Керчи и в Феодосии. Правительство против распространения заразы никаких мер не принимает по своей обычной бездеятельности и неумению.

В обществе замечается настойчивое желание, чтобы Крым был оккупирован французами, так как нет никакого доверия к тому, чтобы краевое правительство стало, наконец, на путь твердой власти. Все видят на улицах свободно разгуливающих бывших комиссаров с определенным уголовным прошлым и в этом усматривают бессилие власти.

Демократия держится все больше вызывающе, открыто на собраниях в рабочем клубе выступают против Добрармии, а крымская краевая власть все это видит и не считает нужным что-либо предпринять.

В Феодосийском уезде в районе города Старый Крым организуются большие шайки, обладающие солидным количеством всякого оружия; организация проходит под флагом большевиков.

В Севастополе на ремонтном и судостроительном заводах Севастопольского порта с 13 февраля приступлено к работам по ремонту подвижного железнодорожного состава.

С 18 февраля работы значительно усилятся, для чего производится уже прием рабочих для ремонта морских транспортов. В первую очередь в спешном порядке будут ремонтироваться транспорты «Рион» и «Трапезунд», которые уже прибуксированы к ремонтным мастерским. В небольшом размере начались работы и в артиллерийском отделе порта.

Но все эти работы заняли очень незначительное количество рабочих, и до сколько-нибудь ощутительного уменьшения безработицы еще очень далеко.

Настроение населения в Мелитополе прежнее.

Банды разбойников северных селений уезда выслали в Михайловку подкрепления засевшим там бандитам, Михайловка приказом местных большевиков от 31 января переименована в город «17 полка». В селении происходят непрестанные митинги. Речи большевиков производят на жителей большевиков...*), вызывают недовольство населения, особенно речи, призывающие крестьян на общественные работы и к отмене какой бы то ни было частной собственности.

Село Демьяновка занято шайкой бандитов, терроризирующих население и не выпускающих жителей никуда из селения.

Старший адъютант военно-политического отделения *Кирпичников.*

---

*) Очевидно пропуск.

Политическая сводка за 18 февраля 1919 г.

В настроении населения Симферополя и уезда перемен не произошло.

В уезде разбои и грабежи за последнее время уменьшились.

Более наглядно появляется желание буржуазии пойти навстречу Добрармии и принести ей посильную помощь. Представители ее настойчивей указывают на необходимость принять со стороны армии меры правильного обложения всего имущего класса, считая, что устройство сборов, вечеров и кабарэ не даст армии значительных средств, которые, как они точно знают, очень нужны, так как такое положение, которое существует в воинских частях, благодаря отсутствию средств у армии, продолжаться долго не может. Положение это заключается в том, что армия раздета, чины полков питаются крайне скудно, не имеют самого необходимого. Инициатива обложения, как они настойчиво указывают, должна исходить от армии. Определенно говорят, что непринятие командованием армии этих мер производит на имущий класс населения впечатление отсутствия у Добрармии веры в себя и свидетельствует об оторванности ее от населения и нежелании сблизиться с ним, приняв от него помощь, которую оно столь охотно дало бы.

Вместе с тем у низов населения создается впечатление, что, возрождая Россию, Добрармия не хочет притеснять «буржуев», призывая только пролетариат защищать последних, в то время [как] большевики прежде всего налагают контрибуцию на буржуазию.

Таврическое губернское земство находится в крайне тяжелом материальном положении, сборы совершенно не поступают. Милиция и органы министерства внутренних дел оказываются технически неподготовленными для оказания земству в этом отношении помощи. С призывом в Симферопольском уезде происходит следующее: сведения об отмене призыва 1897 и 1898 годов в уезде еще не дошли, призыв им [sic!] ожидается, но они заявляют (Табулдинская волость вполне открыто), что не пойдут, пока не будут собраны неявившиеся по первому призыву.

Приход отряда Крымского полка произвел на татар Бахчисарая большое впечатление. Население отнеслось к отряду очень радушно, само начало сдавать имеющееся у него казенное имущество и вооружение, которого у него довольно много, так как военный министр генерал Мильковский, вместо того, чтобы сдать имущество мусульманского корпуса Добрармии, сдал его в Бахчисарай для охранения. Много татар, бывших солдат Крымского конного полка, записываются добровольцами.

Вообще за последнее время замечается более усиленное поступление татар добровольцами в Добрармию. В частях войск Симферопольского гарнизона настроение заметно ухудшается. Ухудшение происходит, главным образом, на почве недовольства хозяйственной

частью, которая, как говорят офицеры всех полков, стоит очень слабо. Также указывается, что в большинстве частей очень слаба связь между штабами частей и строевыми чинами. В городе Джанкое сегодня открылся съезд немцев-колонистов всей Таврической губернии, на котором будут решены в полном масштабе вопросы самоохраны и переселения немцев-колонистов из северной Таврии в Крым, так как в северных уездах немецкие колонии выжигаются бандами; также будет рассматриваться вопрос о сформировании немецкого отряда для защиты Перекопского перешейка.

В Керчи и Керченском округе спокойно.

Грабежи в округе и городе последние дни значительно сократились. Улучшается отношение населения города к Добрармии. Большую роль играет в этом конкретная помощь в осведомлении населения о Добрармии со стороны местных фабрикантов и заводчиков, которые предоставляют пункту Осведомительного Бюро деньги и людей для устройства на фабриках и заводах витрин и лекций [о] Добрармии. Местная левая газета «Волна», отказывавшаяся до последнего времени помещать даже информацию и телеграммы Осведомительного Бюро, первая пришла просить об этом, обязуясь со своей стороны печатать все объявления и заметки, исходящие от пунктов Осведомительного Бюро. Пунктом Осведомительного Бюро устроена лавка для продажи от имени Добровольческой армии населению, особенно рабочим, товаров по удешевленным ценам. Фабриканты и купцы пошли в этом отношении навстречу, предоставляя для лавки по дешевым ценам товары. Для офицеров и солдат гарнизона устроена при пункте читальня.

В городе Мелитополе настроение спокойное, с севера продолжают прибывать беженцы, — так, сегодня прибыло 40 подвод с ними.

На хуторах Возылевских, что западнее хутора Веселого, сожжены все имения. В селе Коржевке бандиты убили священника, сбросив его с колокольни.

По слухам бандиты бегут из деревни Михайловки, бросая оружие.

Старший адъютант военно-политического отдела *Кирпичников*.

Политическая сводка за 19 февраля 1919 года.

Недоверчивое и частью враждебное отношение, которое встретила Добровольческая армия со стороны населения при вступлении в Крым три месяца тому назад, было основано на полной неосведомленности населения об армии и враждебной агитации, которая против нее велась. Это отношение не было глубоким и не захватывало широких масс. Можно было думать, что это отношение коренным образом переменится при широком осведомлении населения об армии и при ближайшем с ней единении. Однако теперь, когда в тесное соприкосновение с армией вовлечена широкая масса населения, и разнообразные мероприятия командования известны всему краю, отношение к армии

осталось почти тем же, хотя в основе его уже лежат другие причины.

Наиболее благонадежная часть сельского и городского населения хотела видеть в армии твердую власть и ожидала от нее решительных мер для подавления анархии в крае. Эта часть населения изверилась в краевом правительстве и, не считая его ни достаточно авторитетным, ни достаточно преданным идее единой России, ожидала помощи только со стороны армии. Всякое расширение военной властью своей компетенции за счет местной гражданской власти этой частью населения только приветствовалось бы, более того — наиболее активные ее представители с нетерпением ждали падения правительства. Такое отношение к правительству объединяло как наиболее крепкую часть имущего русского населения, так и всех татар, мурз и курултайцев, резко враждебно относящихся к правительству.

Эта группа населения чрезвычайно увеличилась бы численно с каждой твердой мерой, проведенной командованием, с каждым шагом, который обнаруживал бы силу армии. Связь с правительством, которую командование подчеркивало всячески, отталкивала эту часть населения от армии, которая, в ее глазах, покрывала бессилие правительства и его ошибки.

Для привлечения к себе более левых групп и рабочего населения армия должна была дать определенные политические заверения, хотя бы не имеющие реального значения, и оказать широкую экономическую помощь населению продовольствием, борьбой со спекуляцией и с безработицей. Для первого местное командование не обладало достаточными полномочиями, для второго — не было средств, организаторского и хозяйственного опыта.

Определенное и твердое заявление по земельному вопросу и немедленное осуществление наиболее спешных временных мероприятий по урегулированию земельных отношений, в частности «скопщины» в Крыму, сделали бы армию чрезвычайно популярной в глазах крестьянства и без всего другого. Одно это уже могло дать совершенно другой результат призыва.

Все такого рода меры отнюдь не были бы со стороны армии мерами искусственными, имеющими целью привлечь к ней население. Они просто сделали бы политику армии совершенно определенной, подчеркнули бы ее внеклассовый государственный характер и тем высоко подняли бы ее авторитет в глазах населения.

В настоящее время мы видим как раз обратное: благодаря неопределенности своей политики армия не опирается ни на одну группу населения. Длительное существование такого положения, несмотря на его пассивность, является по своим последствиям гораздо более опасным, чем активные выступления большевиков и ведущаяся ими в крае агитация. Население привыкает не считаться с армией, не возлагает на нее никаких надежд и распоряжения ее игнорирует. При таком положении достаточно одного неудачного мероприятия, чтобы

сделать положение армии в крае чрезвычайно трудным. Таким мероприятием в данный момент является неудавшийся и отмененный призыв. До последнего дня население ожидало строгих кар за неявку и гарантировало себя от них всем, чем могло. Твердость, проявленная где-либо в одном месте, немедленно дала бы результаты во всех иных и могла сразу бы повернуть дело. Создавшееся теперь с отменой мобилизации положение, в глазах населения, определенно подчеркивает полное бессилие армии и правительства, чрезвычайно поднимает авторитет большевиков и курултайцев, советовавших призыву не подчиняться, и ставит в *) положение всех добровольцев, уже явившихся в части. Сейчас нельзя даже и представить себе, насколько это повредит армии в глазах населения и с каким трудом можно будет восстановить положение, теперь утерянное.

Все изложенное делает в данное время положение армии в Крыму чрезвычайно трудным, причем эта трудность не зависит от внешних причин, а с каждым днем все более усугубляется внутренними причинами и политикой армии.

Наряду с армией, и отчасти по тем же причинам, теряют свой авторитет в глазах населения и союзники.

Политическая сводка за 19 февраля 1919 г.

В Симферополе сегодня состоялось первое заседание переизбранного курултая. Новый состав его значительно правее старого состава. Председательствовал Хаттатов. Наиболее сильно представлена младотатарская партия. Несмотря на некоторый численный перевес, все же приходится констатировать, что младо-татарская партия в парламенте настоящего созыва потеряла несколько мест.

Есть основание предполагать, что политика курултая утратит свой узко-шовинистический характер и сепаратистические течения не будут проявляться столь явно.

Интересно отметить, что в состав переизбранного курултая попало несколько человек турецких и болгарских подданных.

Курултай состоит из 45 членов.

Примером поправения курултая служит избрание почетным председателем Кипчакского [16]), примыкающего к мурзацкой группе. Деловая работа курултая еще не началась, весь день происходили фракционные заседания. Как курултайская, так и мурзацкая группы стоят пока на непримиримых позициях одна к другой. Те и другие сходятся только в вопросе крайней враждебности к краевому правительству, считая его врагом татарского народа. Вместе с тем необходимо отметить, что во всех уездах Крыма за последние дни агитация среди татар против краевого правительства значительно усилилась. 16 февраля закончился съезд членов Крымского крестьянского союза. Резолюцию

*) Повидимому пропущено слово «трудное» или «неудобное».

съезда в подлинниках по наиболее интересным вопросам при сем прилагаю *).

В Джанкое 16 февраля происходило собрание крестьян окрестных деревень. Вынесена резолюция оказать Добрармии самую широкую поддержку, включительно до поступления в ее ряды. Съезд был созван по инициативе союза мелких собственников. В Феодосии чувствуется недостаток муки, продовольственной управой хлебный паек уменьшен до $^3/_4$ фунта на душу.

В Мелитополе и южной части Мелитопольского уезда положение без перемен.

В северной части уезда количество банд, терроризирующих население, увеличилось. Грабят деревни и жгут экономии. Так, бежавшие из района Баниговки [?] хуторяне рассказывают, что в экономиях Дика и Шредера банды под командой Зубкова сожгли постройки вместе с запертыми в них рабочими.

Отправка в этот район войск и ликвидация шаек вносят успокоение.

В некоторых частях войск Мелитопольского района заметно утомление людей, встречаются жалобы на малочисленность и отсутствие пополнения.

Настроение немцев-колонистов вполне благоприятное.

Организация ими самообороны идет успешно. Прибывшие в Мелитополь из Кронцфельда колонисты передают, что Пришибской, Ейгенфельдской и Наденфельдской волостями приглашены, с согласия командующего армией, для борьбы с бандами из Николаева немецкие солдаты, которых каждая из этих волостей нанимает по 300 человек. Для ускорения прибытия солдат-немцев отправлена колонистами делегация.

Старший адъютант военно-политического отдела *Кирпичников*.

Политическая сводка за 20 февраля 1919 г.

В Симферопольском уезде перемены в настроении населения не наблюдалось.

В коммерческих кругах очень уверенно говорят, что через 10 дней Крым будет оккупирован французами. Как на косвенное подтверждение этого слуха указывают на заметку в «Южных Ведомостях», где приводится заявление адъютанта начальника французского гарнизона Севастополя, что вопрос об оккупации Крыма возбужден во французском правительстве, причем прибавляет, что вопрос этот разрешен в смысле необходимости произвести оккупацию.

Сегодня продолжалось заседание курултая, которое делилось на открытое и закрытое. Председательствовали Хаттатов, Озенбашлы и Мненов [17]). Заседание носило чисто организационный характер. Там был прочитан регламент ведения заседаний, происходили выборы в различные комиссии. Настроение членов курултая далеко не боевое,

*) В деле резолюции не сохранилось.

большинство членов определенно высказывает мнение, что курултай должен совершенно отстраниться от политики и заняться исключительно культурно-просветительной деятельностью для удовлетворения насущнейшей нужды татарского населения в просвещении. Наибольший интерес среди татар возбуждают ведущийся сейчас процесс по поводу вакуфных земель и слухи о близком приходе в Крым греческих войск, которых татары сильно боятся. Среди греческого населения Крыма, наоборот, царит большое оживление, и делаются приготовления к встрече прибывающих греческих войск. Идея создания из местных греков добровольческих батальонов становится все более популярной в крупных греческих центрах, как-то: Евпатория, Ялта, Балаклава и Мелитополь.

Центральным греческим комитетом на-днях предполагается посылка к командующему армией особой депутации с просьбой разрешить формирование греческих батальонов.

В городе Бахчисарае в казармах Крымского полка до сего времени помещается отряд литовских татар в 60 человек. Отряд этот стоит там со времен правительства Сулькевича. Отряд ничего не делает, службы никакой не несет, кому подчиняется — неизвестно. Содержится он на остатки средств бывшего мусульманского корпуса.

В Севастополе за последнюю неделю настроение рабочих и их отношение к Добрармии значительно ухудшились. Причины те же, что и раньше, т.-е. безработица, большевистская агитация и отсутствие борьбы с ней, но все перечисленные данные приняли более острую форму, и влияние их на рабочих сказывается с каждым днем сильнее.

Безработица достигла таких размеров, каких рабочие Севастополя не знали. Целые семьи рабочих голодают в буквальном смысле этого слова. Сколь-нибудь конкретных мер против безработицы правительством не принимается, а рабочие ставят это в вину, главным образом, Добрармии. А потому вера в армию, которая начала прививаться у рабочих, пошатнулась совершенно. Рабочие не хотят верить, что армия, при желании помочь им, не могла бы дать работы. Таким смутным состоянием рабочих пользуются большевики, ведя агитацию распространением невероятно большого количества литературы на русском и французском языках, которая, как теперь установлено агентами русской и английской контрразведки, получается в Севастополе пароходом регулярно 2 раза в неделю из Одессы, где находится главный большевистский Военно-Революционный Комитет, посылкой на все митинги и собрания специальных агитаторов, которые совершенно открыто произносят зажигательные речи, призывая рабочих к борьбе за Советскую власть. Так, вчера на митинге рабочих Севастопольского порта недавно вернувшийся из Совдепии, куда ездил в качестве делегата от рабочих, Кухарчук, при общем сочувствии и рукоплесканиях рабочих, восхвалял жизнь в Совдепии. Не жалеют большевики и денег, выдавая наиболее нуждающимся рабочим пособия. Бороться с большевиками в Севастополе фактически некому, так как Добровольческий

отряд и так обременен караулами в крепости, а на милицию, которая, не говоря уже о крайней ее ненадежности, позволяет себе такие выходки как забастовка, которая имела место вчера, правда, на экономической почве, но самый факт ее возможности характеризует в достаточной степени милицию *). Забастовка началась утром, была ликвидирована в 2 часа дня. Милиция снова вступила на посты.

В городе Мелитополе спокойно.

Организация русской общины вылилась в создание думы, состоящей из 12 человек, большинство — прогрессисты. Цель и задача этой думы—отражать национальные интересы русского населения Мелитопольского района. Возбужденный союзом хлеборобов вопрос о мобилизации собственников вылился в создание дружин самоохраны в волостях и небольших вспомогательных отрядов при центре, т.-е. в городе Мелитополе.

В Мелитопольском районе, в связи с успешной ликвидацией банд, население успокаивается. Приток беженцев из северной части уезда прекратился. Прибывшие из района села Михайловки передают, что настроение оперирующих в этом районе большевистских банд в последнее время угнетенное вследствие неприбытия обещанных советских войск и сильного недостатка оружия и огнестрельных припасов.

Старший адъютант военно-политического отдела *Кирпичников.*

Доклад об отношении населения к Крымскому краевому правительству [18]).

Копия.

1. Краевое правительство, созданное губернским земско-городским съездом, является по своему составу коалиционным, имея членов партии к.-д., которых большинство, и социалистов — меньшинство. Нужно отметить, что между членами социалистами нет ни одного сколько-нибудь талантливого и пользующегося достаточным авторитетом хотя бы в своих партийных кругах.

2. По отношению к Добровольческой армии правительство заняло определенную позицию. Считает Добровольческую армию единственной прочной силой, могущей создать единую неделимую Россию и восстановить в стране порядок.

3. Для успешной борьбы с большевиками и скорейшего воссоединения России правительство считает необходимым создание для всей южной России временной власти, в форме директории из членов, один из которых генерал Деникин, он же и глава ее и верховный главнокомандующий.

4. Авторитет правительства в глазах населения не велик:

1. Татары настроены враждебно.

2. В рабочих классах [sic!] правительство не пользуется доверием, так как для них оно является слишком правым.

*) Так в подлиннике.

3. В интеллигентных кругах отношение неважное: это правительство слишком бесцветно, и в нем нет творческих сил, которые так или иначе должны были бы урегулировать жизнь в крае.

4. Крестьяне также к правительству относятся недоброжелательно. Часто слышатся разговоры, что это правительство, как и все остальные, никуда не годится и не может удовлетворить население в его нуждах (мануфактура и др.).

Вообще из наблюдений над различными кругами населения можно безошибочно сказать, что авторитетом правительство не пользуется, и нет ни одного более или менее значительного элемента, на который правительство могло бы опереться.

Отношение к правительству беспартийной и к.-д. печати сдержанное, социалистическая же печать неоднократно в своих статьях обрушивается на правительство, считая его подголоском «сильных мира сего».

Так, например, с.-р. печать находит, что правительство имело все данные для того, чтобы произвести все необходимые демократические реформы. Оно имело доверие в населении и им не воспользовалось.

С.-р. печать также ведет политику против присутствия в правительстве к.-д., считая, что они мешают проведению в жизнь революционной реформы и что политика правительства усиливает стремления населению к большевизму. Также часто обсуждается вопрос о страшно медленной работе правительства в созыве краевого сейма.

Враждебный тон с.-д. печати по отношению к краевому правительству базируется на отношениях к Добровольческой армии, которое *) не принимает по отношению к последней никаких мер за ее постоянное вмешательство во внутренние дела Крыма, требуя [требует, очевидно, соц.-дем. печать? *А. Г.*] предания суду краевой власти всех совершивших какие-либо проступки добровольцев.

Начальник Осведомительного Бюро штаба командующего войсками Добрармии в Крыму *Кирпичников.*

Доклад.

Положение в профессиональных союзах такое: в связи с происшедшим они замкнулись, сделав рабочий клуб и другие подобные учреждения замкнутыми; туда постороннему проникнуть очень трудно. У каждого приходящего спрашивается мандат. Среди рабочих настроение неопределенное, но в связи с арестом Тихомирова выступления открытого в ближайшие дни не будет, так как свои планы они считают открытыми и знают, что меры против выступления приняты.

Пограничный дивизион. Большую роль **) напрасных нареканий вызывают со стороны населения к чинам Добрармии по-

*) Очевидно, краевое правительство.

**) Очевидно, часть фразы пропущена.

ступки солдат пограничного дивизиона, которым командует ротмистр Полин. Чины этого дивизиона под видом проверки акциза делают обыски и реквизиции. Отбираемое при обысках тут же иногда продают, часто хозяевам этих вещей. Все это делают пограничники, именуя себя добровольцами, так как приказом начальника Крымской дивизии дивизион включен в число частей армии. Солдаты дивизиона — вольнонаемные. Набраны они из людей случайных, вследствие чего много ненадежного элемента; есть большевики. Большевики ведут в дивизионе усиленную агитацию, которая уже принесла свои плоды. Большевики хвастаются, что дивизион в случае выступления будет на их стороне.

В рабочих массах ждут мобилизации, думая, как только выдадут мобилизованным винтовки, повернуть их против добровольцев. Об этом говорят среди рабочих везде. Такой взгляд рабочих на мобилизацию создался под влиянием агитации большевиков, которые не жалеют никаких средств на получение возможно большего количества оружия.

Среди рабочих много говорят о предстоящей рабочей конференции, о политике которой держится мнение, что она объявит политическую забастовку, так как в продолжительной беседе с рабочим печатного дела и с одним влиятельным членом союза печатников Лядовым выяснилось, что тот и другой держатся мнения, что будет вынесена резолюция о всеобщей забастовке, направленной против Добрармии, как протест о [sic!] невыполнении армией принятых ею условий о невмешательстве во внутренние дела Крыма. Подобные сведения о забастовке поступают и из других источников.

Неоднократно сообщали сведения, что всей работой коммунистической партии в Крыму руководят из Москвы. В данное время об этом получены точные сведения.

Один из видных членов коммунистической партии матрос Карнаухов сообщил, что часть инструкторов приехала в Севастополь, а часть должна прибыть на этих днях.

Последняя партия везет с собой крупную сумму денег.

Мандаты печатаются на полотне и зашиваются в платье.

Обращает на себя большое внимание поведение чинов летучего отряда. Сплошь и рядом наблюдаются случаи, что чины отряда при обысках, арестах и всякого рода деятельности, часто незаконной, выдают себя за чинов Добрармии.

Установлен целый ряд лиц из крупной местной буржуазии, поддерживающей отношения с видными большевистскими деятелями. Характерно, что отношения между ними чисто делового характера. Между ними как бы заключен союз помогать спасаться друг другу. Одни спасаются от большевиков, другие от противобольшевистских властей.

Большевиками хорошо налажено дело распускания провокационных слухов, приурочиваемых очень удачно к каждому случаю. В на-

стоящее время они усиленно распускают слух об уходе из Крыма французов, где [sic!] солдаты якобы заявляют, что не хотят больше воевать и поедут домой.

Профессиональные союзы.

Профессиональные союзы в Крыму возглавляются областным бюро профессиональных союзов, не зарегистрировавшимся до сих пор вопреки приказу Крымского правительства в регистрационном отделении окружного суда. В состав этого бюро входят представители от каждого из местных центральных союзов, имеющихся в каждом городе Крыма, уставы этих местных центральных союзов тоже нигде не зарегистрированы. Правда, Симферопольский, Севастопольский центральные союзы подавали по два раза свои уставы для регистрации, но окружной суд им отказывал, мотивируя это неопределенностью уставов. Каждый местный центральный союз состоит из представителей профессиональных союзов различных отраслей труда (в данное время в Крыму нет ни одной категории рабочих, не объединенных в союзы), которые почти все зарегистрировали свои уставы, но сделано это ими только в последнее время, в 1917 году союзы не регистрировались. Представительство в центральном союзе профессиональных *) основано на пропорциональном представительстве: от союза, насчитывающего 500 человек, два члена, от союза со 100 членами один представитель.

Возникновение союзов в Крыму относится к апрелю месяцу 1917 года, затем профессиональное движение вскоре почти замирает, рабочие интересуются союзами мало. Сильное стремление к объединению в союзы можно было заметить после ухода большевиков, в мае, июне и июле 1918 года, а затем интерес рабочих к союзам опять идет на убыль. К данному моменту профессиональная жизнь быстрыми шагами идет к полному уничтожению, и профессиональные союзы, по выражению одного из видных деятелей, превращаются «в безработные союзы». Иллюстрацией этого явления служит убыль членов из союзов; так, союз металлистов, насчитывавший недавно 200 членов, имеет теперь всего 80, союз работающих иглой имел в августе еще 300 членов, теперь всего 60.

На собраниях союзов обыкновенно пусто, собирается всего 20—30 человек. Главной причиной такого упадка является страшная безработица, растущая с каждым днем. Руководители не сумели предотвратить ее и этим оттолкнули рабочих от широкого участия в профессиональной жизни.

В настоящее время, благодаря такому распаду, вожди профессионального движения очутились в таком положении, что им оставалось или допустить полную гибель союзов или обратиться к тем, против коих проповедывали вражду, т.-е. к Добровольческой армии, ибо они считают, что при создавшемся положении одна она в силах устра-

*) Речь идет, очевидно, о центральном совете профессиональных союзов.

нить безработицу, пустив в ход фабрики и заводы. В силу этого ими решено собрать конференцию, на которой они решат форму обращения к командованию Добровольческой армией с просьбой уменьшить безработицу, а пока решили просить Осведомительное Бюро Добрармии дать сведения об армии, устроив для самых видных деятелей профессиональных союзов беседу. В этом отношении оказало на них большое влияние открытие при содействии Добрармии работ на фабрике Стамболи. Что касается влияния союзов на жизнь рабочих, то оно в разные периоды за время с 1917 года до настоящего времени различно. В начале революции союзы играли большую роль в экономической стороне жизни рабочего, так как принуждением предпринимателей к принятию коллективных договоров они сильно увеличили заработную плату. Так продолжалось до прихода немцев, которые боролись всячески с коллективными договорами, исключительно давая работу ненаходящимся в союзах. Отсюда быстро развилось штрейкбрехерство, одна из главных причин упадка в союзах... *) просветительном отношении союзы за двухлетний период своего существования сделали очень мало, никаких школ, лекций и т. д. у них нет и не было никаких. Большой политической роли союз не играл, но сил для создания ее потратил много, этим-то и объясняется их малая работоспособность, так как почти ни одного собрания у них не обходилось без всевозможных политических прений и резолюций.

Политическая группировка в союзах такова. Не принимая во внимание рядовых членов союзов — рабочих, которые в большинстве своем представляют темную массу с большевистскими или близкими к этому тенденциями, президиум правления союзов всех степеней [sic!] или социал-демократы или большевики; последние царили в союзах до прихода немцев, а потом стушевались и официально теперь не существуют; остались почти исключительно первые, которые превратили союзы чуть ли не в узко-партийные организации и в главное поле своей деятельности. Так, в областном бюро весь президиум состоит из таких видных крымских с.-д., как Галдов, Лейбман, Новицкий и т. д.

Краткие сведения о железнодорожном съезде.

Съезд железнодорожников закончился вчера. Созван съезд был по указанию министерства путей сообщения для обсуждения положения служащих железных дорог и отношения к вопросу перехода железных дорог в ведение Крымского правительства и для выяснения отношения железнодорожных служащих к политике краевого правительства и к целям, преследуемым Добровольческой армией, — воссоединение России. Также железнодорожный съезд обсуждал экономическое положение.

---

*) Пропуск в тексте.

Резолюция съезда. Съезд высказался отрицательно к вопросу отделения части железных дорог, мотивируя это тем, что раз краевое правительство и Добрармия преследуют цели воссоединения России, то зачем отделять железные дороги. Но, признавая создавшееся положение, съезд решил подчиниться постановлению Крымского правительства о переименовании дорог в крымские и на получение содержания от Крымского правительства; также были выработаны нормы оплаты труда железнодорожников, для чего служащие были разбиты на категории.

Об отношении к краевому правительству и армии съезд постановил всецело поддерживать их цель [sic!] для воссоздания России, но одновременно выразить свой протест против самочинных действий отдельных чинов Добрармии.

Начальник Осведомительного Бюро штаба командующего войсками Добрармии в Крыму *Кирпичников*.

Авторитет *) Добровольческой армии сильно возрос в связи с последними событиями, как-то: приказом командующего войсками, декларацией правительства и ликвидацией беспорядков в Евпатории. Настроение среди большевиков подавленное, хотя мысли о выступлении они еще не оставили. Так, в частности, из источника, заслуживающего полного доверия, получены сведения, что сегодня комитетом партии большевиков были розданы листки за подписью бывшего председателя центрального исполнительного комитета Крыма Жана Миллера [19], который призывает большевиков к осторожности и к боевой готовности для скорого выступления. Сам Жан Миллер проживает в какой-то деревне в окрестностях Симферополя, в какой — установить пока не удалось.

Во всех работах большевиков особенную роль играет союз строительных рабочих и печатного дела.

В партии с.-р., повидимому, нет в данное время единства во взглядах на Добрармию, одни из членов высказываются против совместной работы с армией, другие за то, чтобы принимать в ее работах самое деятельное участие. Сегодня в два часа дня состоялся митинг ж.-д. служащих в депо станции Симферополь по поводу распоряжения начальника дороги не передавать по линиям дорог телеграммы с резолюцией съезда. На митинге вынесена резолюция:

Просить правительство устранить от должности начальника дорог инженера Корзуня и начальника телеграфа Добрынина, как элементов [sic!] реакционных, вносящих своим поведением смуту в ряды железнодорожников, и назначить на его [sic!] место инженера Андекера; просить об уплате причитающегося месячного содержания.

---

*) В подлиннике заголовок отсутствует.

Для доклада резолюции митинга совету министров краевого правительства избраны два делегата. После получения ответа решено опять созвать митинг. Также постановлено обратиться с жалобой к командованию Добрармии в Крыму на действия помощника коменданта станции Джанкой за его возмутительное отношение к служащим станции и срывание объявления об открытии съезда, разрешенного правительством. Завтра в 5 часов вечера состоится заседание крымского центрального профессионального союза. На съезд делегаты из других городов вызваны по телеграфу.

Кирпичников *).

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Одна из первых крымских партизанских групп возглавлялась Иваном Петриченко. Долгое время держала в страхе Евпаторию. Подробные добровольческие донесения о ней см. во второй части настоящей публикации. В добровольческих донесениях группа Петриченко именуется «богаевской шайкой». Сама группа называла себя отрядом «Красной Каски».

2. Впервые вопрос о курултае (сейме, парламенте), как о высшем органе крымско-татарского национального управления, стал перед Мусульманским Исполкомом еще в конце августа 1917 г., в связи с получением от Украинской Рады приглашения прислать представителей на созываемый в Киеве съезд народов, требующих федеративного устройства Российской Республики. Мусульманский Исполком ответил Раде как заместитель крымско-татарского курултая. Мусульманские деятели видели в курултае возрождение старинного татарского учреждения: «сам Чингис... перед восшествием на великий ханский престол созвал курултай (1205) и спросил у него согласия».

1 октября 1917 г. Мусульманский Исполком созвал 2-й крымско-татарский делегатский съезд, который избрал комиссию для созыва курултая на 24 ноября (до созыва Учредительного Собрания). Курултай должен был обсуждать вопрос о территориальной автономии для Крыма, в случае его принятия, — издать соответствующие основные законы, выявить свое отношение к вопросу о форме правления в стране и к Учредительному Собранию. Курултай открылся в Бахчисарае 10 декабря (24 ноября он открыт не был ввиду кассации выборов) и, проработав 3 дня, избрал «крымско-татарское национальное правительство», объявил себя национальным парламентом и утвердил «крымско-татарские основные законы». В правительство, состоявшее из 5 директоров, вошли: председателем совета директоров и директором юстиции — Ч. Челебиев, директором по внешним и военным делам — Д. Сейдамет, директором финансов и вакуфов — С. Д. Хаттатов, директором по делам религии — А. Шукри и директором народного просвещения — А. Озенбашлы. Директория, опираясь на штаб крымских войск, просуществовала наряду с советом народных представителей до января 1918 г., когда власть была взята большевиками и татарские националисты ушли в подполье. С приходом немцев курултай вновь собрался (8/V) и избрал 18/V премьер-министром «первого крымского правительства» Д. Сейдамета. Это избрание осталось на бумаге, так как 5/VI германское командование назначило премьер-министром генерала Сулькевича. На сентябрьской сессии из парламента ушла

*) Далее в подлиннике помета: «Генерал-майору Никитенко. Полковнику бар. Нолькен».

левая группа социалистов в 5 человек. В курултае осталась национально-демократическая «народная партия» (Милли-ферка), имевшая подавляющее большинство, 5—6 социалистов и около 10 чел. правых (мурзаков, духовенства и купцов), 13/IX сессия была распущена по случаю праздника «курбан байрам». До новых выборов, которые происходили уже при французах, курултай больше не собирался.

3. Джафер Сейдамет — сын зажиточного крестьянина деревни Кизильташ Ялтинского уезда. Учился в Константинопольском университете. В 1910 г. написал книгу «Угнетенный татарский народ», после чего, спасаясь от ареста, бежал в Париж. Кончил юридический факультет Сорбонны. Вернувшись в Россию, поступил в Петроградский университет, откуда во время войны ушел в юнкерское училище, а потом прапорщиком попал на фронт. После революции вернулся в Крым. В марте вошел в Мусульманский Исполнительный Комитет и начал играть наиболее крупную роль в татарском национально-демократическом движении. В декабре 1917 г. вошел в директорию (крымско-татарское национальное правительство) директором по внешним и военным делам. Организатор «крымского революционного штаба», созданного для борьбы, главным образом, с большевиками. В мае 1918 г. избран курултаем премьер-министром «первого крымского правительства», но не получив утверждения германского командования, вошел 5/VI в правительство ген. Сулькевича министром иностранных дел. Здесь вел крайнюю националистическую политику, стремясь к превращению Крыма в самостоятельное «крымское ханство» под протекторатом Германии и Турции.

4. «Таврический Голос» — симферопольская газета кадетского направления.

5. Газета «Прибой» — орган севастопольского и крымского областного комитета РСДРП.

6. Речь идет о так наз. «богаевской шайке» (см. 1-е примечание).

7. Под «татарской младократией» следует понимать национально-демократическую «народную партию» (Милли-ферка).

8. Газета «Крым» начала выходить в 20-х числах июля, но скоро прекратила существование (редактором был А. Арифа).

9. Газета «Миллет» являлась центральным органом Мусульманского Комитета. Начала выходить 27 июня 1918 г. под редакцией видного татарского журналиста и общественного деятеля А. С. Айвазова.

10. См. 1-е примечание.

11. На редакцию ялтинской «Нашей Газеты» (с-д.) за неблагоприятную информацию добровольцы совершили налет. Редакция была разгромлена.

12. Скопщина — распространенная в Крыму форма испольной аренды. Скопщинники (или как их иначе называли — десятинщики) уплачивали собственнику земли определенную долю урожая, которая тоже называлась скопщиной. Ее размер достигал иногда половины урожая.

13. С. Д. Хаттатов — бывший народный учитель. В марте 1917 г. вошел в Мусульманский Исполнительный Комитет. В декабре 1917 г. был избран курултаем в состав «крымско-татарского национального правительства» (крымская директория) директором финансов и вакуфов. Член партии Милли-ферка.

14. Чапчакчи — татарский общественный деятель. В марте 1917 г. вошел в Мусульманский Исполнительный Комитет. Член партии Милли-ферка.

15. Озенбашлы Амет — в марте 1917 г. вошел в Мусульманский Исполнительный Комитет. В декабре 1917 г. избран курултаем в состав «крымско-татарского национального правительства» (крымская директория) директором народного просвещения. Член партии Милли-ферка.

16. Кипчакский Мустафа Мурза — татарский общественный деятель. Националист. Гласный Бахчисарайской городской думы и Перекопского и Симферопольского уездных земских собраний. Входил в «кабинет» ген. Сулькевича в должности краевого контролера (после Налбандова).

17. Мненов — татарский общественный деятель. Член партии Милли-ферка.

18. Крымское краевое правительство сначала возглавлялось ген. Сулькевичем, ставленником немцев. С уходом последних власть перешла (15/XI 1918 г.) в руки председателя таврического губернского земского собрания С. С. Крыма. Вот состав его «кабинета», который почти без изменений оставался у власти за все время пребывания союзников в Крыму: В. Д. Набоков, к.-д., — министр юстиции, М. М. Винавер, к.-д. — внешних сношений (главные члены кабинета), Н. Н. Богданов, к.-д., — внутренних дел, С. А. Никонов, с.-р., — министр просвещения, П. С. Бобровский, плехановец, — министр труда, А. П. Барт — и. о. министра финансов (вместо приглашенного П. Л. Барка, уехавшего с поручениями за границу), А. С. Стевен, к.-д., — управляющий министерством снабжения и путей сообщения, ген. Бутчик — военный министр, адм. Канин — морской.

19. Жан Миллер — видный крымский партийный работник-большевик. В 1918 г. был губернским организатором партии. Неоднократно участвовал в переговорах с крымскими революционно настроенными татарскими группировками.

Конец русско-японской войны.

(Военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе.)

Публикуемый ниже журнал военного совещания 24 мая (ст. ст.) 1905 г. представляет в большей части почти дословную запись высказанных членами совещания суждений по поставленному Николаем вопросу о «немедленной» «попытке к заключению мира», ввиду резкой перемены после Цусимы в соотношении русских и японских шансов войны. Никаких «постановлений» составители журнала не записали — вероятно, потому, что совещание и не было призвано что-либо решать. Журнал так и остался неподписанным никем из участников и, повидимому, не был «читан» или «утвержден» царем. Последовательность и формулировка вопросов, которыми открыл Николай заседание, не оставляют сомнения в том, что явился он в совещание, в сущности, с готовым решением в пользу немедленной «попытки к заключению мира». Несомненно также, что принято оно было Николаем не только по соображениям чисто военного характера, и в настоящем совещании оставалось только разъяснить, почему и по этим соображениям момент для начала мирных переговоров наступил и дело не терпит отлагательства. Но почему 24 мая Николай счел своевременным поставить вопрос о мире, совещанию сообщено не было, и вообще иными данными, кроме (особенно ценных для историка) подсчетов, приведенных в заслушанном на совещании докладе военного министра, оно не располагало. Для продолжения войны Линевич ставил определенные требования, которые, хотя и с трудом, военное министерство бралось удовлетворить, — и это открывало желающим возможность высказываться за продолжение войны в расчете на успех сухопутной кампании,— во всяком случае, открывало возможность спора. В качестве дополнительного аргумента, на совещании прямо высказывалась мысль о необходимости считаться с «внутренним положением страны». Но и здесь возможны были два диаметрально противоположных взгляда: с одной стороны, что «нам важнее внутреннее благосостояние страны, чем победы», — с другой, что «возвращение в Россию армии, не одержавшей ни одной победы», «ухудшит» «внутреннее положение страны». Один только Дубасов попробовал расширить масштаб спора и, настаивая на необходимости «продолжать борьбу до полного поражения противника», апеллировал к тому, что «финансовое положение Японии, конечно, хуже нашего» и что «она делает последние усилия», между тем как для России «средства борьбы далеко не исчерпаны». Вылазка Дубасова в эту новую для совещания сферу, совсем голословная, не вызвала отклика, но именно в этом пункте совещание и могло бы найти твердое основание для бесповоротного решения поставленного перед ним вопроса. Этот вопрос имел уже свою историю, и несколько фактических справок покажут, не только к а к Николай от формулы: «война до тех пор, пока послед-

ний японец не будет выгнан из Манчжурии», приведен к решению: «мир, пока ни один японец не ступил еще на русскую землю», — но и почему Николай, pro forma, поставил это свое решение на суд высокого военного собрания именно в этот майский день, не раньше и не позднее.

Русско-японский конфликт с самого начала его в 1895 г. обозначился не как местное столкновение на почве территориального соперничества, а как надвигающийся факт более сложного столкновения интересов на Дальнем Востоке нескольких империалистических держав. Выступив вопреки Англии и совместно с Германией и Францией против проникновения Японии на материк в 1895 г., Россия в 1896 г. получила концессию на трансманчжурскую магистраль, стратегическое значение которой санкционировалось одновременно подписанным с Китаем союзным договором, направленным против Японии. Отвергнув при этом тогда же всякую мысль о соглашении с американским капиталом, настойчиво предлагавшим русскому правительству свое участие в манчжурском железнодорожном строительстве [1]), и перейдя к поискам расширения своей железнодорожной экспансии в сторону Кореи или даже Пекина в 1897 г., Россия захватила в 1898 г. ключ ко всей Манчжурии в Ляодуне. Одновременно вновь отвергая повторное предложение американцев относительно участия в постройке южно-манчжурских ветвей и дважды чуть не доведя дело до войны с Англией (в 1898 г. зимою — из-за займа Китаю и летом — из-за линии на Пекин), Россия в следующем, 1899-м, году фактически отклонила английское и американское предложения согласиться относительно «открытой двери» в Манчжурию. Ища, приобретая и потом консервируя концессии в соседней с Японией Корее в 1898—1901 гг.; оккупируя своими войсками все господствующие, в том числе и «открытые» для иностранцев (Инкоу), пункты в Манчжурии в 1900 г.; домогаясь затем, при протестах чуть не всех держав, исключительной монополии на эксплоатацию каких бы то ни было богатств этой страны (а заодно и всех пограничных с Россией областей Китая!) и требуя вывода оттуда китайских войск, как непременного условия вывода русских, в 1901 г.; вторично пытаясь закрыть дверь в Манчжурию перед иностранцами в пользу Русско-Китайского банка и укрепляя этим англо-японо-американскую группировку, Россия в 1902 г. довела-таки дело до заключения англо-японского союза и вынуждена была, наконец, дать условное («буде образ действий других держав тому не воспрепятствует») согласие на эвакуацию Манчжурии в течение 18 месяцев в расчете как-нибудь дотянуть оккупацию до окончания постройки железной дороги. Задерживая, после всего этого, эвакуацию Манчжурии и навязывая Китаю переговоры о дополнительных ее условиях, затем прерывая начатые было с Китаем переговоры и прекращая эвакуацию (октябрь 1903 г.), наконец, выделяя управление всеми делами по Дальнему Востоку в руки англофобствующей и ярко германофильской группы Плеве — Безобразова — Абазы — Алексеева, — русское правительство неуклонно шло к столкновению не только с Японией, а и с Англией и с Америкой, при изменившейся к тому же и собственно европейской конъюнктуре.

Основной факт в этом последнем смысле, «сделавший» всю последующую «эпоху», — поворот Англии от политики «блестящей изоляции» к решительному сближению с Францией, направленному против Германии, обозначился в самом начале 1902 г., и германская дипломатия, упустившая последний случай попытаться его предотвратить летом

[1]) См. донесение Покотилова в мин. финансов от 17 (29) апреля и депешу Кассини из Пекина в мин. ин. дел от 10 (22) апреля 1896 г. в деле № 3 — в III отд. канц. мин. финансов.

1901 г., оказывалась в необходимости направить все свои усилия в дальнейшем к тому, чтобы преодолеть грозное для нее «изолирование» на европейском театре, и искать такого сближения с Россией, которое заодно дало бы Германии, теперь же именно терявшей своего итальянского союзника, возможность вырваться из «когтей грифа», разорвав франко-русский союз [1]). Открывавшаяся отсюда для России перспектива в более или менее близком будущем быть втянутой в англо-германский конфликт ставила правительство Николая II перед необходимостью крутых решений: шла ли бы речь о перемене вековой ориентировки русской политики относительно Англии или о разрыве союза с Францией во имя возвращения к традициям союза трех императоров. А если нет, — то от русского правительства потребовалось бы неимоверное маневренное напряжение как во внешней политике, так и в ведении государственного хозяйства страны, неспособного до той поры и подумать высвободиться из зависимости от «помощи» европейских финансовых рынков. Но и для Англии и для Германии в одинаковой мере задача использования колоссальной численной мощи империи царя в предстоящей борьбе, в таком случае, превращалась в задачу вогнать русское правительство в такое положение, в котором у него не оставалось бы возможности (объективной или субъективной, все равно) сохранить до конца нейтральную позицию между борющимися. Значит, ослабление России становилось насущным и вернейшим средством в игре для обеих сторон, и готовившаяся уже несколько лет большая война России на Дальнем Востоке только и открывала какие-нибудь перспективы в этом смысле. Заключение англо-японского союза и сопутствующее ему личное сближение германского и российского императоров, на основе взаимного «прикрытия тыла», с 1902 г. открывали эту большую игру, в которой России отведена была роль незаменимой и желанной карты для обеих же сторон. Если при этом Николай продолжал держаться союза с Францией, чтобы, как он заявлял немцам, иметь деньги на достройку Сибирского пути (Спала, 1901 г.) и не дать французам «наделать бед» и «перейти к англичанам» (Висбаден, 1903 г.), то, надо думать, он не хотел ставить Россию в необходимость решительного выбора между двумя новыми наметившимися группировками на случай англо-германской большой войны [2]). Но именно теперь, накануне подготовленной (в военном, финансовом и дипломатическом отношении) Японией войны с Россией, Франция твердо стояла на пути соглашения по всем колониальным вопросам с Англией, и ни о какой военной помощи с ее стороны заведомо не могло быть и речи. При том, что Рузвельт в самом начале русско-японской войны предупредил Германию и Францию, что если они станут на сторону России, то Америка выступит в защиту Японии, — Россия вступала в войну на Дальнем Востоке, имея перед собою небывало мощную комбинацию своих врагов и парализованную союзность [3]).

---

[1]) См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», 17 B., № 5186, телегр. Меттерниха из Лондона от 17/30 января 1902 г.; O. Franke, «Die Grossmächte in Ost-Asien», стр. 183; А. М. Зайончковский, «Подготовка России к мировой войне в международном отношении», М., 1926, стр. 116.

[2]) См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», 18 B., 1 Teil, № 5399, записку Бюлова от 22 октября (4 ноября) 1901 г. о сообщениях принца Генриха о разговорах его с Николаем в Спале, и № 5422, его же записку от 25 октября (7 ноября) 1903 г. о свидании Вильгельма и Николая в Висбадене.

[3]) См. А. М. Зайончковский, «Франко-русские отношения до войны 1914 г.», стр. 51, телегр. Ламсдорфа Нелидову в Париж от 20 октября 1904 г. (в сб. «Кто должник?», М., 1926) и T. Dennett, «Roosevelt and the Russo-Japanese war», New-York, 1925, стр. 2.

При описанных политических условиях Россия начинала войну с таким скудным запасом несвязанной звонкой наличности, что перед русским правительством тогда же возникал вопрос о возможности прекращения размена [1]). Остановившись без колебаний на необходимости сохранить размен во что бы то ни стало, правительство вынуждалось вести войну с помощью внешнего кредита, а это ставило ведение войны, ее продолжительность и самую возможность успеха в полную зависимость от международного денежного рынка. На парижском рынке, давшем весною 1904 г. России заем в 350 млн. руб., с весны этого же года, не иначе как в связи с политическим соглашением Англии и Франции в апреле 1904 г., росли признаки охлаждения к слабеющему союзнику [2]). К германскому же рынку, где почва была позондирована еще в начале войны, обращение оказалось возможным только при условии значительных уступок, которые и были сделаны Россией в июльском (этого же года) дополнении к торговому договору 1894 г. Согласно обмену нот Витте — Бюлов, сопровождавшему подписание договора 15 июля 1904 г., России было предоставлено право сделать заем в Берлине в любой срок до 1 апреля 1905 г., и это создавало для русского правительства счастливое положение в двояком отношении: 1) являлась известная свобода выбора источника финансовой опоры в войне и 2) так как собственно необходимость прибегнуть к займу должна была наступить только к самому концу года, то более полугода России предоставлялось для достижения военных успехов, которые разрешили бы колебания в Париже в пользу союзника. Это и был период, когда Николай предавался мечтам о присоединении Манчжурии, как призе войны, и вместе с «меднолобым» Абазой измышлял, как бы спровоцировать Китай на нарушение нейтралитета, чтобы дипломатически подготовить эту операцию [3]).

В то время, как в Париже уже в августе 1904 г. возможное падение Порт-Артура считалось неизбежным поводом к панике с русскими биржевыми ценностями, в то время, как одно только известие об образовании в России второй армии толкнуло вниз русские фонды на парижской бирже, как признак дальнейшей затяжки войны, а в печати раздались голоса в пользу японского займа во Франции, — в это время из Берлина не только тешили воображение Николая перспективой, как Балтийский флот «загонит японский флот в его порты» и «восстановит твое [Николая] господство на море», но и на деле помогали продвижению эскадры Рожественского, снабжая ее углем, и поддерживали вообще оптимизм в царскосельском дворце [4]). Немудрено, что попытка одного из французских банков перебежать дорогу берлинскому рынку и предложить России заем в октябре 1904 г. была отклонена Николаем в угоду Германии в пользу германского займа (который и был распубликован в декабре 1904 г.). Попытка Вильгельма при этом вовлечь Россию в союз с Германией, сделанная им в октябре же, чуть было не возымела успеха

[1]) В начале войны «свободная наличность» казначейства исчислялась в сумме 157 млн. руб., эмиссионного права в резерве оставалось миллионов на 200, см. «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», сб. документов, изд. Центрархива, М. 1925, докум. № 40. Ср. там же докум. №№ 3 и 4.

[2]) См., напр., там же докум. № 23.

[3]) Уже после Ляояна, 9 сентября 1904 г., Абаза сообщил наместнику Дальнего Востока об этом желании царя (см. письмо Абазы к Алексееву от этого числа в деле № 114/95/С, фонда канц. Особ. К-та Д. Востока).

[4]) См. «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», М. 1926, докум. №№ 27—29, письма Нелидова от 10(23) августа и 16(29) сентября, Коковцова от 26 августа 1904 г.; «Переписка Вильгельма и Николая II», М. 1923, стр. 65.

у Николая на почве обострения англо-русских отношений вокруг Гулльского инцидента и на почве общего пассивного положения, занятого Францией в войне. Однако попытка эта была отклонена, в конце концов (после поправок, внесенных в проект договора Николаем), одновременно обеими сторонами: Германией — ввиду опасности договора с точки зрения англо-германских отношений, Россией — ввиду рискованности его относительно франко-русского союза, которым нельзя же было шутить, имея более 3 млрд. русских бумаг на руках французских держателей [1]). Но, кроме того, и простой подсчет показывал, что в случае чего с одним германским рынком в дальнейшем ведении войны, до последней степени осложнявшемся к концу зимы 1904 г. падением Порт-Артура, обойтись нечего и думать.

В самом деле: 1) в течение всего 1905 года на единственно доступных для России тогда рынках Франции, Германии и Голландии можно было бы занять всего не более 500 млн. руб., 2) суммы этой хватило бы только-только на 8 месяцев войны (по 60 млн. руб. в месяц), 3) в обыкновенном бюджете на 1905 г. предвиделся дефицит в 40 млн. руб., подлежавший покрытию за счет все той же суммы возможных займов, и 4) усиление существующего обложения, и так уже предельного и разорительного для страны, едва-едва дало бы покрыть проценты по прежним займам [2]). Располагаясь вести войну до тех пор, пока на территории Манчжурии остается хоть один японец, Николай должен был считаться с «англо-американской коалицией» и ее возможным вмешательством в будущие мирные переговоры и приглашался Ламсдорфом «заблаговременно обдумать и изыскать все средства к подъему общей боевой готовности России ко времени окончания войны». Но приведенный только что подсчет показывал, что России остается «соразмерять свои вожделения» с «грозными предостережениями» военной и финансовой действительности: необходимо было беречь все три доступные финансовые рынка во имя всего-то восьмимесячной возможности не прерывать войны (а внутри страны итти и на запоздалые уступки, как расценивал указ 12 декабря даже Витте) [3]). В области международных отношений Николаю приходилось возвращаться к слишком мудреной в данных условиях формуле Ламсдорфа: «ничем не портить наших отношений с Берлином, но притом не упускать и Парижа», потому что, «только сохраняя равновесие, удастся

---

[1]) См. «Русские финансы и т.д.», докум. №№ 33 и 34; «Die Grosse Politik», 19 B., 2 Teil, стр. 388; «Переписка Вильгельма и Николая», стр. 70—72, 85; «Красный Архив», т. V, стр. 6—49; «Die Grosse Politik», 19 B., 1 Teil, стр. 300—350, особенно: № 6124 (ранее неопубликованное письмо Николая к Вильгельму от 25 октября (7 ноября) 1904 г.), стр. 316—319 (письмо Вильгельма к Бюлову от 10(23) ноября и записку Бюлова от 11(24) ноября 1904 г. с проектом ответа Николаю, посланным 13(26) числа), № 6137 (нота Ламсдорфа от 29 ноября (12 декабря) 1904 г.), № 6139 (список вопросов, поставленных Бюловым германскому послу в Лондоне 16 декабря н. ст.), № 6140 (записка герм. посла в Лондоне от 18 декабря н. ст.), № 6145 (ранее неопубликованное письмо Николая Вильгельму от 12(25) декабря). — Ср. также «Русские финансы», докум. № 3.

[2]) См. «Русские финансы и т. д.», докум. № 40, всеподд. доклад Коковцова от 19 ноября 1904 г.

[3]) См. документы о Бьоркском договоре в «Красном Архиве», т. V, стр. 6—49, и любопытную, затеянную Ламсдорфом едва ли не для протрезвления Николая, дискуссию о военных и финансовых возможностях России, которая развернулась между Коковцовым и Ламсдорфом в октябре — декабре 1904 г. («Русские финансы и т. д.», докум. №№ 39—42). Ср. письмо Витте к Куропаткину № 7 от 20-х чисел января 1905 г. в «Красном Архиве», т. XIX, стр. 75.

извлекать выгоды, в пределах возможности, из обеих сторон» [1]). Но «пределы возможности» оказались быстро идущими к нулю: ближайшие события готовили вторичное испытание франко-русскому союзу — и на этот раз уже не с русской стороны.

9 января и последовавшие революционные события 1905 г. круто повернули перспективы войны. Что было в данную минуту (когда германский рынок только что был вычерпан на 231 млн. руб.) важнее всего — это, что русскому кредиту нанесен был непоправимый удар во Франции, где «недоверие» уже к середине февраля грозило принять всеобщий характер. Синдик биржевых маклеров в Париже, Вернейль, явился к русскому послу передать о чрезвычайном беспокойстве, испытываемом президентом республики и премьером по поводу «возможного отголоска наших событий во Франции». До этих событий еще можно было бороться с впечатлениями от нападок социалистической прессы и вообще враждебной России прессы на русский кредит. Но «теперь все изменилось. Война была до сих пор лишь сплошным рядом неудач. Сообщения о внутреннем положении весьма тревожны», и «нет никакого нравственного средства воздействия против прессы», ежедневно распространяющей в публике тревожные известия. Банки и биржевые маклеры осаждаемы запросами держателей наших бумаг о видах на будущее и о том, не выгоднее ли от них избавиться. «Достаточно, чтобы это началось, — это будет настоящая лавина». «Мы будем, — говорил Вернейль, — иметь против себя всех от последнего слуги до самого богатого барина: они все делали вклады в русские фонды. Для здешнего правительства результатом этого будет неистовое нападение на министерство. Рувье и Делькассэ не смогут сопротивляться этому удару, и вместе с ними померкнет русский союз» [2]). Сообщая об этом, Нелидов правильно указывал, что в таком положении радикальное средство —это восстановление спокойствия и порядка в России, и прекращение войны само по себе помочь здесь отнюдь не могло. Однако, судя по тому, что, несмотря на все это, французские банкиры именно теперь, ровно по истечении срока, обусловленного Мендельсоном для воздержания от выпуска займа Россией на французском рынке (от 15 декабря до 15 февраля), выехали в Петербург для переговоров, прямого запрещения русского займа со стороны французского правительства пока еще не последовало. Переговоры с прибывшими в Петербург представителями «Лионского Кредита», Готтингера и Парижско-Нидерландского банка совпали с периодом мукденских боев и шли «довольно долго», так как «банкиры по получении каждого нового известия с театра войны считали необходимым по телеграфу запрашивать указания своих учреждений». Тем не менее переговоры были доведены до конца, контракт займа составлен и рассмотрен к 27 февраля (сообщение об оставлении Мукдена поступило в Петербург 25-го), 28-го Нецлин и Готтингер представлялись председателю комитета финансов и доложили ему о благополучном завершении дела, затем вечером отобедали у Коковцова и на другой день, 1 марта, должны были явиться к 11 часам утра подписать текст контракта. Но далее свершилось неслыханное неприличие: банкиры в назначенный час не явились, а письменно уведомили, что в ночь с 28-го на 1-е ими получен приказ не подписывать контракта и вернуться

---

[1]) См. письмо Ламсдорфа к Остен-Сакену от 28 октября 1904 г. в «Красном Архиве», т. V, стр. 15.

[2]) См. «Русские финансы и т. д.», докум. № 44, письмо Нелидова к Ламсдорфу от 17 февраля (2 марта) 1905 г.

в Париж [1]). Нет нужды ловить намеки в дальнейшей переписке по этому вопросу, чтобы не сомневаться, что приказ этот был результатом требования французского правительства. Смысл происшедшего был один: давать деньги русскому правительству и на борьбу с революцией и на войну одновременно, при столь явственных признаках проигрыша пока на обоих фронтах, Франция отказывалась наотрез.

Еще в октябре 1904 г., до Порт-Артура, Мендельсон-Бартольди, будучи в Петербурге по делам русского займа и вращаясь там в «банковских и коммерческих кругах», вынес определенное впечатление, что здесь господствовало желание «немедленного мира», как и в громадном большинстве населения страны, и только двор, военные и «официальные лица» «держались» твердо. Тогда к этим официальным лицам примыкал и Коковцов [2]). Но теперь и Коковцов не мог не понять, что войне — конец, и непосредственно «после Мукденского отступления» (т.-е., как теперь знаем, после грубого поворота с делом о французском займе) подал Николаю «подробную записку», доказывавшую невозможность дальнейшего ведения войны. Записка эта была «в начале марта» рассмотрена в «особом совещании под председательством великого князя Николая Николаевича», но «заключения» ее успеха в совещании не возымели, при всем том, что все они были финансового характера, были основаны на точных исчислениях и, казалось бы, оспорены быть не могли [3]). Коковцов утверждал, что: «1) до настоящего времени на военные расходы, вместе с разрешенными за прошедшее время, но еще неистребованными кредитами, издержана колоссальная сумма в 1 млрд. руб.; 2) этими расходами полностью исчерпаны все те суммы, которые были приготовлены на ведение войны; 3) дальнейшее ведение войны сопряжено с расходами столь же огромными, как и те, которые произведены в течение 13 месяцев войны; 4) достать необходимые средства помощью внешних займов или вовсе невозможно или сопряжено с трудностями, граничащими с невозможностью; 5) внутренние займы могут дать лишь сравнительно незначительную часть потребных средств и будут неизбежно сопровождаться резким падением всех процентных бумаг как на русской, так и на иностранных биржах; 6) обращать золотой запас государственного банка на нужды войны немыслимо без совершенного расстройства всей нашей денежной системы и окончательной утраты доверия к русскому государственному кредиту; 7) золотой запас государственного казначейства едва достаточен для оплаты в течение 1905 года всех обязательств государства за границей; 8) выпуск кредитных

[1]) См. «Русские финансы и т. д.», докум. № 53, письмо Коковцова Нелидову от 10(23) мая 1905 г.

[2]) См. «Die Grosse Politik», 19 B., 2 Teil, № 6167, записка Бюлова о сообщениях Мендельсона после поездки в Петербург от 2 ноября н. ст. 1904 г. Мендельсон виделся и с Витте и от него узнал, что Гаяши через посредников сообщил Витте о своей готовности приступить с ним к «эвентуальным» переговорам о мире.

[3]) См. «Красный Архив», т. VI, стр. 14, в письме Коковцова к Ламсдорфу от 20 июня 1905 г. упоминание, что им, Коковцовым, была представлена эта записка. Нам не удалось разыскать среди документов фондов м-ва финансов текста этой записки. Сохранились зато отпуск письма Коковцова к начальнику штаба в. кн. Николая Николаевича ген. Ф. Ф. Палицыну от 13 марта 1905 г. с препровождением «заключения к известным вам соображениям моим по вопросу о ресурсах на ведение войны» и вложенный в отпуск почтовый листок, на котором карандашом рукой Коковцова набросаны приводимые нами в тексте 9 пунктов («все изложенные выше соображения приводят к следующему заключению:»). Дата руки Коковцова: «13/III». Рукой Дорлиака помета: «исполнено в тот же день» (см. д. № 16/с канц. мин. фин.).

билетов под золото государственного банка в сколько-нибудь значительном количестве грозит тем же последствием, какое предусмотрено в п. 6, и 9) ослабление государственного кредита России создано столько же нашими нынешними неудачами, сколько и внутренними беспорядками».

Коковцов, как видно из подчеркнутого нами в пункте 4, ослабил свое заключение тем, что все же оставлял хотя некоторую надежду на то, что деньги за границей достать не абсолютно невозможно, и в эту лазейку, очевидно, и прошло решение Николая продолжать войну, во что бы то ни стало раздобыв денег. Раздобыть их Коковцову удалось в начале апреля 1905 г., но это была уже последняя заграничная кредитная операция времени войны (и то краткосрочная, в форме учета обязательств государственного казначейства), и выручил Николая здесь, конечно, Берлин. Только сумма была уже вдвое меньшая, чем было надо и чем рассчитывали получить у французов в феврале (не 300, а 150 млн. руб.): она ничего, в сущности, не решала и давала только отсрочку, достаточную для того, чтобы понести новое поражение в бою, но слишком незначительную, чтобы успеть вернуть полную боевую готовность расстроенным сухопутным силам России на манчжурском театре. Процент, доставшийся при этом Мендельсону (7% действительных), был настолько высок абсолютно, что некоторое время французские банкиры никак не могли успокоиться, но сами на свой страх, очевидно, в дело итти не смели и подбивали Коковцова обратиться прямо к Рувье: потому что, «стоит тому сказать слово, и операция совершится без труда». Однако попытка Коковцова последовать этому совету, пренебрегая полученным в феврале уроком, — попытка совершенно безнадежная политически, — совпала по времени с катастрофою при Цусиме и осталась безрезультатной [1]).

Что после Цусимы продолжение войны, — при том, что́ делалось внутри страны, — было безумием уже прямо с точки зрения судеб династии, не сразу, может быть, стало ясно всем в петербургских верхах, но зато мгновенно было схвачено в Берлине. Еще в начале мая 1905 г. Бюлов серьезно считался, повидимому, с «возможностью русской победы на море», которая и установила бы желательное теперь, после стольких русских поражений, для Рузвельта русско-японское «равновесие» на Дальнем Востоке. Только Рузвельт до Цусимы не имел еще ничего против того, чтобы попрежнему продолжалось это «полезное для интересов прочих держав на Дальнем Востоке» «взаимное истребление двух наций», и, если и зондировал японского и русского послов в Вашингтоне, то только, чтобы не пропустить момента и не уступить инициативы мирных переговоров в руки Делькассэ [2]). Но именно потому после Цусимы вопрос о них и был тотчас же решен в положительном смысле между Берлином и Вашингтоном в каких-нибудь два-три дня. Вильгельм круто повернул фронт и взял на себя вплотную заговорить с Николаем о необходимости мира и без труда вызвал вмешательство Рузвельта, призывая того предотвратить насильственную смерть Николая и сопряженные с ней, по

[1]) См. «Русские финансы и т. д.», докум. № 52 (письмо Рафаловича от 2 (15 мая) 1905 г.), № 53 (письмо Коковцова от 10 (23 мая) 1905 г.). и № 57 (письмо Нелидова Коковцову от 28 мая (10 июня) 1905 г.).

[2]) См. «Die Grosse Politik», 19 B., 2 Teil, № 6306, телегр. Бюлова германскому послу в Вашингтоне от 4 (17) мая 1905 г. и № 6310, телегр. германского посла о разговоре с Рузвельтом 11 (24) мая 1905 г.— Оба, русский и японский, послы дали понять Делькассэ, что «их правительства твердо решили продолжать войну»: Россия—в расчете на морскую победу, Япония — в расчете на решительное свое наступление на Харбин и Владивосток.

его мнению, «гибельные» последствия для России и «опасность» для «остального мира» [1]). 21 мая (3 июня) Вильгельм обратился к Николаю с известным своим письмом, исчерпывающим образом и в привычных для Николая категориях мысли обосновывавшим не только необходимость, но и обязательность прекращения войны и сообщавшим, что «почва для мира» уже подготовлена и что стоит только царю вызвать американского посла — и механизм переговоров придет в должное движение [2]). А на другой день, 22 мая (4 июня), Вильгельм вызвал к себе американского посла в Берлине и поручил ему сообщить Рузвельту, что он «признает положение России настолько серьезным, что, когда в Петербурге узнают правду о последнем поражении, жизнь царя окажется в опасности» и что он, Вильгельм, уже предложил царю посредничество президента [3]).

Письмо Вильгельма от 21-го получено было Николаем 23 мая ст.ст., а «на другой день» (т.-е. 24 мая) американский представитель в Петербурге фон-Лангерке Мейер, получив уже инструкции Рузвельта, просил об аудиенции и был принят Николаем 25 числа [4]). Николаю, таким образом, не пришлось ни просить Вильгельма, как тот предлагал, «снестись с Рузвельтом» (это было уже сделано без просьб), ни тем более «вызывать» к себе американского посла, как советовал тоже Вильгельм (это было излишне, благодаря быстрому обороту телеграмм Берлин — Вашингтон — Петербург). Дело обошлось проще, и Николаю оставалось только, скрывая факт вмешательства Вильгельма и делая вид, что это его собственная инициатива и что есть еще возможность что-то еще обсуждать, — созвать «военное совещание» и, выпустив вперед своего решительного дядю (Владимира, который, возможно, был посвящен в тайну письма и фактически давал тон в совещании), показать собравшимся генералам, что дело будто бы не в безысходной финансовой и международно-политической невозможности продолжать войну, а, наоборот, в возможности свободно признать или не признать настоящий момент удобным для одного только зондирования относительно содержания японских условий.

Никаких докладов и советов Коковцова теперь уже не требовалось, так как, с выступлением Вильгельма, в абсолютную «невозможность» превращались и те «трудности, граничащие с невозможностью», о которых можно было еще говорить после Мукдена. Но на другой день, 25 мая, надо было давать ответ американскому представителю, и не «посовещаться» с военными Николай, как видно, счел неудобным.

Б. Романов.

Текст публикуемого ниже «Журнала» военного совещания в Царском Селе 24 мая (ст. ст.) 1905 г. печатается по копии, заверенной командующим имп. главн. квартирою (подписи нет) и помощником начальника военно-походной канцелярии флигель-адъютантом (подпись срезана). Документ обнаружен среди архивных материалов фонда «имп. главной квартиры» (Ленинградский Центр. Истор. Архив).

Текст подготовил к печати А. К. Дрезен.

Редакция.

---

[1]) См. T. Dennett, «Roosevelt and the Russo-Japanese war», New-York, 1925, стр. 217—219.

[2]) См. «Переписка Вильгельма и Николая», стр. 102 сл.

[3]) См. T. Dennett, op. cit., стр. 217—219, телегр. Тоуера из Берлина от 22 мая (4 июня) 1905 г. и его же письмо к Рузвельту от 27 мая (9 июня).

[4]) См. «Die Grosse Politik», 19 B., 2 Teil, стр. 424 и 425, и T. Dennett, op. cit., стр. 223.

Журнал военного совещания под личным председательством его императорского величества 24 мая 1905 года в Царском Селе [1]).

Присутствовали: е. и. в. великий князь Владимир Александрович, е. и. в. великий князь Алексей Александрович, генерал-от-инфантерии Роон, генерал-от-инфантерии Лобко, генерал-адъютант Гриппенберг, генерал-от-инфантерии Гродеков, генерал-адъютант барон Фредерикс 1-й, генерал-адъютант Алексеев, генерал-адъютант Авелан, генерал-адъютант Сахаров, генерал-адъютант Дубасов [2]).

Государь император открыл заседание и сообщил членам совещания, что им сделан был запрос главнокомандующему о том, как отразилась на настроении армии потеря нашего флота и какие изменения она должна вызвать в дальнейших действиях армии. От главнокомандующего получены по сему поводу две телеграммы, которые и разосланы членам совещания накануне.

Его величество предложил на обсуждение следующие четыре вопроса:

1. Возможно ли удовлетворить, при нынешнем внутреннем положении России, тем требованиям, которые ставит главнокомандующий для успеха действий нашей армии против японцев?

2. Имеемые боевые средства дают ли возможность воспрепятствовать японцам занять в ближайшем будущем Сахалин, устье Амура и Камчатку?

3. Какой результат может дать при заключении мира успех нашей армии в северной Манчжурии, если Сахалин, устье Амура и Камчатка будут заняты японцами?

4. Следует ли немедленно сделать попытку к заключению мира?

Военный министр прочел следующий доклад о мерах, принятых военным министерством для дальнейшего усиления действующей армии:

Генерал-от-инфантерии Линевич в телеграмме от 21 сего мая на высочайшее вашего императорского величества имя ходатайствует о скорейшем отправлении на Дальний Восток молодых солдат, назначенных для укомплектования действующих армий и для развертывания стрелковых частей, об отправке затем не только 2 назначенных уже для сего корпусов (19 и 9), но и еще 2 корпусов по возможности по три дивизии в каждом, и, наконец, о высылке для образования в тылу армии резерва укомплектований, в числе 80 000 человек, которые

---

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Вел. кн. Владимир Александрович — главноком. Петерб. военного округа и войсками гвардии; вел. кн. Алексей Александрович — генерал-адмирал; Роон — член Госуд. Совета, б. ком. войсками Одесского военного округа; ген. Лобко — госуд. контролер; ген. Гриппенберг — б. командующий 2-й Манчжурской армией; ген. Гродеков — ком. войсками Приамурского военного округа; ген. Фредерикс — министр имп. двора; ген.-адъют. Алексеев — наместник на Дальнем Востоке; ген.-адъют. адмирал Авелан — упр. морским министерством; ген. Сахаров — военный министр; ген.-адъют. адмирал Дубасов — член Госуд. Совета.

должны состоять из молодых солдат или на половину из молодых солдат и из запасных, последних из младших сроков службы.

По поводу изложенного ходатайства имею счастье доложить вашему императорскому величеству нижеследующее:

Всего назначено для отправления на Дальний Восток для вышеозначенных целей молодых солдат пехоты 135 000 человек (кроме того 15 000 артиллеристов, 1 100 кавалеристов и 3 200 сапер), из коих 80 000 для пополнения убыли в действующих армиях и 55 000 для развертывания стрелковых частей. Отправка их из Европейской России начата 16 мая и оканчивается 11 июня, а прибывают они в Харбин с 18 июня и по 14 июля. Таким образом ежедневно прибывает, в среднем, по 5 000 человек.

В настоящее время приводится на военное положение предназначенный для отправления на Дальний Восток в первую очередь 19 армейский корпус. Для укомплектования его назначены в войсках Варшавского военного округа люди срока службы 1901 года; главным же образом призванные из запаса нижние чины младших сроков службы из запасных частей. Конечным сроком прибытия этих укомплектований, по планам перевозки, назначено 20 мая; поставка лошадей для частей этого корпуса началась от населения также 20 мая. Таким образом приведение его в военный состав можно считать в настоящее время законченным. Снабжение же корпуса всею материальною частью еще не закончилось.

Отправку 19 корпуса на Дальний Восток предположено начать с половины июня.

Приведение в военный состав следующего по очереди отправления на Дальний Восток 9 армейского корпуса предположено начать в середине июня, когда для этой цели придется объявить 8-ю частную мобилизацию, так как, за истощением запасных частей, этот корпус необходимо укомплектовать призывом нижних чинов запаса.

Отправка 9 корпуса на Дальний Восток может начаться примерно 10 июля.

При 8-й частной мобилизации будут призваны из запаса и люди для укомплектования 13 и 21 корпусов. По составленным уже и вводимым ныне в действие мобилизационным расписаниям и маршрутам укомплектования они поступают пока в запасные части. Если же последует ныне окончательное указание о назначении поименованных корпусов на Дальний Восток, то главным штабом будут даны военным округам все необходимые указания о присоединении сих корпусов к частям, приводимым на военное положение путем передачи в них означенных укомплектований.

К отправке последних двух корпусов можно приступить в начале августа.

Одновременно с мобилизацией 13 и 21 корпусов необходимо будет приступить к развертыванию двух бригад Казанского военного округа, 58-й и 59-й, для замены выбывших частей.

Так как 13 и 21 корпуса состоят из 2 дивизий каждый, то с отправкой их, для удовлетворения ходатайства генерала Линевича в полной мере, будет еще недоставать 2 дивизий. Назначить для сего еще один армейский корпус нормального состава не представляется возможным, так как все остающиеся в Европейской России корпуса предназначены по планам сосредоточения на западной границе в первую линию. Из резервных частей останутся в Европейской России только 50-я бригада Петербургского округа и 57-я Казанского округа. Первая из них имеет только три полка и назначена в число войск, обороняющих Балтийское побережье, а последняя предназначена для усиления войск Туркестанского округа, которым нельзя уже будет придать полевых войск из Европейской России за назначением последних двух корпусов на Дальний Восток. К тому же посылка войск, развернутых из слабых по кадровому составу резервных частей, очевидно, не удовлетворит запросу главнокомандующего.

Дабы хотя отчасти пополнить последний пробел, можно было бы развернуть л.-гв. Стрелковый полк, согласно действующему мобилизационному расписанию, в 8-батальонную бригаду. Хотя и при этом два батальона мирного состава были бы развернуты в 8 батальонов военного состава, но зато в данном случае представилось бы возможным укомплектовать эту бригаду людьми гвардейских частей, подлежащими очередному увольнению в запас осенью сего года. Таких людей имеется до $6^1/_2$ тысяч, и к ним пришлось бы добавить всего $1^1/_2$ тысячи человек, призванных из запаса гвардейской пехоты. К этой бригаде мог бы быть придан гвардейский стрелковый артиллерийский дивизион с добавлением к нему 3-й батареи к имеющимся двум.

Приведенные выше мероприятия по мобилизации 9, 13 и 21 корпусов и по развертыванию двух резервных бригад в четыре пехотные дивизии исчерпывают весь запас людей, которые будут призваны по 8-й частной мобилизации, и, таким образом, не разрешен будет вопрос об отправке на Дальний Восток 40 000 нижних чинов запаса, т.-е. половины требуемых главнокомандующим 80 000 человек для укомплектования армий. Что же касается другой половины, т.-е. 40 000 молодых солдат, то выделение их встречает крайние затруднения ввиду ограниченности в войсках остающегося числа этих людей. В настоящее время, за исключением показанных выше 135 000 молодых солдат, уже назначенных для отправки на Дальний Восток, остается в пехотных частях:

а) в Европейской России:			
в полевых войсках (без 9, 19, 13 и 21 корпусов)	27 000	молодых	солдат.
в резервных частях, развернутых и не развернутых	16 000	»	»
в крепостных войсках	10 400	»	»
Итого	53 400	молодых	солдат.
б) во всех пехотных войсках Кавказа	16 600	молодых	солдат.
в) » » » » Туркестана . . .	8 400	»	»
Итого всего	78 400	молодых	солдат.

Из полевых войск Европейской России уже выделены наиболее способные к походу люди, а остающиеся принадлежат к наиболее слабым; части, развернутые из резервов, имеют весьма слабые кадры, и выделение из них молодых солдат еще более ослабит их; задача крепостных войск, с уменьшением числа наших армейских корпусов в Европейской России, становится особо важною, а потому ослаблять состав крепостных войск крайне нежелательно; наконец, нежелательно трогать и войска Кавказа и Туркестана ввиду невыясненности политического положения.

Ввиду только что изложенного образование резерва укомплектований в тылу действующих армий могло бы быть исполнено только посредством нового призыва людей из запаса, т.-е. объявлением 9-й частной мобилизации. При этом взамен недостающего числа дивизий, которое генерал Линевич просит выслать лишь если возможно, можно было бы увеличить размер собственно укомплектований, доводя его, вместо 80 000 человек, до 100 000 или 120 000 человек.

Значение последней меры усматривается из того, что японцы, имея, в общем, на театре войны меньшее, чем у нас, число батальонов, имеют больше штыков. Так, по сведениям к 20 мая, в наших 3 манчжурских армиях состояло 433 батальона с 320 000 штыков; у японцев же, по имеющимся сведениям, насчитывается 296 батальонов с 333 000 штыков; давая нашим армиям возможность иметь постоянно налицо штатное число людей, а, может быть, и несколько более того, мы скорее достигнем перевеса в силах, чем посылая новые части со всеми их обозами и учреждениями.

Дабы при 9-й частной мобилизации получить преимущественно людей младших сроков службы, необходимо будет поднять, главным образом, уезды, в которых мобилизации еще не было. Эти уезды имеются только в следующих трех районах: а) на северо-востоке Казанского округа, б) на Кавказе с областью войска Донского и в) на западе Европейской России, в Варшавском и отчасти в Виленском округах. Первый из этих районов предназначен для укомплектования войск Туркестана, а второй для войск Кавказа, почему эти районы крайне нежелательно трогать. Что же касается западного района, то призыв запасных в нем признается министерством внутренних дел невозможным при современном внутреннем положении дел в губерниях этого района. Между тем призыв именно в западном районе представляется необходимым, так как в прочих местностях Европейской России все уезды уже подняты, притом многие по два и даже по три раза, и в них остались преимущественно люди старших сроков службы, а также многосемейные, освобожденные от назначения в войска при бывших частных мобилизациях.

Затем, однако, и призыв запаса при 9-й мобилизации не решает окончательно вопроса об укомплектовании армий в предвидении энергичного продолжения войны. Дабы обеспечить действующим армиям достаточно многочисленный контингент молодых и сильных

людей, военное министерство возбудило вопрос о возможно раннем призыве новобранцев срока сего года. Если бы этот призыв удалось пополнить в начале лета, то в октябре месяце, когда по установленному порядку призыв только начинается, мы имели бы уже около полумиллиона вполне обученных молодых людей, а кроме того можно было бы и до осени выделить вновь некоторое число нижних чинов из войск без опасения крайнего расстройства последних. Однако изложенное предложение встретило также самое категорическое возражение министра внутренних дел, который не признал возможным произвести призыв даже в конце лета, т.-е. в августе месяце, ввиду производимых населением в это время полевых работ. А между тем призыв новобранцев хотя бы на один или два месяца ранее срока имел бы очень большое значение для разрешения крайне серьезного вопроса об укомплектовании действующих армий.

Этими мерами, по мнению военного министра, исчерпывается источник дальнейшего усиления армии, если признается невозможным более ранний призыв новобранцев и призыв запасных из западного района. При этом военный министр указал на возможность для охранения государства от внутренних беспорядков мобилизовать остальную половину второочередных казачьих полков, еще не призванных на службу.

В общем, при сравнении наших сил с японскими, можно сказать, что пехоты у нас в трех манчжурских армиях около 320 000 в 433 батальонах. Через неделю начнет прибывать 53-я пехотная дивизия, что даст еще около 14 тысяч. В июле у нас может быть сосредоточено до 500 000 штыков; у японцев теперь, по доставленным сведениям штабом главнокомандующего, против наших армий сосредоточено 288 батальонов. Численность батальонов больше наших, почему можно считать, что у них — около 300 000 штыков. В кавалерии мы в три раза сильнее японцев. В артиллерии мы им уступаем теперь лишь в количестве пулеметов, которые посылаются по мере изготовления, равно как и артиллерийские запасы.

Что касается Владивостока и Приморской области, то главнокомандующий усилил там войска до 60 батальонов, из которых 40 составляют гарнизон Владивостока. Мелкие части он не принимает в расчет в своих соображениях. Из общего числа 385 000 японцев, о которых говорит главнокомандующий, надо считать, что около 300 000 расположены против трех манчжурских армий, а, следовательно, против Владивостока они могут отрядить корейскую армию в составе около 80 тысяч. Таким образом, по мнению военного министра, нельзя признать, чтобы мы были слабее японцев, а вернее, что в общей численности мы в настоящее время почти сравнялись с ними по силам.

Великий князь Владимир Александрович высказал, что он убежден, что главнокомандующий генерал Линевич доложил его величеству свое мнение с полною откровенностью и с зна-

нием дела. Но, несмотря на это, нельзя быть уверенным в безусловном успехе с нашей стороны. Если же нам суждено вынести еще удар, то условия мира могут тогда оказаться настолько тяжелыми, что ни один русский не захочет их принять. Переговоры о мире могут — и даже, вероятно, должны будут — затянуться, поэтому в это время необходимо, если и нельзя удовлетворить желаний генерала Линевича полностью, отправить ему скорее еще два просимых им лишних корпуса. На Сыпингайской позиции, он говорит, что может удержаться; по его словам, Владивосток обеспечен продовольствием на 15 месяцев; по всей вероятности, он может продержаться долгое время, как наместник говорил, около 3 месяцев. Великий князь прибавил: «Если вашему величеству угодно начать переговоры о мире, то я считаю, что тем не менее все-таки надо дать главнокомандующему просимые им два корпуса и еще два корпуса добавочных, чтобы он был во всеоружии в ожидании окончательных переговоров».

Государь император подтвердил безусловную необходимость такой отправки на подмогу действующей армии.

Великий князь, продолжая, сказал: «Мы не знаем, какие условия могут быть нам поставлены для мира; может быть, самые тяжелые, на которые нельзя будет согласиться. Но Россия сгинуть не может, ее стереть с лица земли нельзя; она всегда останется незыблемою; Россия всегда будет Россией, я в это верю, глубоко верю, что она выйдет из этого тяжелого положения, в котором она находится, — может быть, с новою жертвою, но это нас пугать не должно. Россия всегда останется великой державой».

Военный министр заявил, что он получил от нашего военного агента в Лондоне письмо со сведениями, полученными им от сведущего лица в Токио, и прочел следующее извлечение:

«Лицо, сообщившее мне эти сведения, показало мне письмо от 24 марта с. г., полученное им из Токио. Привожу нижеследующие наиболее интересные справки и отрывки из этого письма: «Получить какие-либо сведения о мирных условиях, к которым стремятся японцы, очень трудно. В возможность близкого мира здесь не верят, причем утверждают, что и в Петербурге к миру совершенно не склонны. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что Япония не начнет первая говорить о мире и что она не пожелает посредничества, решив ожидать первых предложений непосредственно от России.

Не следует ли Рóссии сделать эти предложения, хотя бы только с тем, чтобы они были отвергнуты? Тогда ответственность за продолжение войны падет всецело на Японию... Вероятно, притязания Японии, само собою разумеется, очень возросли после Мукденского боя. Вот в чем, как можно думать, заключаются эти притязания:

1. Уступка Японии всей русской области на Ляодунском полуострове, причем, однако, сильно побаиваются протеста держав по этому поводу.

2. Водворение китайской администрации во всей остальной Манчжурии, открываемой для всемирной торговли при условии: а) оставления в некоторых пунктах японского гарнизона, содержимого за счет Китая, б) отдачи в пользование Японии всех минеральных богатств края и в) предоставления Японии права продолжить в Манчжурии железную дорогу из Кореи.

3. Уплата денежной контрибуции, равной сумме всех внешних и внутренних займов, заключенных за время войны, что составит к маю сего года около 600 —700 миллионов иен. В Японии очень распространено, однако, мнение, что Россия ни в каком случае не согласится на уплату контрибуции, а потому весьма многие рекомендуют правительству быть очень сдержанными в этом смысле и постараться найти нужные выгоды в новом торговом договоре. Мелькнула также мысль о том, что Россия может уступить Японии свои права на получение уплаты по китайскому займу, заключенному после боксерского восстания...

Что же касается собственно Манчжурской железной дороги, то японцы считают ее безусловно собственностью российского правительства и потому полагают себя вправе распорядиться ею по своему усмотрению. Некоторые требуют отобрания от России всей Манчжурской дороги, другие же считают возможным ограничиться одною южной веткою от Харбина. Вероятнее всего, что решение этого вопроса будет зависеть, главным образом, от того, какая часть линии окажется во власти маршала Оямы. Вероятно также и то, что японцы, установив на занятой дороге свое управление, постараются вернуть ее Китаю за приличное вознаграждение.

Слух о том, что Манчжурскую железную дорогу предполагают нейтрализовать, отдав ее в международное управление, представляется совершенно невероятным: дорога эта потребует еще больших расходов на постройку и на эксплоатацию; кто же даст эти деньги?.. Весною японцы предпримут, вероятно, экспедицию против Сахалина, так как общественное мнение и депутаты требуют возвращения этого острова Японии. Непривычные и несклонные к колонизации в холодном климате японцы, можно думать, ограничатся захватом там только необходимых им рыбных промыслов... В отношении Владивостока японцы, вероятно, потребуют обращения его в коммерческий порт, со срытием укреплений, с закрытием военного адмиралтейства и с передачею всех военных судов Японии. Надо, однако, полагать, что это требование вряд ли будет предъявлено Японией, если мирные переговоры будут начаты ранее, чем действия против Владивостока дадут какие-либо осязательные результаты.

Наконец, Япония может согласиться на перемирие, но, вероятно, потребует для этого возвращения в Европу 2-й эскадры и отхода сухопутной армии за Харбин, быть может даже в Забайкалье...

Очень многое из изложенного в этом письме из Токио теперь уже потеряло свое значение; тем не менее некоторые соображения, мне

кажется, не лишены интереса, так как исходят от лица, стоявшего очень близко к японцам и до известной степени пользовавшегося их доверием».

Генерал Роop, признавая требования главнокомандующего относительно усиления армий правильными, но трудно исполнимыми, заметил, что утешительно все-таки, что генерал Линевич настаивает на необходимости, предварительно посылки новых войсковых частей, сплотить их подготовительными упражнениями и обучением, так как это показывает, что есть время выждать эти подкрепления. В общем уже отправлено на Дальний Восток 13 корпусов, и требуется еще 5, так что всего останется для охраны государства 6 корпусов, но если надо воевать, то следует удовлетворить требования Линевича. Он просит молодых солдат, а не стариков. Военный министр сказал, что для 2 корпусов потребуется 8-я частная мобилизация, а еще для 2 корпусов — 9-я частная мобилизация. Не лучше ли перейти прямо на общую мобилизацию, вместо частных, которые в глазах населения являются несправедливыми?

Генерал Роop добавил: «Думаю, что общая мобилизация даст понять Японии, что Россия ставит вопрос о войне ребром и не пойдет на уступки, несогласные с достоинством России. Но может ли внутреннее положение России позволить это? Военный министр указал на опасения министра внутренних дел в случае мобилизации в западных губерниях, но он же указал на прекрасную меру — призыв, для сохранения внутреннего порядка, второочередных казачьих полков. Главный вопрос — в своевременном доставлении войск по железным дорогам. Военный министр доложил вашему величеству, что в настоящее время имеется возможность отправлять ежедневно 10 поездов, но из них могут быть отданы под войска только 6 сквозных; следует подробно выяснить этот вопрос».

Военный министр доложил, что сейчас, действительно, имеется в распоряжении военного ведомства 10 поездов ежедневно, и притом сквозных; но что из них выделить 8 под войска нельзя, а лишь при крайнем напряжении можно для этой исключительной цели дать по 6 поездов в сутки.

Генерал Роop сказал, что если Сыпингайские позиции могут быть удержаны, то они могут быть тем не менее обойдены движением неприятеля на Цицикар или Нингуту. Чем сильнее позиция, тем упорнее желание врага ее обойти. Ляоян и Мукден доказали, как неосторожно весь успех основывать на силе позиции. В заключение генерал Роop признал почти все требования генерала-от-инфантерии Линевича удовлетворимыми, но при крайнем напряжении.

Генерал-адъютант Алексеев сказал: «Не может быть сомнения в том, что увеличение действующей армии возможно; весь вопрос в сроке доставки войск. Главнокомандующий находит необходимым иметь 550 000 человек и второй железнодорожный путь. У нас теперь существуют недочеты в провозоспособности Забайкаль-

ской ж. д., на которой легко может образоваться пробка. Нельзя забывать, что наша база на расстоянии 10 000 верст, а у японцев — 48 часов. Посему мы не можем соперничать с ними ни в сроке сосредоточения войск, ни в присылке пополнений. Генерал Линевич требует четыре корпуса по 3 дивизии каждый, т.-е. 12 дивизий. Такое количество Забайкальская дорога не может перевезти своевременно; после 16 месяцев весьма напряженной работы масса паровозов может сдать сразу, и мы окажемся в трудном положении. Россия может выставить и два миллиона войск, никто этого не оспаривает, но, самое важное, срочность — не обеспечена. Отстоять позиции мы можем, но перейти в наступление будем не в силах. Сыпингайским позициям придается слишком большое значение, но одним удержанием их не исчерпывается нужный для нас успех. Не следует забывать о Владивостоке, о значении коего для общего хода кампании ничего не упоминается в телеграмме главнокомандующего. В августе я докладывал о неготовности его к обороне. От овладения с моря Русским островом, при отсутствии флота, этим ключом Владивостока, он не обеспечен; положение его в смысле обороны будет очень тяжелое. Сахалина удержать мы никоим образом не можем, а также устью Амура угрожает опасность. Лучше готовиться к продолжению войны до последнего напряжения, но все же необходимо предвидеть, что предстоит нам в случае новых неудач, и узнать, на какие условия мира мы можем теперь рассчитывать. Я был свидетелем наших неудач при Ляояне и Шахе и должен высказать с полною откровенностью вашему величеству свое мнение, что дух войск, под влиянием постоянных отступлений и тяжелых потерь, нравственно подорван, и едва ли удержимся мы на Сыпингайской позиции».

Генерал Гродеков сказал: «Доставить четыре корпуса мы могли бы к 1 октября, но японцы не будут этого ожидать. Имея теперь большую армию в порядке, мы имеем большой козырь в наших руках при решении вопроса о мире. Генерал Линевич и армия, как явствует из телеграммы главнокомандующего, в подавленном настроении; после потери флота положение для них тяжелое. Я согласен с мнением великого князя Владимира Александровича, что пока армия цела, надо торопиться выяснить условия мира. Не надо забывать, что на Сахалине и в Николаевске продовольствия очень мало, а при предполагаемом усилении местных частей (Сахалина на 6 000 и Николаевска на 5 000) продовольственный вопрос станет еще тяжелее; Сахалин находится в критическом положении, море во власти Японии. В китайских портах были заготовлены запасы муки для Сахалина, которые должны были быть доставлены по приходе эскадры адмирала Рожественского, но теперь на них рассчитывать нельзя. Гражданское население Владивостока, числом до 15 000, обеспечено хлебом лишь до июня. Хотя военное ведомство ассигновало огромную сумму на заготовку довольствия для владивостокского гражданского населения, но это довольствие придется доставлять из Европейской России и

из Сибири, так как в Приамурском крае лишнего хлеба нет, а вывоз продовольствия из пределов Манчжурии воспрещен. С большею вероятностью можно сказать, что довольствие во Владивосток своевременно не дойдет. Теперь, пока у нас в кулаке есть сила, следует этим воспользоваться и приступить к зондированию мирных условий».

Великий князь Алексей Александрович сказал: «Я не позволю себе входить в соображения касательно сухопутных войск, но должен сказать, что в случае продолжения войны положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное; нет сомнения, что японцы обратят туда все свое внимание, и положение армии будет тяжелое, так как она не в состоянии будет помочь. Миноноски нельзя принимать в соображение. Пока нам не нанесен решительный удар, надо зондировать почву относительно условий мира. Южная часть Сахалина с рыбными промыслами могла бы быть уступлена в случае необходимости».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Конечно, условия мира могут быть и слишком тяжелы, неприемлемы; поэтому, не теряя времени, надо сейчас начать прощупывать почву для переговоров и тем временем непременно продолжать усиливать армию. Это — следует, ибо армия будет нам сильной опорной точкой в вопросе мира и для внутреннего успокоения государства».

Генерал-адъютант барон Фредерикс сказал: «По моему глубокому убеждению, переговоры надо вести открыто, так как если условия мира нельзя будет нам принять и они всем будут известны, то последует реакция, война станет национальная. Немедленное начатие переговоров о мире должно благоприятно отозваться на внутреннем положении страны и безусловно облегчит мобилизацию».

Генерал Роop заявил, что по второму предложенному совещанию вопросу следует иметь в виду, что Владивосток не может удерживаться долго вследствие недостатка также и запаса снарядов.

Генерал-адъютант Алексеев возразил, что расход снарядов в эту войну превзошел всякие расчеты. Что же касается отправки войск на Сахалин, то это окажется невозможным, так как устье Амура, вероятно, будет блокировано японским флотом.

Генерал Гродеков сказал: «В прошлом году, по моим сведениям, в Охотск, в Камчатку и для Колымского округа не было доставлено вовсе ни пороху, ни свинца, без чего невозможна добыча пушнины. В нынешнем году повторится то же. Населению этих местностей может угрожать голодная смерть».

Генерал-адъютант Дубасов сказал: «Несмотря на тяжелые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена. Мало того, Россия, продолжая борьбу, непременно должна победить своего врага. Наше движение на восток есть движение стихийное — к естественным границам; мы не можем здесь отступать, и противник наш должен быть опрокинут и отброшен. Для достижения этого надо посылать на театр действия самые лучшие войска. Что

касается Владивостока, то его нетрудно взять с моря, и он более трех месяцев, вероятно, не продержится; но, несмотря на это, войну следует продолжать, так как мы, в конце концов, можем и должны возвратить обратно все взятое противником. Финансовое положение Японии, конечно, хуже нашего: она делает последние усилия; наши же средства борьбы далеко не исчерпаны. Для обеспечения успеха нашей армии нам необходимо начать немедленно укладку второго пути и упорядочить наши водные сообщения. Я уверен, что после последних поражений условия мира, предложенные Японией, будут чрезвычайно тягостны, и потому, по моему глубокому убеждению, для того, чтобы изменить эти условия в нашу пользу, необходимо продолжать борьбу до полного поражения противника».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Всем сердцем разделяю сокровенные чувства, высказанные адмиралом Дубасовым, но я полагаю, что мы в таком положении, что мы все сбиты с толку; так продолжать жить мы не можем. Мы все будем охотно и с радостью умирать, но нужно, чтобы от этого была польза для России. Мы должны сознаться, что мы зарвались в поспешном движении к Порт-Артуру и на Квантунг; мы поторопились; не зная броду, мы сунулись в воду; мы должны остановиться; со временем мы дойдем, но теперь мы находимся в таком, если не отчаянном, то затруднительном положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победы. Необходимо немедленно сделать попытку к выяснению условий мира. С глубоким убеждением, всем сердцем преданный вашему величеству и России, я повторяю, что надо теперь же приступить к переговорам о мире, и, если условия будут неприемлемы, то мы пойдем все в ряды войск умирать за ваше величество и за Россию. Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России».

Государь император выразил свое полное согласие с высказанным великим князем мнением.

Генерал Роон сказал: «Я не могу согласиться с тем, чтобы немедленно просить мира. Попытка предложить мирные условия есть уже сознание бессилия. Ответ будет слишком тягостный. Заключение мира было бы великим счастьем для России, он необходим, но нельзя его просить. Надо показать врагам нашу готовность продолжать войну, и когда японцы увидят это, условия мира будут легче».

Государь император изволил сказать: «До сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал еще на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как, при отсутствии флота, Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты, и тогда приступить к переговорам о мире будет еще гораздо труднее и тяжелее».

Генерал-адъютант Алексеев заметил на возражение генерала Роопа, что осведомиться о почве для переговоров

о мире и узнать возможные условия — не значит просить мира. Япония понимает, что с Россией надо ей считаться и в будущем, и она сама пойдет навстречу; Сыпингайские же позиции не обеспечивают нас, а если суждено еще испытание, если мы их не удержим, — тогда что будет?

Великий князь Владимир Александрович добавил: «Не на посрамление, не на обиду или унижение могу я предлагать итти, а на попытку узнать, на каких условиях мы могли бы говорить о прекращении кровопролитной войны. Если они окажутся неприемлемыми, мы будем продолжать драться, а не продолжать начатую попытку».

Генерал Роop возразил: «В вопросе о мире и войне необходимо считаться с мнением народа. Кроме того, по статье 6-й положения о Государственном Совете, он может привлекаться к суждению о мире и войне. Война может быть только тогда успешна, когда существует единодушие национальное, как в данном случае теперь у японцев. С другой стороны, если 135 миллионов будут противиться желанию мира, то положение будет хуже еще, чем оно есть. В этих вопросах надо считаться с общественным мнением. Переговоры о мире, если их начать сейчас, не улучшат внутреннего положения. Недовольство возрастет. Начать переговоры без уяснения, готов ли народ на все жертвы для продолжения войны или жаждет мира, — весьма рискованно. Если Япония будет знать, что Россия ищет мира, то, конечно, условия ее будут для России настолько тягостными, что они окажутся неприемлемыми, и мы потерпим лишь унижение».

Военный министр сказал: «При нынешних условиях кончать войну — невозможно. При полном нашем поражении, не имея ни одной победы или даже удачного дела, это — позор. Это уронит престиж России и выведет ее из состава великих держав надолго. Надо продолжать войну не из-за материальных выгод, а чтобы смыть это пятно, которое останется, если мы не будем иметь ни малейшего успеха, как это было до сего времени. Внутренний разлад не уляжется, он не может улечься, если кончить войну без победы. Не знаю настроения народа, не знаю, как он отнесется к этому вопросу, но получаемые мною письма и запросы отовсюду говорят о продолжении борьбы для сохранения достоинства и военной чести России».

Генерал-адъютант барон Фредерикс сказал: «Я всею душою разделяю мнение военного министра, что мира теперь заключать нельзя, но узнать, на каких условиях японцы готовы бы теперь прекратить войну, по моему глубокому убеждению, — следует».

Великий князь Владимир Александрович прибавил: «Я вполне, — как и всякий военный, я в этом уверен, — понимаю военного министра. Нам нужен успех. Но до сих пор мы все время ошибались в наших расчетах и надеждах, и в самые критические моменты эти надежды рвались, и мы не имели ни одного успеха».

Генерал-адъютант Гриппенберг возразил: «Ваше императорское величество, под Сандепу успех был, но нам приказали отступить, а японцы были в критическом положении: они считали сражение проигранным и были крайне удивлены, что мы отступили».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Мы еще не отдали врагу ни одной пяди русской земли. Мы должны продолжать посылать войска. Переговоры о мире ни к чему нас не обязывают, а для войны оборонительной у нас вполне достаточно сил».

Великий князь Алексей Александрович заметил, что переговоры о возможности мира должны вестись в тайне.

Генерал-адъютант Дубасов сказал: «Каковы бы ни были условия мира, они все-таки будут слишком тяжелы для престижа России. Это будет поражение, которое отзовется на будущем России, как тяжелая болезнь».

Генерал Лобко сказал: «Я далек от полного знакомства с военным положением и с нашими шансами на успех, но все-таки я должен сказать, что, по-моему, удовлетворить требованиям главнокомандующего, несмотря на внутреннее положение страны, безусловно следует. Что же касается до заключения мира, то возвращение в Россию армии, угнетенной и не одержавшей ни одной победы, ухудшит, а не улучшит внутреннее положение страны. Это положение может стать настолько серьезным и тревожным, что с ним нельзя будет совладать. Население, в состав которого вольются чины этой армии, неудовлетворенной, без славы и без почета, нельзя будет удержать от мысли, что государственный режим недостаточно тверд. Я думаю, что успех войны возможен только, когда есть полное народное воодушевление, когда силы и мысли всего народа сосредоточены на одном предмете и организованы вокруг одной воли, как мы видим это теперь в Японии. Есть ли в настоящий момент это воодушевление в России, мы не знаем, и пока мы не получим убеждения, что Россия готова вести войну со всякими жертвами, что она этого действительно желает, до тех пор мы не можем решить, должны ли мы продолжать войну. Главное в том, чтобы поддержать бодрость духа в народе. Правительство сейчас через свои органы и сотрудников не имеет для сего средств. Если народ чувствует упадок духа и тяготится продолжением войны, если дух армии потрясен, то нужен мир, но мир этот, повторяю, ухудшит внутреннее положение страны».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Легко сказать: узнать мнение России, ее населения, но как это сделать? Земским Собором, который будет состоять в большинстве из болтунов?»

Генерал Рооп заметил: «Если Земский Собор будет состоять из болтунов, то толку из него, конечно не будет. Но семилетнее управление краем с 10-миллионным населением дало мне уверенность, что в среде его имеются люди, высоко понимающие интересы государства

и истинно преданные России. Именно, через таких людей узнать можно нужна ли война или мир. Такое единодушие, как у японцев, нужно и нам для примирения, а теперь у нас этого-то и нет».

Генерал Лобко сказал: «Мнение великого князя Владимира Александровича, сколько я понимаю, сводится не к тому, чтобы, прекратить войну теперь же, а чтобы не вести ее с завязанными глазами, не пытаясь узнать об условиях заключения мира; и против этого мнения я ничего не имею возразить. Добавлю только, что в истории России уже бывали примеры, когда вопросы войны и мира решались мнением народа».

Великий князь Владимир Александрович в заключение сказал: «Возвращаюсь еще раз к тому же вопросу — если условия мира будут неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, придется продолжать войну».

Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г.

Продолжение [1]).

Главный интерес населения, как и прежде, сосредоточивался на работах представительного собрания. Как работоспособность членов III Госуд. Думы, так и выступления министров и намечаемые реформы подвергались оценке в письмах, но нельзя замолчать, что члены III Госуд. Думы значительно менее предшественников делились впечатлениями в своей переписке, и это понизило количество материала.

Безрезультатность деятельности Госуд. Думы с первых же дней заставляла многих высказывать неудовлетворительные отзывы о составе Думы, и бывший лидер кадетов П. Кутлер писал об этом А. Д. Головину: «Третья Госуд. Дума меня не удовлетворяет, но так как лучшего состава в России не найдешь, то приходится разочароваться и в самом русском представительстве. Больше всего чувствуется в деятельности гг. думцев легкомысленное «интеллигентное» верхоглядство».

Публицист Деменс из Петербурга передавал жене в Америку: «В Госуд. Думе — это такой сброд бездарностей, что другого подобрать, я думаю, невозможно. Особенно щеголяют Тверская и Новгородская губернии, такая коллекция мастодонтов, что диву даешься. Ермолов потерял всякую веру в III Госуд. Думу и осуждает Столыпина, но говорит, что Столыпин непрочен и может быть каждый день сменен на более правого. Вешают на Руси с каждым днем все больше и больше. Я пришел к тому заключению, что на дряблую, скверную интеллигенцию рассчитывать нечего и придется ждать мужика. И 17 Октября принесено не интеллигенцией, а стачкой и подъемом духа низших классов».

Сенатор Н. Хвостов в письме к А. Ф. Морокину на ст. Новая Вичуга высказывал опасения за результаты работ настоящей Думы и, сравнивая ее с двумя первыми, говорил: «Третьей Госуд. Думы я боюсь более, чем первых двух. На вторую я смотрел весело. Ясно было, что Церетели и Алексинский выругают нас, но не допустят до

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXVII, стр. 139—159.

чего-нибудь, кроме словесного извержения. III Дума опаснее. Можно получить и мелкую земскую единицу, и выборных мировых судей, без имущественного ценза, и новый избирательный закон для земства, по которому ни вам, ни мне в собрании уже места не будет, и засядут там те, кто зажигает наши дома и гумна, и жестоко обложат поместья. Да мало ли еще найдется прелести в портфелях кадетствующих чиновников! Весь этот сумбур был внесен во II Думу, и я глубоко благодарен Алексинскому и К°, что они помешали всему этому воплотиться в закон. Не правительство у нас было плохо, а уж очень силен был напор революции, которая готовилась чуть ли не полстолетия. И приемы ее не были западно-европейскими, а подлыми. Никакая страна не напасется способных людей, если их будут убивать. Убиты Сипягин, Бобриков, Плеве, а ведь это крупные фигуры, не пешки. А сколько убито губернаторов, — и, конечно, не плохих! А потом жалуются на безлюдье! Один Плеве чего стоит! Его смерть хуже Цусимы, при нем и Цусимы не было бы. Он бы плохого флота не послал. И в стране было бы тихо, и войну выиграли бы. Дело не в вырождении России, а устоит ли она под ударами революции. Одной надеждой и живешь, раз Россия 4 года выстояла, значит и дольше выстоит. Витте — большой негодяй, в его действиях было предательство. Не верю я, что он и другие министры так растерялись, что у них опустились руки».

Сам председатель Госуд. Думы Н. Хомяков, признавая отсутствие талантов среди депутатов, утешался лишь тем, что у последних хоть есть желание работать. Трудность своего положения он так определял в письме к княгине Четвертинской в Париж: «На мою долю, — говорил он, — выпала очень трудная задача. Дума без выдающихся сил, неопытная и разрозненная партиями, должна тем не менее завоевывать долженствующее ей место в обществе и в самом правительстве. В народе всячески стараются опозорить Думу: «Дума, мол, барская, земли не дает, Дума — барская, царя не признает». На все лады идет пропаганда против Думы. Моя задача одна — все усилия употребить, чтобы осуществить на деле народное представительство. Две первые Думы увлеклись критикой и протестами и поэтому до работы не достигли. Хотелось бы, чтобы третья Дума начала законодательствовать. А это труднее, чем критиковать и протестовать. Я счастлив, что могу сказать, что в большинстве добрая воля есть. Это дает мне надежду на успех. Бедная Россия устала от смут, и все хотят умиротворения, но, к сожалению, наше правительство не умеет использовать общее настроение в свою пользу, продолжая своими беззакониями и произволом отталкивать от себя сочувствие. Но как ни тяжело, а что-то говорит, что Россия переживет тяжелое испытание, и — лучшие дни впереди. Немного еще придется биться и страдать».

Выступление в Госуд. Думе министра иностранных дел было встречено всеобщим одобрением. Н. Рафалович сообщал об этом брату в Париж: «Le discours d'Isvolsky a produit une éxellènte impression sur la Douma. Ce premier débat sur la politique étrangére, a enfin placé

la Douma au rang des parlements europeens. Isvolsky pourra s'appuyer sur elle pour faire aboutir les réformes, dont il apris l'initiative au ministère des affaires étrangères et qui a trouvé des grandes difficultés au ministere même» [1]).

Подобный же отзыв давал член Госуд. Думы М. Челноков в письме к жене в Москву. Он говорил: «Извольский произвел прекрасное впечатление человека честного, умного, сдержанного и конституционного. Заседание произвело большое впечатление одинаковости отношения всех партий к вопросу об авантюрах и реваншах. В зале стало совсем тихо, когда Извольский заявил, что в войне на Дальнем Востоке виновата не дипломатия, которая сделала все, чтобы предупредить войну, а иные силы — вне обычной ответственности. Это было смело для такого осторожного человека, как Извольский. В общем, это заседание улучшило отношения партий и дало Госуд. Думе как будто бы более прочное положение».

Лишь бывший председатель Госуд. Думы Ф. Головин скептически относился к успеху министра и писал в Москву к А. В. Скуридиной: «Газеты на все лады толкуют о выступлении Извольского в Госуд. Думе. Подумаешь, нивесть какая важность случилась: «Историческое событие!» Извольский сказал, что мир на Дальнем Востоке покоится на совокупности дипломатических трактатов и что Россия не думает о реванше. Но в то же время он заявил, что в войне с Японией дипломатия не виновата. Вот вам и прочность покоя мира на основах дипломатии, — есть от чего ликовать! Радуются еще тому, что министр удостоил Думу посвящением в дипломатические дела. Но кто же мог сомневаться в праве Думы требовать осведомленности в дипломатических сношениях, поскольку они не являются государственной тайной? Разве не в интересах того же правительства сообщение, подобное сделанному Извольским? Холопья Дума обрадована милостью своего господина. В речи Милюкова мне не понравилось, что он чересчур распинался в любезностях по адресу Извольского».

При обсуждении в Госуд. Думе — вопроса о постройке Амурской дороги мнения совершенно разделились. Одни видели от постройки кроме громадных затрат и много осложнений, включительно до захвата ее японцами, другие же горячо отстаивали постройку, доказывая необходимость таковой в политическом отношении и в смысле заселения края.

В письме из Москвы, к члену Госуд. Думы графу Бобринскому, сообщали: «Японцы только и ждали постройки железной дороги на Востоке и всячески старались в Петербурге об ее постройке, а теперь

---

[1]) «Выступление Извольского произвело превосходное впечатление на Думу. Эти первые дебаты по внешней политике поставили, наконец, Думу в ранг европейских парламентов. Извольский сможет опираться на нее, чтобы довести до конца реформы, инициативу которых взяло на себя министерство иностранных дел и которые встретили большие препятствия в самом министерстве».

ее взяли. Теперь мы построим ветвь Амурскую и, конечно, для них. Посудите сами: с Востока у них будут два пути, а от нас один. В случае войны, за отсутствием флота, японцам ничего не будет стоить взять Владивосток и новую ветвь. Благодаря двум путям они быстро доставят войска в двойном против нас количестве. При настоящих же условиях наши шансы равны. Если бы мы захотели строить Амурскую ветвь, то было бы лучше отдать постройку иностранцам, например — англичанам, пусть построят и эксплоатируют в продолжении некоторых лет. Раз они будут заинтересованы, то они не допустят войны. Хорошо было бы предложить американцам, пожалуй, даже лучше. Ведь строят же немцы железные дороги в Турции. А деньги лучше употребить на улучшение армии, все-таки у нас будет сила на Востоке. Затратим мы миллионы, и, вдруг, ее возьмут китайцы или японцы, недаром они хотели отнять Сибирь до Байкала. А если мы свяжем себя с англичанами или американцами, то это будет хороший оплот против панмонголизма. Англичане и американцы, имея огромный флот, везде сумеют защитить свои интересы против Японии и Китая, а мы такого флота никогда иметь не будем, да тогда его и не нужно строить. Попробуйте сделать что-нибудь с Турцией. Немцы никогда не дадут — у них там свои интересы».

Приверженцы проекта постройки, признавая необходимость ее, не соглашались лишь с намечаемым направлением. Так, например, профессор И. Янжул говорил об этом члену Госуд. Думы М. М. Ковалевскому: «Относительно Амурской дороги я всегда говорил и теперь говорю, что это такой вопрос, о котором надо подумать и подумать. С одной стороны, американцы у себя и англичане в Канаде прокладывали рельсовые пути через пустыни к Тихому океану, предваряя канализацию, и были правы, но, с другой стороны, страна севернее реки Амура слишком сурова и неприветлива, мало исследована, вероятно, даже мало пригодна для земледелия, притом, главное, американцы богаты, а мы бедны. Военное значение Амурской дороги, как пути подвоза, — несомненно, но в стратегическом отношении направление дороги параллельно границе (р. Амуру) крайне невыгодно и даже опасно, особенно при фактическом утверждении Японии в Южной Манчжурии. Проектированный рельсовый путь, хотя и прикрыт рекою Амуром, тем не менее будет подвержен опасности захвата (перерыва со всеми неблагоприятными для обороны тихоокеанского побережья последствиями); т.-е. может отказаться служить тогда, когда служба его нужнее всего. Чем севернее будет проложен путь, тем положение его будет безопаснее, зато уменьшится колонизационное его значение при крайней суровости страны. При настоящих наших условиях я считаю более предпочтительным временно ограничиться проложением рельсов до Покровской (слияние Шилки с Амуром) с тем, чтобы оборона Восточной Сибири главным образом основывалась на обороне Забайкальской области (для чего область эта должна быть подготовлена в военном отношении), судоходство по Амуру должно быть всеми

мерами усилено, устья Амура и Владивосток основательно укреплены, а главное дипломатией должна быть найдена такая комбинация, которая обезопасила бы нас от Японии на 50 лет, пока мы заселим Амурский и Приморский районы, поднимем их в культурном отношении и пр. и пр.».

«Вместе с представителями от Амурской и Приморской областей и нашим первым министром считаю, что Амурская железная дорога безусловно необходима как в политическом, так и в экономическом отношениях, — писал из Владивостока военный судья генерал-майор Латернер генералу Д. Ф. Каморскому в Петербург: «Я не согласен только с направлением. По-моему, дорога не должна выходить дважды к Амуру и кончаться в Хабаровске, а должна, начиная от пересечения ею реки Зеи, итти по верховьям Буреи и Ашгуни и кончаться у Аяна, Удского острога или Николаевска и иметь ветку к Хабаровску. Два громадных недостатка теперешнего проекта следующие: 1) легкая уязвимость в местах выхода к Амуру в случае напора неприятеля из Манчжурии, 2) значительная отдаленность (900 верст), при полном осеннем и весеннем бездорожьи, теперешнего крайнего пункта (Хабаровска) от морской границы. При натиске неприятеля с моря, что будет, конечно, весной, северный Сахалин, окрестности Николаевска, некоторые пункты Охотского побережья и Камчатка будут заняты без выстрела, в течение лета неприятель укрепится на главных береговых хребтах, а мы не ранее осени в состоянии будем начать его оттуда выбивать, и то только около Николаевска, а в остальные мы не попадем никогда, и они останутся в руках неприятеля до окончания войны. С проведением дороги на Николаевск или к пункту Охотского моря с веткой на Хабаровск устраняются сами собой все эти недостатки теперешнего проекта; получится возможность более скорой и удобной доставки войск и воинских грузов в места высадки неприятеля; значительно оживит [1]) ныне совершенно заброшенную пустыню; разовьет рыболовство, горную промышленность и заводскую деятельность. В верхних течениях Буреи и Ашгуни, по условиям почвы, нельзя рассчитывать, конечно, на земледельческие колонии, но, при условии скорой доставки хлеба из Манчжурии, Амурской и южной части Приморской области, этого и не надо: названные роды промышленности и без этого привлекут к себе достаточное количество людей. Это в связи с развившейся торговлей и значительным количеством русских пришельцев на Амуре и его притоках удешевит жизнь в ныне безотрадных местах, а нахождение между переселенцами и промысловыми рабочими запасных нижних чинов и уничтожение для первых привилегий по отбыванию воинской повинности создадут на местах контингент будущей армии на тихоокеанском побережьи. Нужно прибавить, что железная дорога по моему проекту будет совершенно неуязвима со стороны Манчжурии; благодаря железной дороге разовьются в крае

[1]) Так в подлиннике.

подъездные пути, улучшится судоходство по Амуру и притокам, и установится торговое мореплавание по Охотскому морю».

В марте месяце Д. А. Хомяковым в письме из Рима выражалась радость, что в Госуд. Думу поступил от самих крестьянских депутатов проект по аграрной реформе.

«По-моему, это драгоценный проект, — писал он К. П. Степанову в Москву, — дающий чудную почву для разрешения всего вопроса, прежде всего потому, что, исходя от крестьянских депутатов, он, конечно, представляет нечто выражающее пожелания крестьян, ибо если бы он был не в духе массы, то депутаты не решились бы внести его, опасаясь потасовки. Затем он так умерен, что только в одном пункте имеется загвоздка, да и то не совсем неразрешимая. Его основное положение то самое, которое петербургские дубины не хотят понять, ни допустить в своей глупой погоне за образованием мелкой собственности, как будто таковая не желает скушать крупную собственность, les vaches maigres et les vaches grasses. Это основное положение в проекте есть — казенное наделение (то, что в народе вообще зовется даровым наделом, т.-е. не покупным). Крестьянин должен получать землю от государства, а не приобретать ее частными сделками. Это требование — очень практически осмысленное, ибо частная покупка — случайность, а наделение государством — обеспечение всего народа: если нет здесь, так в другом месте есть. Наделение делается из земельного фонда (это, конечно, подслушано в кулуарах), состоящего по проекту из государственных, удельных и дворцовых земель (как и теперь) и не обрабатываемых самими владельцами монастырских и частновладельческих. Монастыри, я думаю, не постоят за свои земли: они получат за них деньги и будут либо резать купоны, либо приобретут арендные статьи. Остается загвоздка с частновладельцами. Конечно, отчуждать их земли было бы неудобно; но ведь крестьянам нужно землепользование, а не собственность. Вспомните наше с вами предложение об урегулировании аренды, и я убежден, что крестьяне охотно пойдут на это; а помещики будут дурачьем, если не ухватятся за это обеими руками. Вы видите, как я смотрю на этот проект, а наша глупая пресса, с Глинкой во главе, почитает его субверсивным. О, дурачье! Да, надо благословлять бога за то, что крестьяне сами изложили, чего они хотят, и тем самым дали возможность свалить на них ответственность по аграрному делу. Требования их вполне приемлемые, а наша глупая консервативная печать, услыхав что-то об отчуждении помещичьих земель, тотчас же забила тревогу. Пишу вам эти строки с тем, чтобы упросить вас взять под свое покровительство этот проект и замолвить за него слово в «Вестнике кружка дворян». Я написал в том же духе Ф. Д. Самарину и Жиоржионе. Авось, и они посмотрят на это дело разумными глазами или поймут, что надо ухватиться за мужицкий почин, а не чураться его потому только, что в него попало пугающее слово».

О недостаточной подготовке министерства внутренних дел к земельной реформе писал П. Шиловский из Симбирска к издателю «Гражданина» князю В. П. Мещерскому в Петербург: «Замыслив сельскую земельную реформу величайшей важности, в принципе весьма и весьма разумную, министерство (а вернее, земский отдел, так как П. А. Столыпин поглощен всем, но не тем, что делается у него в ведомстве) поступило с преступной легкомысленностью. Гурко, перекрестившись, махнул указ 9 ноября, даже не рассчитывая на его земельное агрономическое значение (это слова Гурко мне), Лыкощин же, видевший мужицкие лапти только в опере «Жизнь за царя», всего боится, ни в чем не уверен, и вот земские начальники, съезды, землеустроители, все это живет и действует совершенно наобум в земельных делах, так как указ 9 ноября содержит десять статей, плохо редактированных, а земский отдел не способен дать официальную интерпретацию закона».

Работы Госуд. Думы, рассмотрение ею смет постепенно примиряли с нею даже противников, и в апреле месяце в переписке были уже одобрительные отзывы.

Чиновнику особых поручений при министерстве земледелия А. Ф. Елачичу в Петербург писал брат из Казани: «Как ни хаяли и ни хают кадеты III Думу, но она существует, потихоньку работает и немало дает щелчков и нравоучений властям, высказывая нередко горькие истины. Но какая разница с первыми двумя Думами! Все это делается без самомнения, без заносчивости и грубости, а как подобает — вежливо, но настойчиво — столь высокому учреждению. А какую жалкую роль играет кадетская оппозиция: ни одной дельной речи! Если бы можно из Думы исключить 3—4 правых, во главе с Пуришкевичем, столько же кадетов с Милюковым, да 5—6 соц.-революционеров с кавказцами, то Госуд. Дума сделалась бы еще лучше, не срамилась бы скандалами, делаемыми правыми и левыми».

Либеральные круги ликовали, что при обсуждении сметы министерства внутренних дел были со стороны кадетов резкие нападки на правительство. Находили, что влияние кадет на ход дел в Госуд. Думе возросло, что все партии стали со вниманием прислушиваться к их предложениям, как к наиболее обдуманным, и что тактика кадет года в два заставит Госуд. Думу сильно измениться.

Вообще при последних заседаниях Госуд. Думы [1]) в переписке производилась оценка отдельных партий, причем готовились к рассмотрению проектов в осенней сессии. Особенно заботила земельная реформа, и князь С. Волконский выражал опасения, что в таком серьезном вопросе будет играть большую роль тактика левых, крестьян и духовенства. В письме к М. П. Яковлеву в Москву он говорил: «В Госуд. Думе все более и более выясняется, что все левые вместе

---

[1]) Так в подлиннике.

с крестьянами и попами составляют немного более половины Думы, и это обстоятельство в будущую сессию может оказаться роковым. Например, принудительное отчуждение может пройти большинством каких-нибудь 10 голосов, и тогда роспуск Думы неизбежен. Вся беда в том, что попы и крестьяне не в состоянии подняться над классовой точкой зрения и в таких случаях вотируют, как один человек. Если судить по этой даже Думе, то как еще мало культурна и как невежественна Россия! Я думаю, что конституция у нас долго не продержится — придется правительству приостановить ее на некоторое время».

Член Госуд. Совета Ф. Самарин, готовясь также к проведению аграрной реформы, пессимистически смотрел на ход дел и высказывал все это в письме Д. А. Хомякову: «Чтение по вопросу об общине и законе 9 ноября, — писал он, — было бы необходимо устроить, но не иначе как перед самым началом думских занятий. Только тогда можно рассчитывать на некоторое впечатление. В Госуд. Совете у нас почти не будет союзников. Н. Хвостов — и тот готов итти на уступки. Что касается левых, т.-е. Ковалевского с братией, то это народ не надежный. Их поддержка может еще повредить делу. Если вы устроите какое-нибудь собрание для протеста против закона 9 ноября, то я готов принять в нем участие. Только не приглашайте Сазонова. Я слышал, что Щербатов хотел его привлечь к этому делу. Он только повредит нам. Было бы полезно собрать сведения, как этот закон в действительности применяется, а то министерство будет пускать пыль в глаза своими статистическими цифрами и донесениями своих агентов о том, что закон принимается населением с благодарностью. Я хочу заняться этим вопросом и, по мере сил, выставить наружу весь революционный характер правительственной политики. Вы правы: молчать теперь нельзя, надо кричать. Из Петербурга я вынес самые неотрадные впечатления. Настоящей жизни нет ни в старых «бюрократических сферах», ни в новых правительственных учреждениях. И здесь и там идет усиленная работа, но она не отличается от той, которая производилась и раньше в высших государственных учреждениях. Дума справедливо негодует на морское министерство, что оно ничему не научилось после Цусимы. Но Дума сама — канцелярия, по духу не новая. Ни единой живой мысли нет, — только избитые общие места да пошлый тон. То, что творилось в Думе и Госуд. Совете,— по меткому выражению Касаткина, «был законодательный канкан». Законопроекты посылались нам целыми ворохами, невозможно было даже бегло с ними ознакомиться. Словом, вся наша «работа» сведена была к простому зарегистрированию законопроектов, прошедших через Думу. Дума изнемогает под бременем проектов. Прежде чем издавать новые законы, мы должны подумать о том, к какой цели должна быть направлена наша работа. А то мы одной рукой боремся с революцией, а другой плодим, например, целый ряд таких школ, которые только и могут быть полезны революционному движению. Все это было бы еще терпимо

при других обстоятельствах. Но теперь, когда у нас, кажется, уже наступило внутреннее разложение и нам грозят, сверх того, всевозможные внешние опасности, теперь просто страшно становится, когда посмотришь на всю эту законодательную работу, и особенно когда обратишь внимание на то значение, которое этой работе приписывается. Участвовать же во всей этой глупости и фальши, а, следовательно, нести некоторую долю ответственности за ход дел в государстве — это уже совсем невыносимо».

Обзор работ зимней сессии Госуд. Думы заканчивался более или менее оптимистическим отзывом члена Госуд. Совета Шипова, который брату своему, С. Шипову, проживающему в Карлсбаде, рисовал картину изменения тактики партий в будущей осенней сессии. Свои взгляды он начинал в письме так: «Мне ужасно тяжело на душе и грустно. Единственное утешение — беседы с Струве, Федоровым, Маклаковым и Челноковым. Предмет наших бесед — прогноз развития событий и направления в нашей политической жизни. Хотя мы в оценке положения близки, но, сравнительно с прежним, я смотрю с некоторым оптимизмом, а они теперь склонны к пессимизму. В начале сессии этой Думы мне казалось, что нет никакой надежды на выход из переживаемого положения путем мирной эволюции и что все усиливающаяся реакция не только со стороны правительства, но и в среде перепуганных обывателей и опасающихся за свое положение привилегированных классов неминуемо приведет страну к новой революции, которая может принять характер пугачевщины. Но в последнее время, повидимому, работа в Думе и участие в представительстве начинают перевоспитывать не только октябристов, но и умеренных правых. В их сознании начинает выясняться, что, несмотря на существование представительства, правительство наше и правящие сферы не хотят, а, может быть, и не могут порвать со старым бюрократическим режимом, заключающимся в просвещенном абсолютизме и в отожествлении понятий интересов государства с интересами правительства и привилегированных классов. Гучков в одной из своих речей сказал, что старый строй пал от лжи и неправды, но теперь и октябристы начинают понимать и чувствовать, что, в сущности, политика правительства не изменилась и что ложь и неправда его и теперь выступают рельефнее и подрывают нравственную связь, необходимую между властью и народом. В этом отношении уроки наглядного обучения, даваемые министрами, играют громадную роль. Осенью, мне представляется неизбежным, положение октябристов и умеренно-правых (которые на самом деле левее октябристов) должно будет совершенно измениться, и они из партии сервильной, правительственной должны стать партией оппозиционной. Нет сомнения, что речи Мейендорфа, Голицына, Петрово-Соловово и др., а главное Гучкова, сожгли корабли октябристов при отступлении. Но также несомненно, что правительство и сферы делают и будут делать вид, что они из этих речей ничего не слыхали, и будут действовать по-старому. Не

могут же в таком случае при рассмотрении сметы на 1909 г. октябристы начать вновь рассказывать про белого бычка. С другой стороны, крестьяне и священники в среде правых, мне кажется, убедились, что, идя с правыми, они поддерживают Думу господскую и не найдут в них поддержки и удовлетворения своих справедливых нужд. Ввиду этого мне представляется, что с открытием IV сессии в Думе образуется многочисленная лойяльная и корректная в конституционном смысле оппозиция, и хочется в это верить, так как, помимо этого, выхода благополучного не может быть. Если такая перегруппировка совершится, то или Столыпин должен будет согласиться в ошибочности избранного им курса или распустить Думу. В последнем случае новые выборы и при законе 3 июня дадут IV Думу определенно оппозиционную и, все равно, изменение режима и установление нормальных отношений между исполнительной и законодательной властями».

С начала открытия осенней сессии Госуд. Думы и до конца года интересы всех классов почти исключительно сосредоточивались на земельной реформе.

Члену Госуд. Думы князю С. С. Волконскому писал П. Ягодынский из Пензенской губ.: «Столыпинский землеустроительный закон неправилен в принципиальном отношении. Хотелось бы, чтобы Госуд. Дума набрела на общеполезный и практически применимый способ разрешения этого вопроса. Очень жаль, что столыпинское стремление к неосуществимому землеустроению в значительной степени сметает помещичье землевладение. Деревня наша так некультурна, что не беречь вкрапленные в нее культурные гнезда дворянских владений глупо и преступно. При данных условиях нашего землевладения крестьянское благосостояние от перехода частновладельческих земель к крестьянству не поднимется, а упадет. Да и вообще вопрос об увеличении крестьянского землевладения есть продукт нашего невежества».

В феврале месяце, в письме из Харьковской губ. к Гринбергу в Одессу, рисовалась картина торжества кулаков, скупавших за бесценок земли крестьян, и говорилось: «Сколько результатов гениальнейшего распоряжения нашего правительства приходится наблюдать, живя в деревне! Своим указом о закрепощении земли и об уничтожении общины оно ускорило свою гибель на несколько десятков лет. Никакая революция столько не сделает, сколько бюрократия одним росчерком пера. Теперь идут форменная капитализация земли и полнейшая пролетаризация крестьянства. С одной стороны, отрадно, а с другой — больно видеть, что теперь творится в деревне. Как коршуны, бросились кулаки скупать землю за бесценок. Беднейшие крестьяне все распродают землю. Но что же из этого получается? Они не видят ни денег ни земли. Продают они свои несколько несчастных десятин земли за бесценок, да и в рассрочку платежа. Все деньги проживают, а потом иди на все четыре стороны. А кулаки скупают землю, и часть

(самая большая) денег попадает в карман обратно, потому что платят большею частью товарами наихудшего качества и втридорога, а затем они же, кулаки, ухмыляются и цинично прибавляют: «Вот, дураки, пусть не продают!..» Кроме того, пьянство — ужасное. Вот какую вакханалию празднует самодержавие, корчась в предсмертных судорогах! Большая часть денег в казну идет. И слишком отрадно, и слишком тяжело видеть картину массового разорения людей... Представьте себе картину недалекого будущего, когда эта масса пролетаризованных крестьян двинется, естественно, в город».

О недовольстве крестьян этим законом писал В. К. Собельников из Курской губ. А. В. Пешехонову в Петербург: «Выделы из общины стали развиваться, как эпидемическая болезнь, и каждое заявление встречается обществом сильнейшим ропотом. Община ропщет, этот закон лишает их возможности уравнения в пользовании землей посредством передела, через установившийся промежуток времени. Молодежь ропщет, что отец может продать выделенную землю и лишить сына земли. Ни одно село добровольно не выделяло землю, а власти пока не действуют в резкой форме. Закон этот достиг той цели, к которой стремилось правительство, а крестьяне еще поволнуются и покорятся».

Ярый сторонник общины, Д. А. Хомяков прислал брату, председателю Госуд. Думы, письмо, в котором резко отзывался о приемах премьер-министра при проведении закона 9 ноября и доказывал, что в вопросе об общине последний обманывает государя и что вообще мало кто уясняет себе разницу между выходом и выделом из общины. «Еще Горемыкин, — говорил он, — начал обманывать государя по делу общины. Царь три раза заявлял о сохранении общины с облегчением выхода, а он и его единомышленники подтасовали выдел. Я на этом сцепился с Горемыкиным и, вероятно, стал бы биться не на живот, а на смерть, если бы Витте, устроив 17 Октября, не разогнал нас всех и сам сел на наших развалинах. Весь секрет 17 Октября — не что иное, как поспешное мероприятие — для того, чтобы помешать «царскому» разрешению крестьянского дела, после которого «обновление строя» стало бы невозможным, ибо не на чем было бы устроить революцию. Мы с Горемыкиным сыграли более крупную роль (отрицательно-пассивную), чем мы ожидали или предполагали. С того времени пошло уловление царя на игре неясно ему понятных слов: выход и выдел. Все это было бы терпимо, если бы Риттиха-Стишинского проект не попал в руки нахала и канальи Столыпина. У тех был хоть крест на шее, а этот, не имея оного (в душе), пустил дрянный проект своих предместников по 87 ст., конечно, полагая, что закон, имеющий громадное имущественное значение, пущенный по статье, допускающей его отмену, есть акт насилия, нужный для предрешения и для того, чтобы затруднить возвращение к прежнему. Конечно, он носом чуял, что возврата не будет, ибо за него вся интеллигенция и особенно треклятые правые; и он не ошибался. Для меня этот вопрос решен окончательно.

Я давно говорил, что вопрос об общине — не экономический, а социально-культурный. Всякий, мало-мальски знающий этот вопрос из жизни или литературы, знает, что аргументов за и против — без числа; ему нельзя из оных сделать орудия, сколько-нибудь нечерноземного. Дело в другом: борьба двух культур и двух мировоззрений, начатая Петром, должна быть доведена до конца: интеллигент (умственный юнец) должен или погибнуть перед русской стариной, либо ее задушить. Последний strong hold старины — община, а интеллигенция во власти (Столыпин и его враг Гурко идут тут заодно) — результат ясен. Вот почему я и не читаю того, что говорится об этом вопросе в Госуд. Думе. Сегодня Дм. Сем. сказал речь в защиту общины. И что же? Оратор (!) не понимает разницы между выходом и выделом. Чего же ждать от таких защитников? Хотя бы кто-нибудь заявил: 1) о праве крестьян иметь свое мнение о своих делах, помимо думских разноплеменных интеллигентов, 2) хотя бы кто-нибудь сказал ораторам вроде Шидловского или Кривошеина: да ведь то, что вы выдаете за аксиомы, то самое требует доказательства. Слова, слова, одни слова. А конец — сделать по-своему: уничтожить крестьянина и заменить его интеллигентом низшего разбора, который должен быть слепым орудием интеллигентов высших: Милюкова, Пуришкевича, Крупенского, Чхеидзе, Шингарева, Бобринского и К⁰ — tout cela fait un».

О недовольстве крестьян законом 9 ноября писали из Киева к чиновнику особых поручений Н. А. Пешкову в Петербург: «Разве можно так легко разрушить общину, которая существует у нас вторую тысячу лет и на которой выросло государство с $2^1/_2$-миллиардным бюджетом? Ведь все государственные учреждения были основаны на этом ките. Ну, а теперь, когда этого кита начинают переустраивать, невольно возникает вопрос: а подумали ли вы, господа хорошие, учредившие хуторские хозяйства, о реорганизации земства, сельской полиции, податей и тому подобном многом? А результаты закона: вся центральная Россия недовольна законом, и крестьяне, в большинстве случаев, отказываются выделять своих односельчан, и только на юго-западе, и то не везде, по некоторым историческим причинам, идея закона 9 ноября встретила сочувствие. И один бог знает, сколько в России произойдет греха из-за закона, в особенности после опубликования инструкции к нему».

А. Дашкевич из Москвы, в письме к публицисту С. Ф. Шарапову, на ст. Мещерск, доказывал, что закон 9 ноября развратит крестьян. Он писал: «Приближается роковой день экспроприации крестьянской земли, значительно более революционный, чем день, который грозил экспроприацией помещичьей земли. Дело тут не в общине, о которой можно быть различных мнений, а в том, что насилие, экспроприация внедряются в нашу деревню; каждый крестьянин или теряет клочок земли, на который он, по своему правосознанию, был вправе рассчитывать, или приобретает то, что ему не следовало. Вот тот страшный, чисто биржевой земельный ажиотаж, который брошен

в нашу бедную деревню. Но не разносите очень Думу. Разнести ее следует, но не на все корки, как вы это делали прежде. Неудачный закон, как и все наши законы, ввел в Госуд. Думу людей неосведомленных, бесталанных и партийных; но не надо забывать, что вне Госуд. Думы у нас нет спасения. И помните, что инициатором и осуществителем закона 9 ноября явилось правительство Столыпина. Хорош также и Хомяков, который из формальных соображений, что он председатель, не хочет поднимать своего авторитетного голоса против этого закона. Или, быть может, он не хочет расстраивать согласия октябристов между собою и правительством? В таком случае, у него нет никакого нравственного устоя».

Что проводимая реформа вызывает недоверие в крестьянах к правительству, утверждал П. Мансуров, чиновник особых поручений при министре иностранных дел, в письме своем из Москвы к члену Госуд. Думы Г. А. Шечкову: «Я в отчаянии от этого пятна, — восклицал он, — которое, весьма вероятно, на нас ляжет в истории при решении аграрного вопроса. Октябристы вполне последовательны, и странно было бы упрекать их за буржуазное понимание русской жизни, но мы, которые готовимся чествовать память Александра III, в то же время проявляем глубочайшее неуважение к его идеалам и к истории своего народа. Как бюрократы, не стесняемся резать по живому народному телу и не считаемся с народными воззрениями. У нас (в нашем крае) ни одно крестьянское общество не дало согласия на выдел и закрепление надельной земли. Мы, помещики, думаем, что легче будет нам, когда мы не будем иметь дело со сплоченным обществом. Прибалтийские бароны испытывают на себе, при всей культурности края, прелести последствий исключительного господства принципа индивидуальной собственности. Если бы не русские войска, их бы и вовсе более не существовало. Несчастные политические обстоятельства, созданные, впрочем, в значительной степени нашим нерадением, принудили устранить крестьян от участия в решении государственных вопросов, и мы пользуемся этим моментом, чтобы насильственно кроить по нашим минутным вкусам крестьянскую жизнь. Кто дал нам на это нравственное право? Недостатки общины велики, но исправить их нужно при свободном и сознательном отношении к ним народа. Теперь народ увидит, что государство стоит неизменно на стороне антиобщественных, — следовательно, по его воззрению, несправедливых элементов. Подкапывается доверие народа к государству, и вносится революционное настроение. При этом последнее приобретает нравственную подкладку. Сами растеряли половину наших земель и толкаем на тот же путь крестьян. Хороши учители и законодатели! Трагично, что крестьяне сами понимают гибельность этого пути».

В противовес всем мнениям, признававшим лишь пагубные последствия для крестьянства от закона 9 ноября, раздавались голоса не только в защиту его, но и доказывавшие, что с введением закона наступит крестьянское благоденствие.

Ярким примером подобного мнения может служить письмо крестьянина М. О. Шимаева, который из Самары писал лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову следующее: «Я раньше всегда одобрял программу партии кадетов, но после ваших речей у меня открылись глаза на деятельность «партии народной свободы». Какая злая насмешка над святым лозунгом «народная свобода». Вы своими речами силились оставить народ в прежней кабале у грубой, невежественной, некультурной общины, при существовании которой никакой прогресс в области сельско-хозяйственной культуры невозможен. Нет злее врага у русского человека, как община, а вы ратуете за нее. Эх, вы, господа! Да есть ли у вас представление о том, что такое община? Ведь закон 9 ноября для нас светлая заря народной свободы, культуры, прогресса. Ведь если этот закон будет проведен и мы станем действительными владельцами своей земли, то голодных крестьян не будет вовсе, а все культурное, даровитое устремится на землю, на «свою» землю. Через 10 лет России не узнаете, такими гигантскими шагами будет развиваться ее сельско-хозяйственное благосостояние».

Члену Госуд. Совета А. Ф. Кони писал из Варшавы в Петербург брат его: «Удивляюсь на малочисленных защитников в Госуд. Думе закона 9 ноября. Этим господам было бы полезно приехать сюда и посмотреть, чего достигли забитые и менее развитые, чем русский крестьянин, польские хлопы и насколько их сельско-хозяйственная культура выше нашей только благодаря тому, что в 1864 г. они не были награждены пресловутой общиной. Это сделало то, что у польского крестьянина в высокой степени привито чувство земельной собственности, за которую он держится и руками и ногами, уважая и собственность ближнего. Когда в России сияли иллюминации, и аграрное движение было в полном разгаре, здесь, несмотря на малокультурность и подуськивание некоторых партий, крестьянство оставалось спокойным; а если и были так называемые «рольные страйки», забастовки сельско-хозяйственных рабочих, то только по вопросам о заработной плате. И это ясно сознают польские депутаты, голосовавшие за закон».

Такой же взгляд на противников закона высказывал и член Госуд. Думы Н. С. Волконский. В письме своем к княгине А. А. Волконской в Москву он говорил: «Наша невежественная, лишенная политического понимания печать давно уже старается настроить общественное мнение против закона 9 ноября, который по многим причинам необходим. В Госуд. Думе он, я уверен, пройдет, хотя, может быть, и с значительными изменениями. То озлобление, с которым вся левая печать поднялась против этого закона, показывает, что он задел больное место. Действительно, раз заведутся в деревнях зажиточные крестьяне, которым всякие грабежи не будут на-руку, исчезнет у наших революционеров последняя надежда добиться осуществления их желаний и власти посредством поднятия крестьян».

Жгучий аграрный вопрос настолько приковывал к себе все внимание, что по другим вопросам, поднимавшимся в Госуд. Думе, сведения в письмах были ограниченны, и лишь почти единогласно высказывалась неудовлетворенность ходом дел, сыпались в корреспонденциях порицания то той, то другой партии. Попрежнему неодобрительно отзывались о составе депутатов, не предвидели от всех работ Думы какой-либо реальной пользы для страны и к концу года все более и более порицали политику премьер-министра.

Попрежнему в письмах утверждали, что крестьянин все еще живет надеждой получить от правительства землю и что медлительность в разрешении земельного вопроса раздражает крестьян и создает богатую почву для пропаганды, делая вообще жизнь в деревне невыносимой.

Подобная картина деревенских условий передавалась в письме из Сергача Нижегородской губ. к В. В. Хвощинскому, в Петербург: «Замечаю нечто недоброе в деревне. Вы помните, что все движение в деревне выражалось в «землице», все вопросы об этом кончались: «А вот Госуд. Дума решит», и мы успокаивали население: «Подождите, соберется Дума». Все это, вместе с подавляющими мерами правительства, создает новую тактику для пропагандистов: теперь не слышно громких фраз, не видно открытых действий — вся пропаганда ведется на почве «вождения крестьянина за нос в земельном вопросе». Почва благодарная; крестьянина никакими «неприкосновенностями личности», «правовыми порядками», «свободами совести» и другими не подымешь на ноги, а отсутствием «землицы» — сколько угодно. Итак, отсутствие решения «аграрного» вопроса и тайная пропаганда с возведением в лик мучеников всех повешенных, ссыльных, заключенных — все это создает такое положение, что хоть беги из деревни».

Невежество крестьян и пьянство глубоко огорчали всех искренно желавших добра мужикам. Спасение видели лишь в скорейшем просвещении, а также и прекращении продажи водки.

Священник С. Крепгорский из Самарской губ. сообщал преосвященному Нестору в Москву: «Невежество и суеверие в народе ничем больше нельзя выгнать, как просвещением. Все удовольствие нашего крестьянина сводится к бутылке вина. Что за странный народ! Ему говоришь о вреде вина для хозяйства, семьи и дома, а он говорит, что дело нажитое, что царь прокормит. Крестьянин нисколько не заботится о своем благополучии и все требует около себя нянек. Работать изленился благодаря различным правительственным помощам Красного Креста, ссудам и организациям. Старики благоразумные говорят, что молодежь — лентяи, тунеядцы, и следует всем не давать хлеба, а чтобы побольше смотрели в землю и на небо».

Из Ростова на-Дону сообщали Е. М. Годзелинской в Москву: «Симбирское земство вообще культурно и старается распространять хорошие начинания, но, к несчастью, все прививается туго, и местами невежество и пьянство уживаются рядом с телефонами, больницами

и показательными полями. Пьянство до того охватило население, что каждая казенная лавка (на два села, в среднем, на 1 000—1 500 человек) выручает до 25 000 рублей в год. А о невежестве и говорить нечего: все та же трехпольная система сева, то же недоверие к врачам, то же нежелание учиться. Детская смертность поразительна; часто дети гибнут просто от грязи, а часто их поедают свиньи. В общем, вынес я впечатление не отрадное. Правда, я видел деревни с высоким культурным уровнем, но они являлись лишь островками в общем море невежества и бедности».

События последних лет, грабежи и забастовки оказали пагубное действие на крестьян и положительно уничтожили в них уважение к чужой собственности. Об этом много писалось в письмах, и, например, помещик С. Самарин в письме своем к генеральше Е. П. Ермоловой подтверждал подобное заявление: «За отсутствием в Самарской губернии кормов, — писал он, — крестьяне, вероятно, будут добывать себе сено и солому «экспроприациями», как теперь благородно принято называть грабежи и кражи. Хуже всего то, что эти экспроприации не только против нас, помещиков, но с особенной силой действуют между самими же крестьянами, которые друг у друга тащат решительно все, что хоть немного «плохо лежит». Уже это — признак такой распущенности, такого упадка, дальше которого итти трудно. «Интеллигентные» экспроприаторы и забастовщики сделали свое печальное дело: своими нахальными грабежами, остающимися большею частью безнаказанными, своими действиями, полными пренебрежения к власти и порядку, они заразили крестьянство. И теперь развал и упадок всех устоев среди крестьян достигли таких размеров, что они сами не знают, что делать, и чувствуют, что несутся в какую-то бездну, из которой неизвестно как выкарабкаются. Они сами даже говорят, что не в силах восстановить порядок в деревнях, так как уже не слушают друг друга, озлоблены друг на друга и только и думают о том, как бы стащить что-нибудь у соседа. Они сами признают, что единственно, что может спасти их от полного хаоса, это строгая, беспощадно карающая виновных власть. Как ни тяжело будет их бокам и спинам от такой власти, но они сознают, что она одна может спасти их, и в глубине души желают и ждут ее».

А. Сабуров также сообщал об упадке интереса к работе и в письме из Московской губ. сообщал члену совета министерства внутренних дел С. И. Шидловскому: «Все более и более убеждаюсь, что весь центр тяжести всех наших неурядиц лежит совсем не в «свободах» и «малоземельи», а именно в полном отсутствии чувства собственности у крестьян и неминуемо с этим связанным упадком интереса в работе. Трудность приложения к производительному труду своих сбережений заставляет крестьян относиться к ним равнодушно и пропивать каждую выработанную копейку, а где нет сбережения, конечно, не может быть речи о культуре и прогрессе. Это — азбучные истины, но они-то мужику и не даются. Да и не могут при общинном закрепощении».

К факторам, изменившим крестьянство к худшему, сделавшим его небрежным и ленивым, причисляли правительственную помощь, находя, что распределение ее настолько неправильно поставлено, что лишь приучает мужика к опеке.

Из Самарской губ. писали гофмейстеру Б. В. Штюрмеру в Петербург: «Голода в Самарской губ., как я признаю, нет, но урожай был плохой — по вине самих же крестьян. Лучшие земли отданы в аренду, а плохая земля ими обрабатывается плохо, спустя рукава. Старосты и уполномоченные врут — у них все голодные, даже и богачи. Правительство напрасно приходило на помощь в 1906—1907 г. Нечего было тратить на одну Самарскую губ., на этот подлый народ, 2 200 000 руб. Народ этот смотрит, как бы получить ссуду без отдачи, а самим ничего не делать целый год. Винные лавки торгуют страшно, и почти вся ссуда возвращается в казну через неокладные сборы, т.-е. монополькy».

Назначение 1 января 1908 г. попечителя варшавского учебного округа Шварца министром народного просвещения произвело на всех самое благоприятное впечатление. Его многолетний педагогический опыт служил залогом плодотворной деятельности в смысле урегулирования нормальной университетской жизни.

Профессор Чупров из Мюнхена в письме к ректору А. А. Мануилову в Москву высказывал свое одобрение назначению. Он говорил: «Статьи газетные о намерениях и характере министра Шварца разноречивы, но мне кажется, что от него можно скорее ждать хорошего, нежели худого. Он сам был профессором, и притом хорошим профессором, которого ценили всегда высоко. Вследствие этого у него не может быть раздражения против университетов, естественно являющегося у обыкновенных людей, вроде Леонтьева, Пихно и т. п. Шварц хорошо знает университетские отношения и вряд ли способен принимать «импрессионистские» меры, которыми отличился Кауфман по отношению к Одессе. Я знал Шварца десять лет тому назад; что сталось с ним теперь, когда он хватил власти, мудрено сказать. Но я думаю, что вряд ли Шварц будет итти против университетской автономии: он достаточно вкусил, в бытность профессором, прелестей деляновского устава, чтобы стремиться к его восстановлению».

Менее оптимистически к министру Шварцу относился профессор Ю. А. Кулаковский, который в письме к жене в Киев высказывал: «Не возлагаю особых каких-либо надежд, но Шварц, несомненно, много лучше Кауфмана и Герасимова. Эти два господина обманывали и поступали просто неприлично в делах важных и существенных. Можно составить сборник исторических анекдотов об их деятельности. Шварц, несомненно, более на месте, но лишь только это и можно сказать о нем. Я не вижу и никогда не видел в нем ни ума, ни талантов особых, а главное — честного труда. Казаться он всегда умел, помогали ему в этом и его фигура и домашнее воспитание. Но и в Варшаве и в Риге он не проявил характера, ни искусства, ни твердости, ни устой-

чивости взглядов, ни того, что, по-моему, теперь очень нужно и что я называю государственным национализмом. Он постарается быть «либеральным», как опытный эгоист, и покажется мягким там, где мягкости вовсе не нужно. Здесь рассказывают, что Шварц призван лишь для того, чтобы очистить дорогу для других. Если так, то жалко и Шварца, и тех, кто возлагает на него эту чистку. Ни Шварц на это не пойдет, ни «очистки» он не сумеет сделать».

Подобный же отзыв был и в письме профессора А. Тихомирова из Царского Села к профессору Л. К. Лахтину в Москву. В письме сообщалось: «В самом А. Н. Шварце спасения для министерства народного просвещения я видеть не могу. С ваших слов, охотно допускаю, что он был хорошим директором гимназии и Межевого института; но все, что я знаю о нем, как о профессоре-политикане, и слышал о нем, как о немцующем попечителе рижского учебного округа и полякующем попечителе варшавского округа, мало ободрит мои надежды на успешное, а главное, авторитетное ведение министерского дела. Говорят о назначении Ульянова и Беляева ему в товарищи, что, думаю, будет хорошо. Если Шварц действительно будет иметь двух таких товарищей и передаст им инициативу, тогда я примирюсь с его назначением».

В либеральных педагогических кругах высказывались опасения, что с назначением Шварца усилится реакция и создадутся новые осложнения в университетской жизни. Из Ялты писали об этом Н. А. Коринскому в Москву.

Один из московских педагогов, неразборчиво подписавшийся в письме к Смирновой в Казань, высказал взгляд, что реакционные шаги министра могут вызвать студенческое движение и что разве ум и проницательность премьер-министра Столыпина смогут предотвратить это. «Можно ждать грандиозного студенческого движения, — говорил автор письма, — если Шварц зарвется. Дело в том, что зарвавшийся министр своей политикой «успокоения» высшей школы, в форме самой широкой чистки и «фильтрации», безусловно может очень грубо задеть интересы и самолюбие и профессуры. Это может сблизить профессуру со студенчеством. Кроме этого кадетская часть последнего вполне искренно может также запротестовать, вплоть до забастовки против такого «успокоения». В общем может выйти дружный и очень внушительный протест с запугиванием добровольной отставкой целого ряда профессоров в некоторых университетах. Это было бы шикарно. Но до этого дело не дойдет, потому что, если и глуп Шварц, с теплой компанией Дубровиных, Пуришкевичей и других идиотов и кретинов, то не так-то глуп Столыпин. Последний великолепно понимает, что ярко реакционная политика по отношению к высшей школе невыгодна прежде всего правительству: такая политика только сплотит профессуру со студенчеством и возбудит против правительства даже инертную и индиферентную часть общества. Цели же своей не достигнет, может получиться даже обратный результат. Divide et impera. Выгодность этого принципа Столыпин, как умный

бюрократ, понимает великолепно. А Шварца он сумеет заставить молчать, так как гнусным «сферам» Столыпин очень нужен, а Шварцов — целая помойная яма. Так думаю я. Зарваться Шварцу не даст Столыпин. А я бы желал, чтобы Шварц зарвался: было бы очень интересно. Мы бы показали этой мрази. И у кадета есть терпение».

А сам министр, назначение которого вызвало столько толков, так рассказывал о своем назначении в письме к профессору Коршу в Москву: «Как я артачился, — говорил он, — и какие делал усилия, чтобы мимо меня шла чаша сия, но не удалось. Одна надежда, что долго меня не задержат: вряд ли я — ко двору; я убеждал Столыпина в том, что еще не время брать таких людей, как я. Общество, без которого ничего не поделаешь, еще недостаточно убедилось в развалине нашей школы. Надо бы еще перейти через одного Ванновского или Глазова. Но он не захотел, — его и вина. Пока, во всяком случае, постараюсь делать, что могу, для нашего несчастного ведомства, в делах которого считают себя компетентными разные Нечитайлы, Цветаевы и т. п.».

Он же ему писал в мае месяце: «Я делаю то, что считаю своим долгом делать, заботясь об одном — посильно оправдать доверие, оказанное мне государем, которого, как все, приходящие с ним в сношение, искренне полюбил. Георгиевского взял, несмотря на антипатию к нему, тоже только потому, что вижу в нем хорошего работника, как взял Ульянова, как взял бы всякого, кто умеет работать. Только — увы, нет работников...»

Циркуляр министра, по которому требовалось точное исполнение распоряжений относительно недопущения женщин в университеты и евреев сверх процентной нормы, взволновал умы педагогического мира, но министр Шварц, возмущаясь нарушением права и требований министерства, в письме к профессору Соколову в Москву доказывал бесцеремонное отношение университетов к издаваемым распоряжениям. Он говорил: «Допущение барышень в университеты особенно возмутительно. Вы пишете: «Закон обратного действия не имеет», но какой же этот закон? Не только закона нет, но Совет Министров даже при Витте, как позже и при Столыпине, категорически воспретил принимать барышень и евреев сверх процентной нормы, и однако университеты принимали и тех и других вопреки этому категорическому требованию так, что даже Кауфман запротестовал, но — увы, чересчур поздно. Таким образом, это такое наглое нарушение закона, как и экзамены посторонних слушателей, которые просят тоже узаконить. Все это захвачено, и захвачено с грубым нарушением права и требований даже прежнего министерства, так что только нестеснение г. Герасимова с прямыми предписаниями министра дало университетам возможность глумиться над распоряжениями сего последнего и делать по-своему: министерство-де не протестовало. Впрочем, вопрос этот представлялся мне настолько важным, что я бы не позволил себе издать последний циркуляр, не сговорившись с товарищами по Совету Министров, и

могу сказать вам по секрету, что весь кабинет единогласно уполномочил меня на эту меру и выразил свое возмущение по поводу того, что там грубо нарушались его постановления».

Главным образом все заволновалось после циркуляра министерства об упорядочении совета старост. В письмах студентов царили приподнятое настроение и желание защищать полномочия старост, вплоть до забастовки. Предполагалось даже обжаловать действия министра в Сенат. Начавшиеся всюду сходки и забастовки разжигали настроение, но желание большинства студентов продолжать занятия и держать экзамены парализовало стремление вызвать беспорядки, все постепенно стало затихать, и учебный год удалось довести до конца.

Из записной книжки архивиста.

Из истории колчаковщины.

Печатаемый ниже доклад помощника нач. развед. отд. начальника штаба Омского военного округа содержит в себе ряд любопытных сведений о состоявшемся в середине июля 1919 г. совещании представителей осведомительных органов колчаковских армий по вопросу об организации «осведомления и подъема духа» среди белых войск на фронте и рабоче-крестьянских масс, а также о мерах к разложению «коммунистической армии». Меры эти, для реализации которых Колчаком мобилизовались «все силы интеллигентных работников — профессоров, учителей, духовенства, учащейся молодежи», должны были, по мнению совещания, убедить население и Красную армию в том, что Колчаковское правительство — «власть не буржуазии, а народная» и что колчаковские войска борются за освобождение «красных от ига комиссаров». Участники совещания были уверены, что «когда красные поймут, что мы [т.-е. колчаковцы] — не враги им, а друзья», то «Красная армия утратит свою стойкость в борьбе с нами, она распадется». Документ дает также сведения о материальных ресурсах колчаковских «осведармов» и «осведокров» и, кроме того, сообщает некоторые данные о практическом проведении ими агитационной кампании, которая не смогла, однако, предотвратить краха колчаковской авантюры.

П. Мирошниченко.

Доклад начальнику штаба округа об организационном совещании представителей армий и внутренних округов по объединению осведомительных работ в частях войск [1]).

Копия.

13 июля с. г. началось совещание представителей осведорганов осканармов (осведомительная канцелярия, ведающая делом осведомления) внутренних округов, где работы только начались в разведывательных отделениях, и представителей казачьих войск.

Председательствовал генерального штаба полковник Клерже, а в некоторых собраниях второй генквартерверх генерал-майор Рябиков.

Первое собрание открыл генерал-майор Рябиков, который указал на важность широкой постановки дела осведомления в частях войск и населении и сравнивал присутствие налаженных осведомительных аппаратов в части с присутствием тяжелой артеллерии. Здесь, в присутствии генерал-майора Рябикова, представители обменялись мнениями: как смотрят начальники высших военных соединений на эту

[1]) «Архив Окт. Рев.». Подлинник написан на пишущей машинке. В левом верхнем углу подлинника штамп: «Помощник нач-ка развед. отд. начальника штаба Омского военного округа 26 июля 1919 г. № 417».

новую работу. В общем было зарегистрировано общее признание неотложной важности дела.

Цели и задачи, которые должны преследовать осведорганы армий и округов, следующие: 1) содействовать осведомлению и подъему духа как среди войск возрождающейся русской армии, так и среди нашего тыла, т.-е. местного населения — крестьянских и рабочих масс, из которых армия черпает свои резервы; 2) организовать возможно более широкую пропаганду и агитацию как среди красных войск Советской России, так и в их тылу, чтобы этим путем разложить коммунистическую армию.

Цели эти могут быть достигнуты: а) путем печати, путем издания и распространения газет, журналов, иллюстраций, книг, брошюр, листовок, летучек, воззваний, прокламаций, открыток, плакатов и т. д.; б) путем устной пропаганды, путем живой речи через особых лекторов и агитаторов, путем устройства сходок, собраний, митингов, лекций, литературных вечеров, театров, клубов, спектаклей, концертов, кинематографов; в) путем устройства чайных, читален, библиотек, курсов, кружков культурно-просветительных и спортивного характера (гимнастика, атлетика и т. п.).

Для тыла — его населения и воинских частей — необходима агитация в смысле развития понимания всех правительственных целей и распоряжений, а равно разъяснить разницу действий Временного Правительства, возглавляемого верховным правителем, с много обещавшей и все отрицающей властью. Наглядно показать солдату, за что он сражается с красными, разъяснить, в чем заключается роль верховного правителя и что до сих пор сделано адмиралом Колчаком и что им обещано.

Нужно внушить солдатам глубокую уверенность в правоту и святость дела, за которое борется наша молодая армия, за которую жертвуют своими жизнями.

Только действуя этим путем, можно создать в армии и на территории правовой России бодрый и боевой дух, только этим путем можно выработать действительную стойкость бойцов.

В тылу у красных и у нас красным и сочувствующим им наша работа должна нарисовать точные итоги того, что Советская власть обещала им на словах и что она дала им на деле, должна показать им поразительную разницу между щедрыми посулами и горькой действительностью.

Нужно подвергнуть подробному разбору и критике все декреты и мероприятия Советской власти, причем необходимо выяснить, как они проводятся в жизнь на местах.

Необходимо открыть глаза темной массе, что все руководители большевизма — люди не-русские, чужие, которым не дороги наши дети, не дорога церковь, которую они превращают в конюшни, и не дорога наша вера.

Этой много обещающей и все отбирающей власти нужно противопоставить наше правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, осведомить красных о всех его мероприятиях в зоне освобожденной России, — нужно убедить их в том, что эта власть не буржуазии, а народная и [что] ее цель состоит в том, чтобы довести страну до Национального, т.-е. Народного Собрания.

Независимо от этого необходимо осведомить красных об истинном положении наших армий на всех фронтах, о помощи союзников, о тех мерах борьбы с большевизмом, которые предпринимаются на Западе. Когда красные поймут, что мы не враги им, а друзья, пришедшие освободить их от ига комиссаров, Красная армия утратит свою стойкость в борьбе с нами, она распадется.

Для достижения этой цели необходимо, чтобы осведомительные отделения, приступая к изданию агитационной литературы, привлекли соответствующих специалистов, обладающих, кроме знания дела, способностью просто, ясно и живо излагать затронутые темы. При соблюдении этих условий намеченные издания будут доступны самым широким слоям населения. Никаких подделок под народный язык при этом не должно быть, но все изложенное должно быть согрето горячей любовью к родине и проникнуто глу-

бокой верой в то, что, несмотря на тяжелые испытания, Россия из всех затруднений выйдет окрепшей и обновленной.

Признано необходимым мобилизовать все силы интеллигентных работников, не ограничиваться, а может быть, и избегать назначать на такую ответственную работу офицеров, привлекать и просить профессоров, учителей, духовенство, учащуюся молодежь, чтобы набрать кадр любителей этого дела, интересующихся этой работой. В этом отношении командармам и комвойсками предоставляется большая инициатива.

При осведверхе в настоящее время образованы курсы старшие — для офицеров и младшие — для солдат, будущих работников по осведомлению. Состав как одних, так и [других] курсов — 40—50 человек, которые вызываются из армий и внутренних округов. Педагогический персонал — профессора, учителя, гражданские и военные, и другие общественные деятели.

Осведверх печатает ежедневно «Бюллетени», брошюры, листовки, воззвания, плакаты в огромном количестве экземпляров, которые посылаются большею частью в армии. Штабу Омского военного округа посылаются пока только одни «Бюллетени» для рассылки в гарнизоны. Теперь экспедиция осведверха обещала посылать нам все издания осведверха и даже, может быть, возьмет на себя работу рассылки в наши гарнизоны непосредственно, при условии, если штаб округа даст ей экспедиторов специально для нашего округа.

В распоряжении экспедиционного отдела осведверха имеются 6 вагонов, которые ходят с литературой в разных направлениях — на запад и на восток.

Осведверхом выписано 5 вагонов бумаги, которая на-днях должна уже быть получена, 1 000 пудов шрифта, типографской краски и смазочных веществ, все это из склада осведверха будет распределяться между осведорганами.

Из собравшихся представителей была выделена комиссия по выработке штатов осведорганов армий, внутренних округов (то же, что армий), тыловых округов, корпусов, дивизий, полков и других войсковых соединений.

Проект временных штатов осведармов и осведокров (тыловых) при сем представляю [1]). В штабе Омского военного округа предположено применить штаты тыловых округов, так как Омский округ, благодаря совместному своему расквартированию с высшим осведорганом — осведверхом, находится в исключительном положении.

Выработанные комиссией штаты были одобрены генералом Рябиковым и помнаштаверхом и, нужно думать, пройдут с несущественными поправками в недалеком будущем.

Из докладов представителей армий — Западной, Сибирской и Южной — видно, что работа по осведомлению у них уже достаточно налажена. Каждый корпус имеет свою типографию, где печатаются газеты, листовки, воззвания и приказы простым, понятным языком, крупным шрифтом, в размерах большею частью в один лист газетного формата.

Программа совещания заключалась в четырех главных пунктах:

1) Общее руководство осведомительной работой.

2) Собственное издательство:

а) инициативное,

б) механическое (размножение готового материала).

3) Экспедиция.

4) Устная агитация.

1) Общее руководство надлежит осведверху осведармам (окрам).

2) Издательство как одно, так и другое поручается тем же осведоргам, каким и руководство.

По инициативе командармов и комвойсками инициативное издательство можно поручать корпусам и гарнизонам, но под общим руководством, дабы не получилось раздробление общего внимания и одни и те же распоряжения не толковались различно.

Признано необходимым, прислушиваясь к настроениям и желаниям масс, и в зависимости от того или другого разъяснять истинный смысл распоряжений и взглядов правительства и, наряду с опубликованием распоря-

[1]) В деле этот проект отсутствует.

жений или закона, здесь же помещать пояснение простым языком с конкретными примерами. Часто темные массы не совсем понимают распоряжений правительства, а потому в армии и в народе царит сомнение; мало того — непонятные законы, распоряжения истолковываются б[ольшевиками] в свою пользу и дают хороший материал для критики мероприятий нашего правительства в своей литературе, которой заполняют наши армии и тыл.

Обратить внимание на популяризацию наших вождей, борющихся за правовую Россию, ведущих страну к Народному Собранию. Например, в армиях было замечено, что солдаты и население прифронтовой полосы очень немного знают о верховном правителе, почему имя его весьма непопулярно. Теперь осведверх выпустил брошюры Сергея Ауслендера «Верховный правитель адмирал Колчак» с его портретом. Нужно заметить, что эта брошюрка весьма недостаточна для широких слоев населения. Портреты верховного правителя печатаются и даже рассылаются в приложениях с газетами.

3) На экспедицию, как уже сказано, осведверхом обращено большое внимание, и на местах она, конечно, должна быть налажена как можно лучше, использовав все возможные средства.

4) В вопросе об устной агитации штабу округа Омского рекомендуется работать совместно с осведверхом.

В денежном отношении осведомительные органы не будут стеснены — штабы армий получили по 7—8 миллионов, а для округов, где работа только в зачаточном состоянии, предположено отпустить 3—4 миллиона.

Подпоручик *Чулков*.

Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I.

Вскоре после похорон Д. И. Писарева, в сентябре 1868 г., в Петербурге подверглась обыску его сестра Вера Ивановна. В числе отобранных у нее бумаг было найдено стихотворение на открытие в Петербурге памятника Николаю I. Стихотворение это написано на двух листках бумаги различными почерками. Один из этих листков содержит в себе начало стихотворения и отрывок из его середины. Второй — другой отрывок из середины и конец стихотворения. Соединение всех этих отрывков дает возможность восстановить стихотворение полностью.

Из допроса В. И. Писаревой в высочайше учрежденной следственной комиссии выяснилось, что стихотворение это было написано ее братом Д. И. Писаревым. Допрошенная 30 сентября 1868 г. В. И. Писарева показала [1]):

«Найденное в моих бумагах и предъявленное мне стихотворение на памятник в бозе почившего императора Николая I сочинено моим покойным братом; часть его была записана мною под его диктовку летом в 1860 году, в бытность его в нашем имении; часть же, писанная карандашом на особом листке, писана, я не знаю кем — брат мой этого мне не пояснял. Я хранила вышеупомянутое стихотворение совершенно случайно, в сущности, пельзя даже выразиться, чтобы я его хранила; попало оно ко мне в числе ученических детских тетрадок в книжке в сафьяновом переплете с переводами стихотворений Гейне, сделанными моим братом в том же 1860 году летом [1]). Все эти тетрадки сохранялись у моей матери и по смерти моего брата были привезены мне в Петербург моим отцом».

Как видно из этого показания, публикуемое нами стихотворение было написано Писаревым не позже лета 1860 г., т.-е. на два года раньше, чем его статья о книге Шедо-Ферроти,

[1]) «Архив Революции и Внешней Политики». Дело следственной комиссии о Павленкове, Гирсе, Писареве и др., 1868 г., № 426, л. 107.

[1]) Эта книжка при деле не сохранилась. Повидимому, она была возвращена В. И. Писаревой. Из других произведений Д. И. Писарева среди бумаг его сестры имеются начало статьи «Д. Дидро и его время» и студенческий дневник.

послужившая в 1862 г. поводом для его ареста и заключения в Петропавловскую крепость. Таким образом стихотворение на открытие памятника Николаю I является первым из дошедших до нас произведений Писарева, имеющих политический характер. Этим определяется ценность этого стихотворения для характеристики автора и его юношеских политических взглядов и настроений.

Памятник Николаю I был воздвигнут в 1859 г. по проекту известного скульптора бар. Клодта. Пьедестал памятника украшен рядом барельефов, изображающих различные моменты из жизни Николая I: встречу им саперного лейб-гвардии батальона после подавления восстания 14 декабря 1825 г., появление его на Сенной площади во время холерного бунта 1831 г., составление 15-томного свода законов и постройку железной дороги, соединившей Петербург с Москвою.

Б. Козьмин.

Чтоб надолго дни былые [1])
Были памятны России,
Чтобы наш покойный царь
Строгим взором, как и встарь,
Приводил в оцепененье
Молодое поколенье,
Чтобы пылкие умы
Не напомнили народу
Про забытую свободу,
Новому царю в угоду,
Императорскому роду
Монумент воздвигли мы.
Декорацией приличной
Нашей площади столичной
Грозный памятник стоит.
Сделан он на удивленье,
Всюду роскошь, загляденье,
Бронза, мрамор и гранит.
Пьедестал свой попирая,
Скачет лошадь Николая.
Он сидит спиной к дворцу,
Потому что не годится
Знать, что с дочерью творится,
Императору-отцу.
Перед ним его созданье —
Храм, которым состоянье
Нажил быстро не один
Благородный господин.
Всякий смертный, кто правленье
Николаево знавал,
Кто указов исполненье
Сам на деле испытал,
Тот, наверное, постигнул,
Отчего ему воздвигнул
Сын подобный пьедестал.
Сверху белый мрамор вставлен,
Цвет невинности самой,
Как невинность, он придавлен
Лошадиною ногой.
Снизу пьедестал гранитный,
Серый цвет его — зола:
Как в пожаре все до тла
Выжжет пламень ненасытный.
А в средине, чтобы вновь
Нам царя припомнить ясно,
Из . . . . . [1]) темно-красный,
Как запекшаяся кровь.
У подножья пьедестала,
Чтобы все напоминало
Век минувший, золотой,
Барельефы отлитые;
А сюжеты, в них взятые, —
Все то подвиги святые,
Так и виден в них герой.
Первый подвиг Николая — [2])
Как, заслуги награждая,
Он солдатам отдает
Подержать в руках сынишку,
Быстроглазого мальчишку,
За подмогу в смутный год.
Дымом в этот день затмился
Петербургский небосклон,
И по трупам царь ввалился
На тяжелый русский трон.
Этот день был днем боязни
Для княгинь и для князей.
Этот день — причина казни
Многих доблестных мужей.
Лучше подвига второго
Невозможно сочинить.
Царь явил в нем до смешного
Страсть жандарма делового
Всюду бунты находить.
Мужички, народец пьяный,
На Сенной перепились

---

[1]) Стихотворение находится в приложении к делу III отделения следственной комиссии, 1868 г., № 426, пакет № 63. Первая часть написана чернилами.

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) Далее написано карандашом.

И с похмелья подрались.
Царь приехал грозный, рьяный,
Замахал на них рукой,
Раскричался: «Бунт, разбой!»
Мужички засуетились,
Мигом в ноги повалились:
Шутка ль бунт производить!
Видит царь, что все послушны,
И бунтующих простить
Он решил великодушно.
Смех и горе вспоминать
Про несчастную Россию!
Уж она ль не клонит выю!
На нее ль царям пенять!
Уж она ль не терпеливо
Все повинности несет [1])
И до страха молчаливо
Все то власти признает!
Спит ленивая Россия,
Спит под тяжестью цепей,
Так и тут цари иные
В ней же ищут мятежей.
Лишь потехи ради гнусной
Создают бунтовщиков
И мечтают, что искусно
Правят сонмом диких львов.
Взыдут к небу все несчастья
До господня алтаря
Падших жертвой глупой страсти
Незабвенного царя!
Третий подвиг Николая
Должен нам напоминать,
Что в России жизнь благая —
Всем, кто любит взятки брать,
Что здесь слабым нет защиты,
Кто богат, тот всех сильней,
Что законами прикрыты
Плутни праведных судей,
Что подчас и на законы
Судьи искоса глядят
И решают, как хотят,
Зная верно, что у трона
Их решенье защитят.
Наконец, что толку мало
От пятнадцати томов,
Если истины начало
Чуждо правящих голов.
Но не меньшего значенья
И четвертый подвиг — он
Доказал нам, без сомненья,
То, что русский наделен
И путями сообщенья.
Только тридцать лет прошли,
А в России, слава богу,
Уж железную дорогу
Верст в шесть сотен провели;
И не так, как за границей,
Колесить мы не должны:
Города обойдены —
Две российские столицы
Прямо соединены.
Мы летим, что сил хватает,
Чрез овраги, озера,
Нам ничто не помешает —
Ни болото, ни гора.
Мы болото завалили
Данью бедных мужиков,
Их руками мы прорыли
Путь в горах и сквозь холмов.
Как же подвиг не прекрасный,
Если столько русских сил,
Столько денег царь убил,
Не совсем еще напрасно!
Хоть строителям нажить
Можно было капиталы,
Но за этот подвиг шалый
Будем го́спода хвалить.
Ах, как все развратом смрадным,
Грязью, пылью поросло!
Назовешь и то отрадным,
Что России, сделав зло,
Каплю пользы принесло.
Но довольно — спи спокойно [1]),
Незабвенный царь-отец,
Уж за то хвалы достойный,
Что скончался, наконец!
Этот памятник позорный
Нашей подлости покорной
Вызвал желчь в моей груди,
В голове рассеял грезы.
Я спросил себя сквозь слезы:
Что же будет впереди,
Если царь, в котором прежде
Мы любили, как в надежде,
Наш счастливейший удел,
Сам, как будто в посмеянье,
Наше прежнее страданье
Нам напомнить захотел?
Если он не уважает
Ни печаль, ни слабость в нас,
Наше рабство выставляет
Всем народам напоказ?
Боже, смилуйся над нами!
Как без ропота нам снесть
Нашу нашими царями
Опозоренную честь?

[1]) Далее написано чернилами.

[1]) Далее написано карандашом.

Как же людям не томиться,
Как же в них не разгорится
Злобы праведный огонь,
Если даже медный конь
Грозно мечется и злится
Под ужасным седоком,
Если, точно как в живом
Видно, в нем как кровь клокочет,
И, поднявшись на дыбы,
Сбросить всадника он хочет
На фонарные столбы?

Новое о Пушкине.

В начале марта 1834 г. Пушкин писал из Петербурга своему лучшему другу Нащокину: «Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на-днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном беспокойстве. Что такое? Имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — О чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем. — Что делать? Надобно взять имение в руки и отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты!»

До 1834 г. Пушкин не вмешивался в управление отцовским Болдиным, которое закладывалось и перезакладывалось, обрастало долгами и беспощадно расхищалось управителями. Призванный отцом в критическую минуту, грозившую продажей имения и полным разорением семьи, Пушкин был принужден взять на себя устройство Болдинских дел, хотя сам лично был менее всего заинтересован в получаемых с него доходах: он жил литературным гонораром, и оброк с 200 душ, выделенных ему отцом еще в 1830 г., составлял незначительную долю в общем его бюджете. Картину материального положения Пушкина в это время ярко нарисовал П. Е. Щеголев в статье «Пушкин и мужики», недавно появившейся в печати [1]). Заботы о судьбе родителей, о беспечном и беспутном брате Левушке все же вынудили согласие Пушкина. Против своего желания и против желания жены он взял на себя роль восстановителя семейного благополучия. Надо было прежде всего получить точные сведения о состоянии имения и размере долгов, лежащих на нем. Для выяснения первого вопроса Пушкин обратился к управителю Болдина Пеньковскому, приказывая ему тотчас же прислать нужные ему счета и приступить к подворной описи [1]). Общую сумму долгов сообщил ему Сергей Львович, но здесь произошло недоразумение, о котором Пушкин так писал 4-го мая Павлищеву, мужу сестры: «Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам казенным и частным и доходам. Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении т ы с я ч с т о, что процентов в год должно уплачивать т ы с я ч с е м ь, что недоимок т ы с я ч и т р и, а что доходов т ы с я ч 22. Я просил все это определить с большею точностью, и батюшка не успел этого сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что:

долгу казенного . . . . 190.750—
что процентов ежегод[но] . 11.826
что недоимок 11.045
(частных долгов, полагаю, около 10 000)».

Картина, открывшаяся перед Пушкиным, была действительно плачевная и расстроила его. Неопытный в делах подобного рода, он считал положение безнадежно непоправимым, когда к нему на помощь пришел его приятель Соболевский. Сергей Александрович Соболевский (1803—1870 гг.), внебрачный сын богатого помещика А. Н. Соймонова, в молодости «безалаберный» кутила и прожигатель жизни, в 30—40-х годах оказался практичным и деловым человеком, сумевшим с помощью финансовых спекуляций и коммерческих

[1]) «Новый Мир», 1927 г., кн. 12.

[1]) Письмо от 13 апреля 1834 г.

предприятий составить себе крупное состояние. С Пушкиным он был близок с юношеских лет и не раз помогал ему в устройстве денежных дел. Может быть, именно Соболевский и взял через своего «приятеля бухгалтера» (см. ниже текст письма) вышеупомянутую справку в ломбарде. Он вник в грозные ряды цифр, значащиеся в этой бумаге, и своим склонным к различным финансовым операциям умом наметил возможный выход из создавшегося положения. Мы узнаем это из ниже печатаемого документа, полученного нами от внука поэта, Григория Александровича Пушкина.

Документ этот, вероятно, и есть та самая справка из ломбарда, о которой упомянул Пушкин в письме к Павлищеву. В нем четыре страницы; на первой из них посредине написано как бы название его «Счет по займам Сергия Львовича Пушкина». На второй странице, тщательно разграфленной, находятся сведения о времени и размерах займов, о просроченных платежах и процентах. На третьей странице имеется краткое описание земельных владений, принадлежащих Пушкиным в Нижегородской губ. Обе страницы исписаны писарским почерком, но к основному тексту сделаны некоторые добавления рукою Соболевского, Пушкина и третьего лица, вероятно бухгалтера, «приятеля» Соболевского. Вот текст этих двух страниц [1]):

Страница II.

Когда занято			На сколько лет	Занятая сумма		За уплат. осталось		Просрочен. суммы		Ежегодный платеж	
Годы	Месяцы	Чис. [ло]		Рубли	К	Рубли	К.	Рубли	К.	Рубли	К.
1824	Июня	26	37	112.600	—	101.847	50	4.113	07	6.756	—
1827	Февраля	3	37	20.000	—	18.639	50	1.270	30	1.200	—
1828	Июля	10	37	20.000	—	19.137	95	1.198	91	1.200	—
1830	Ноября	6	26	28.150	—	27.587	—	4.113	80	1.970	50
1831	Ноября	10	26	5.000	—	4.795	—	—	—	350	—
1831	Декабря	8	26	5.000	—	4.900	—	349	84	350	—
								следует нынче безотлагательно заплатить [2])			
								11.045	92 [3])		
				Всего долга		осталось долга за уплатой				ежегодно платить	
				190.750	—	176.906	95			11.826	50

В описании имению показано принадлежащей земли: к селу Болдину единственного владения пахотной 2.340 дес. 2.091 саж., сенокосной 182 дес. 1.615 саж., лесу строевого и

[1]) Письмо печатается с соблюдением некоторых особенностей орфографии подлинника.

[2]) Слова «следует» и т. д. написаны карандашом, полустерты и, вероятно, принадлежат бухгалтеру.

[3]) Этот итог и итоги, помещенные ниже, написаны рукою Соболевского.

Страница III.

	В залоге Совета по займам					Свободных от залога	
Во владении Сергея Львовича Пушкина состоит Нижегородской губернии	1824 июня 26	1830 ноябр. 6 надбав.	1827 февр. 3	1831 ноябр. 10 надбав.	1828 июля 10	1831 декабря 8 надбав.	
	112.600	28.150	20.000	5.000	20.000	5.000	
В округах:							
Лукояновском — в селе Болдине, Сергиевское то ж —563 . . .	563	563					
Сергачьском — сельце Кистеневе, Тимошеве то ж 474	—	—	100	100	100	100	274

дровяного 582 дес. 1.422 саж., под поселением, огуменниками и огородами 110 дес. 100 саж., под речкою и оврагою 20 дес. 36 саж., всего 3.236 десятин 465 сажен.

К сельцу Кистеневу при 476 душах единственного владения 1.461 дес. 95 сажен [1]).

Четвертая и последняя страница документа занята письмом С. А. Соболевского к Пушкину, в котором Соболевский излагает другу состояние дела и указывает, какие меры должен он немедленно принять. Письмо не имеет подписи Соболевского, но по почерку и по сути дела может быть с полной достоверностью приписано ему. На месте, где можно было бы предположить подпись, находится слово, тщательно зачеркнутое Пушкиным и украшенное характерными для него завитками. Приводим полностью текст нового письма Соболевского, которое является всего лишь вторым по счету в известной нам переписке Пушкина с Соболевским:

«Из сей бумаги следует:

1) что у тебя душ 1.037 по последней ревизии, а не 950, как ты говорил. К ним земли 4.698 десятин;

2) что из них 563 заложены с надбавочными, 200 заложены с надбавочными, 200 тобою заложены без надбавочных, 74 совершенно свободны, итак ты можешь получить:
на свои 200 надбавочных . 10.000 руб.,
на 74 всего по 250 . . . 18.500 »
Сверх этих 28.500 рублей есть надежда, что души по новой ревизии прибавились и что их можно будет заложить.

3) Что недоимки 11.045 руб. 92 коп., кои должно немедленно заплатить, как то отметил мой приятель бухгалтер. Впрочем я думаю, что у него последний платеж, сделанный теперь в деревни, еще не известен. Итак 11.045 есть maximum с надеждою на minimum.

Итак у тебя остается с первого раза 17.000 рублей на платеж 10 или 12 тысяч за Льва и отца и на прокорм отца за год вперед, не считая оставшихся доходов.

Есть же тебе из чего печалиться, а Натальи Николавне дуться?!!

4) ежегодно следует платить за отца 11.826 руб. 50 коп., за себя 2.400 руб., за те, коих перезаложишь и заложишь 1.847 руб, Итого 16.173 рубля 50 коп..»

План, начертанный Соболевским, Пушкин принял к сведению. Мы знаем, что он летом этого же 1834 г. начал хлопоты по закладу последних 74 свободных душ, под которые и получил 19-го июля 13.242 рубля. О полученной сумме Пушкин сделал собственноручную отметку в публикуемом нами

[1]) Далее следует приписка (позднейшая) рукою Пушкина. Мы ее приводим далее в тексте статьи.

документе, поместив под вышеприведенным описанием Болдина и Кистенева (на III стр. документа) следующие строки:

«19-го июля 1834 заложено на 37 лет 74 души, за удержанием долгу выдано 13.242 р. Платить процент. 900 руб. (за 15.200)».

Полученные деньги помогли Пушкину на время выпутаться из тяжелого положения, уплатить недоимки по имению, ублаготворить родителей и вечно находившегося в долгах брата. Но это была временная поддержка. По существу Пушкин был прав, когда летом этого года писал П. А. Осиповой: «Я принял имение, которое принесет мне одни заботы и неприятности. Родители мои не знают, что они на волос от разорения...» Вся дальнейшая история хозяйственных хлопот Пушкина о Болдине показывает, как это разорение неминуемо надвигалось и как бессильны были попытки поэта противостоять неизбежной катастрофе.

В. Нечаева.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Ставка и министерство иностранных дел *(продолжение)* . . . . . 3— 58
Московская Городская Дума после Октября *(окончание)* . . . . . 59—106
Временное Правительство и Учредительное Собрание. С предисловием ***Н. Рубинштейна*** . . . . . 107—141
Крым в 1918—1919 гг. Сообщил ***А. Гуковский*** . . . . . 142—181
Конец русско-японской войны. С предисловием ***Б. Романова*** . . . . 182—204
Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. . . . 205—224

Из записной книжки архивиста

Из истории колчаковщины. Сообщил ***П. Мирошниченко*** . . . . . 225—228
Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I. Сообщил ***Б. Козьмин*** . . . . . 228—231
Новое о Пушкине. Сообщила ***В. Нечаева*** . . . . . 231—234